

Философия Права

№ 4 (91)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год

2019

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 17 октября 2017 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-71314

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОПОНИМАНИЕ И ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

- Вовк Е. В.**
ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЕЕ ПОНИМАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ 7
- Карнаушенко Л. В.**
ФЕНОМЕН ПРАВА: НЕОБХОДИМОСТЬ И СПОСОБЫ ЕГО ОБОСНОВАНИЯ 13
- Литвинова Ю. И.**
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ ПРАВОВОТВОРЧЕСТВА
В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 18
- Негодаева Е. Г.**
РОЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ
(И. КАНТА, И. Г. ФИХТЕ, Г. ГЕГЕЛЯ) В СОЗДАНИИ ОСОБОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ
МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА 24
- Селютина Е. Н., Холодов В. А.**
ГЕНЕЗИС ПРАВОВОТВОРЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В РОССИИ
X – НАЧАЛА XX ВЕКА 30

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

- Емельянов В. М.**
КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЛИДАРИЗМА
В КОНЦЕПЦИИ Г. К. ГИНСА 38

Топилина А. В.

ДЕСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 44

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ АКСИОЛОГИИ

Гулевский А. Н., Гулевская Н. А., Доронин Ю. П.

АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ВОЙНЫ КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ 50

Кобылкин Р. А., Медведева Л. М.

КОНФЛИКТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ 58

Працко Г. С.

ЦЕННОСТИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ПРАВА И ИХ СООТНОШЕНИЕ
С ПРАВОВЫМ ИДЕАЛОМ 63

Цымлянская О. А.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ
С ОТХОДАМИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В РОССИИ 68

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Бавсун М. В., Попов Д. В.

БИОПОЛИТИЧЕСКИЙ БЭКГРАУНД УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ 75

Козаев Н. Ш., Рясов Д. А.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ ОГРАНИЧЕНИЯ
НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ
ИЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ 85

Максимов П. В.

ПРИЗНАКИ БАНДИТИЗМА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ПЕРИОД ДО КОДИФИКАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА (ДО 1922 ГОДА) 92

Москаленко С. Г.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ДОМИНАНТА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 98

Тишкин Д. Н., Крицкая А. А.

АНАЛИЗ ГЕНЕЗИСА УГРОЗ, ПРОДУЦИРУЕМЫХ СОЧЕТАНИЕМ ОРГАНИЗОВАННОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ, ТЕРРОРИЗМА И «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» В ЕДИНОМ
МЕХАНИЗМЕ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ
МЕРЫ ПО ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ 103

Федоренко С. П., Кодзов А. Б., Бураева Л. А.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
КАК ИНДИКАТОР ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ЭВОЛЮЦИИ 110

Чубейко С. В., Тимакина Ю. А.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЫ
ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 116

ДУХОВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА

Александрова А. В.

ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 122

Григорьев С. Э. ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА	130
--	-----

Осин В. Н. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, ПРАВА И СВОБОДЫ: ПРИКЛАДНАЯ СИНГУЛЯРНОСТЬ	136
---	-----

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Андреев А. С. ПОЗНАНИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ПОСТКРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБЩАЯ ТЕОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ	144
---	-----

Инкижекова М. С., Первухин А. С. МАКИАВЕЛЛИЗМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ	149
--	-----

Осяк В. В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	154
--	-----

Щербаченко А. К. МОШЕННИЧЕСТВО И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РАСКРЫТИЯ, РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОБЗОРНЫЙ АНАЛИЗ, ПРОБЛЕМЫ И ВЫВОДЫ	160
---	-----

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Казачанская Е. А., Кононий А. С. ПЕРЕВОРОТ 18 БРЮМЕРА VIII ГОДА РЕСПУБЛИКИ (9 НОЯБРЯ 1799 ГОДА) И ПЕРЕХОД К РЕЖИМУ ЕДИНОЛИЧНОЙ ВЛАСТИ БОНАПАРТА	167
--	-----

Рожковский В. Б. ВИЗАНТИЙСКАЯ ТЕОРИЯ СИМФОНИИ СВЕТСКОЙ И ДУХОВНОЙ ВЛАСТЕЙ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ	175
---	-----

Главный редактор: **К. А. Плясов**, канд. юрид. наук, доцент
Заместитель главного редактора: **С. В. Пахомов**, канд. юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

И. М. Вакула, д-р филос. наук, проф.;
А. И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
А. А. Конгарев, д-р филос. наук, проф.;
В. Б. Рожковский, д-р филос. наук, доц.;
Е. А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
Е. Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
П. П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
Г. Г. Небрятенко, д-р юрид. наук, доц.;
Н. Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
Т. С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
А. В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Лубский, д-р филос. наук, проф.;
С. И. Кузина, д-р полит. наук, проф.;
И. Е. Абрамова, д-р полит. наук, проф.;
А. В. Понделков, д-р полит. наук, проф.;
А. Н. Ерыгин, д-р филос. наук, проф.;
Т. С. Оленич, д-р филос. наук, проф.;
О. В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.;
В. Н. Григорьев, д-р юрид. наук, проф.;
В. И. Третьяков, д-р юрид. наук, проф.;
М. А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
А. П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Ю. В. Анохин, д-р юрид. наук, доц.;
А. Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
О. А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
А. Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
Д. Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И. А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
М. О. Баев, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
М. В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.

Учредитель и издатель – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес издателя: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83

Адрес редакции: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-35

Электронная почта: ruiregiodika@mvd.ru

Официальный сайт журнала: <https://рюи.мвд.рф>

Индекс по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 79848.

Цена по подписке по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 500 рублей (2 номера).

Выпускающий редактор: Е. В. Васильцова
Компьютерный набор и верстка: Е. Е. Пелехатая

Подписано в печать 02.12.2019. Выход в свет 05.12.2019.

Формат 60x84 1/8. Объем 23 п. л. Набор компьютерный.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 20,92. Тираж 300 экз. Заказ № .

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

CONTENTS

UNDERSTANDING OF LAW AND LEGAL DOCTRINE

Vovk E. V. IDEA OF JUSTICE AND ITS UNDERSTANDING IN MODERN JURISPRUDENCE	7
Karnaushenko L. V. THE PHENOMENON OF LAW: NECESSITY AND METHODS OF ITS JUSTIFICATION	13
Litvinova J. I. ACTUAL ISSUES OF FUNCTION REALIZATION LAW-MAKING IN THE LEGAL SYSTEM RUSSIAN FEDERATION	18
Negodaeva E. G. THE ROLE OF REPRESENTATIVES OF CLASSICAL GERMAN PHILOSOPHY (I. KANT, I. G. FICHTE, G. HEGEL) IN THE CREATION OF A SPECIAL CONCEPTUAL MODEL OF CIVIL LAW	24
Seliutina E. N., Kholodov V. A. GENESIS OF LAW-MAKING LEGAL TECHNIQUE IN RUSSIA OF X – BEGINNING OF XX CENTURY	30

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANTHROPOLOGY

Emelyanov V. M. CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF LEGAL SOLIDARITY IN THE CONCEPT OF G. K. GINS	38
Topilina A. V. THE DESTRUCTIVE POTENTIAL OF THE LIBERAL INTELLECTUALS	44

PROBLEMS OF LEGAL AXIOLOGY

Gulevsky A. N., Gulevskaya N. A., Doronin Yu. P. THE ANALYSIS OF CONCEPTS OF WAR AS SOCIAL PHENOMENON IN PHILOSOPHY	50
Kobylkin R. A., Medvedeva L. M. CONFLICT COMPONENT OF VALUES OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS	58
Pratsko G. S. VALUES OF THE CURRENT LAW AND THEIR CORRELATION WITH THE LEGAL IDEAL	63
Tsymlyanskaya O. A. AXIOLOGICAL ASPECTS OF LEGAL REFORM OF THE PRODUCTION AND CONSUMPTION WASTE IN RUSSIA	68

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE LEGAL POLICY OF THE STATE

Bavsun M. V., Popov D. V. BIOPOLITICAL BACKGROUND OF CRIMINAL POLICY	75
Kozaev N. Sh., Ryasov D. A. CRIMINAL-LEGAL POLICY OF RUSSIA IN THE SPHERE OF RESTRICTION OF UNDESIRABLE ACTIVITIES OF FOREIGN OR INTERNATIONAL NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS	85
Maksimov P. V. SIGNS OF BANDITRY IN THE LEGISLATION OF THE SOVIET STATE IN THE PERIOD BEFORE THE CODIFICATION OF CRIMINAL LAW (TILL 1922)	92

Moskalenko S. G.	
RUSSIAN STATEHOOD AS DOMINANT OF CIVILIZATIONAL IDENTIFICATION: POLITICAL AND LEGAL ANALYSIS	98
Tishkin D. N., Kritskaya A. A.	
ANALYSIS OF THE GENESIS OF THREATS PRODUCED BY A COMBINATION OF ORGANIZED CRIME, TERRORISM AND «COLOR REVOLUTIONS» IN A UNIFORM HYBRID WAR MECHANISM AND POSSIBLE POLITICAL AND LEGAL MEASURES TO THEIR NEUTRALIZE	103
Fedorenko S. P., Kodzov A. B., Buraeva L. A.	
THE PERIODIZATION OF THE DEVELOPMENT OF THE DOMESTIC STATEHOOD AS AN INDICATOR OF THE EVOLUTION REGULARITIES	110
Chubeiko S. V., Timakina J. A.	
FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE INFORMATION SPHERE OF FOREIGN STATES AND THE RUSSIAN FEDERATION	116

SPIRITUAL AND SOCIO-CULTURAL FOUNDATIONS OF LAW

Aleksandrova A. V.	
THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION AND THE CONCEPT OF DEVELOPMENT OF SOCIAL LEGISLATION	122
Grigoriev S. E.	
PATRIOTIC EDUCATION IN THE SYSTEM OF REALIZATION OF EDUCATIONAL FUNCTION OF LAW	130
Osin V. N.	
SOCIAL PROCESSES, RIGHTS AND LIBERTIES: APPLIED SINGULARITY	136

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FIGHT AGAINST CRIME

Andreev A. S.	
KNOWLEDGE OF REGULARITIES OF POST-CRIMINAL ACTIVITY AND THE GENERAL CRIMINOLOGY THEORY	144
Inkizhekova M. S., Pervukhin A. S.	
MACHIAVELLISM IN THE WORK OF POLICE OFFICERS	149
Osyak V. V.	
THEORETICAL ASPECTS OF DETECTION AND INVESTIGATION OF COUNTERFEITING IN MODERN CONDITIONS	154
Scherbachenko A. K.	
FRAUD AND FEATURES OF ITS DISCLOSURE, INVESTIGATION AND PREVENTION AS SUBJECT OF FORENSIC SCIENCE STUDY: OVERVIEW ANALYSIS, PROBLEMS AND CONCLUSIONS	160

PHILOSOPHICAL AND LEGAL DIMENSION OF STATE POWER

Kazachanskaya E. A., Konopiy A. S.	
THE COUP D'ETAT OF THE 18 th BRUMAIRE OF THE VIII YEAR OF THE REPUBLIC (NOVEMBER 9, 1799) AND THE TRANSITION TO THE REGIME OF BONAPARTE'S SOLE POWER	167
Rozhkovsky V. B.	
BYZANTINE THEORY OF THE SYMPHONY OF SECULAR AND SPIRITUAL POWER AND ITS HISTORICAL SIGNIFICANCE	175

Вовк Елена Викторовна
Vovk Elena Viktorovna

аспирант Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Post-Graduate Student of the South Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

E-mail: vev.412@mail.ru

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЕЕ ПОНИМАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Idea of justice and its understanding in modern jurisprudence

В статье анализируются различные подходы к пониманию идеи справедливости, предлагаемые современной наукой. Автор рассматривает вопросы соотношения права и справедливости, а также принципы справедливости, юридического равенства и законности в контексте различных типов правопонимания. Исследуются аксиологические характеристики справедливости в современном правовом мышлении.

Ключевые слова: законодательство, законность, справедливость, конституционные принципы, конституционные ценности, конституция, мораль, нравственность, правовые принципы, социальная справедливость, юридическое равенство.

The article analyzes various approaches to understanding the idea of justice proposed by modern science. The author considers the relationship between law and justice, as well as the principles of justice, legal equality and legality in the context of various types of legal understanding. The axiological characteristics of justice in modern legal thinking are considered.

Keywords: legislation, legality, justice, constitutional principles, constitutional values, constitution, morality, morals, legal principles, social justice, legal equality.

Справедливость как ценность, принцип или идея традиционно занимает одно из центральных мест в философских и правовых концепциях представителей различных видов гуманитарных наук. Повсеместное обращение к идее справедливости представителей научного сообщества не случайно и объясняется желанием оправдать уже сложившийся или желаемый правопорядок. Исследование феномена справедливости в юридическом ключе предполагает учет целого ряда обстоятельств. Речь идет о том, что к юридическим понятиям и категориям в большинстве случаев предъявляются более строгие требования, нежели, например, к категориям политической или социологической науки. При этом необходимо различать специфику общетеоретической юридической трактовки того или иного явления и его непосредственно нормативное представление в действующем законодательстве. Ряд авторов в этой связи проводят различие между формально юридическими и общеправовыми понятиями и категориями [1, с. 25–30]. Однако

нельзя не согласиться и с тем, что «...юридическая наука не является точной. Мы используем те или иные понятия, иногда определяя или переопределяя их для применения к конкретному случаю, а иногда и просто предполагая (или надеясь), что те, кто нас слышат или читают, придают словам такое же значение, как и мы». Таким образом, «юридическая наука связана терминологией, наполненной предельно расплывчатыми, хотя и почитаемыми концептуальными понятиями», к числу которых относится и справедливость [4, с. 76]. Родоначальник немецкой классической философии И. Кант писал в этой связи о том, что «понятия, данные a priori, например: субстанция, причина, право, справедливость и т. д., строго говоря, также не поддаются дефиниции...». По мнению философа, термин «дефиниция» в данном случае желательно было бы заменить на термин «экспозиция», сохраняющий сомнения в отношении полноты дефиниции [11, с. 610].

Следует согласиться с мнением профессора Н. Н. Вопленко, в соответствии с которым

«употребление термина “справедливость” без конкретизации ее содержания и сферы проявления выглядит некорректным и функционально неопределенным... Непринятие в расчет этого момента ведет к понятийной путанице, перескакиванию с одного образа справедливости на другой» [5, с. 8]. По мнению автора, справедливость может рассматриваться («образы справедливости») как идея, нормативно-оценочная система и объективно сложившийся режим. Автор считает, что сегодня мы наблюдаем «абсолютизацию правовых форм бытия справедливости», обесценивающую неправоное (доправовое) понимание справедливости, тогда как именно на основе идей справедливости формировались основные правовые нормы и институты, то есть в историческом плане право более поздний и неравнозначный регулятор общественных отношений [5, с. 9].

Дискуссия о доправовой и внеправовой природе справедливости представляется достаточно интересной как в общетеоретическом, так и практическом плане и представляет собой широкое поле для обсуждения вопросов о сущности права и формах его выражения. Одной из важных составляющих такой дискуссии является вопрос о справедливости позитивного законодательства. Как отмечается в юридической науке, для классической советской юриспруденции было характерно утверждение о том, что сложившийся в результате действия советских законов правопорядок по определению являлся справедливым. Данное утверждение объяснялось отождествлением закона и права, объективным свойством которого в силу античных традиций выступала справедливость [13, с. 70–82]. В современных научных реалиях отождествление закона и права не является сколько-нибудь обоснованным. В свою очередь, в современной науке достаточно часто можно встретить мнение, что право в его естественном понимании в конечном итоге сливается с понятием справедливости. Как отмечает в этой связи Р. Р. Лемонджава, «где есть право, есть и справедливость» [12, с. 2–5]. По нашему мнению, такая трактовка права (естественного права) излишне категорична и оказалась бы актуальной при наличии единообразных представлений о справедливости у всех индивидов. В условиях, когда понимание того, что справедливо, а что несправедливо, является в большей сте-

пени субъективным и личностным, обусловленным конкретным историческим этапом развития и совокупностью разнообразных политических, экономических и иных факторов, говорить о слиянии феноменов права и справедливости не представляется возможным. Как отмечается в научной литературе, не существует какого-либо канона, который позволял бы однозначно трактовать что-то как справедливое или несправедливое. Внутренние чувства здесь преобладают над рациональными рассуждениями, а логические, научные и формально-юридические аргументы практически не работают. Таким образом, справедливость выступает в качестве «социального инстинкта», «воображаемого компаса» [3, с. 21–33]. Не случайно в юридической науке справедливость рассматривается как так называемое интуитивное право [14, с. 101–107]. Кроме того, как отмечал немецкий философ Ф. Гегель, по своей форме справедливость представляет собой деяние субъективной воли. По вине обстоятельств справедливость может олицетворять лишь чужое субъективное суждение, когда «в осуществлении справедливости мною распоряжается лишь внешняя сила» [7, с. 151, 193].

На наш взгляд, следует согласиться с утверждением Ю. А. Гавриловой о том, что отдельные социальные явления, в частности, идея справедливости, при их взаимодействии с правовой сферой приобретают качества правовых ценностей [6, с. 36]. Однако следует учитывать, что от этого они не перестают выступать в качестве самостоятельных моральных и этических ценностей, существующих вне правового пространства, а право в естественном представлении включает не только идею справедливости, но и иные регуляторы общественных отношений, а также принципы человеческого общежития.

Одновременно следует поддержать позицию Р. Р. Лемонджава, высказанную в отношении позитивного права, смысл которой сводится к тому, что, не имея возможности стать универсально справедливым и обеспечить абсолютную справедливость, право лишь стремится к установлению справедливости [12, с. 2–5]. Э. Кант писал в этой связи о том, что «по сентенции (dictum) справедливости, строжайшее право – это величайшая несправедливость (summum ius summa iniuria)... потому что

справедливость относится только к суду совести (*forum poli*), а каждый правовой вопрос должен решаться на основании гражданского права (*forum soli*)» [11, т. 4, с. 144]. А. И. Гусейнов, отмечая в своей работе, что достижение абсолютной справедливости в правовом поле невозможно, видит основную задачу публичной власти в содействии установления справедливости во всех сферах [8, с. 14–22]. Анализируя феномен юридической справедливости в контексте правоприменительной деятельности, профессор Н. Н. Вошленко рассматривает юридическую справедливость как нравственно-правовой идеал, движение к которому невозможно без преодоления противоречий и разногласий между морально-нравственными императивами справедливости и формально-правовыми предписаниями. Возможность приблизить правоприменительное решение к идеалу юридической справедливости напрямую зависит от того, в какой мере преодолены или сглажены нравственно-правовые коллизии [5, с. 13]. Многие исследователи отмечают, что рано или поздно каждый практикующий юрист сталкивается с необходимостью выбора между «законным» и «справедливым» решением [14, с. 106–107].

Говоря о недопустимости отождествления справедливости и закона, можно упомянуть о ситуациях, когда закон на совершенно легальных основаниях, не вызывая ни у кого достаточно серьезных возражений, бывает несправедливым. В качестве яркого примера можно привести институт президентского помилования (ст. 89 Конституции РФ, ст. 85 Уголовного кодекса Российской Федерации). Решение о помиловании может быть справедливым только в одном случае: если выступает как способ исправления судебной ошибки. Поскольку в современной российской действительности в качестве такового институт помилования не используется, следует признать его рациональным, функциональным, политически обоснованным, целесообразным, но ни в коей мере не справедливым. Великий немецкий философ Эммануил Кант, рассматривая институт помилования, отмечал, что «право помилования (*ius aggratiandi*) преступника – будь то смягчение наказания или полное освобождение от него – это самое щекотливое из всех прав суверена». С одной стороны, оно доказывает «блеск его величия», с другой – ведет к безнаказанности и

несправедливости, если не применяется исключительно в связи с вредом, причиненным самому суверену [12, с. 263].

Обращаясь к современной конституционно-правовой науке, нельзя не отметить сложившуюся тенденцию синонимизации справедливости и социальной справедливости, полного или частичного отождествления принципа справедливости с принципом формального (юридического) равенства. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин в научном исследовании, посвященном конституционно-правому развитию России, рассматривает справедливость и равенство как основные юридические ценности (наряду с правами и свободами человека, верховенством права, разделением властей, парламентаризмом и пр.), выразителем которых является Конституция РФ [9, с. 6, 9, 20, 27, 38, 40, 74, 75, 76, 175]. Также, по мнению автора, равенство (юридическое равенство) и справедливость предполагаются принципами правового и социального государства, образуют режим верховенства права, определяют содержание конституционного государства и сущность права как меры свободы, выступают важнейшими составляющими основ конституционного строя, непреходящими конституционными ценностями, общепризнанными принципами, всеобщим принципом, общеправовыми принципами, требованием, конституционным требованием, юридическими аксиомами и т. п. Несложно заметить, что, во-первых, справедливость предстает как явление в максимальной степени многогранное и раскрывается через набор самых разнообразных понятий (принцип, требование, аксиома), а, во-вторых, категории «справедливость» и «равенство» (юридическое равенство) полностью или частично отождествляются в зависимости от контекста их использования. В отдельных случаях автор отграничивает одно понятие от другого, в частности, справедливость рассматривается как общеправовой принцип, а юридическое равенство как конституционный принцип [9, с. 200].

В качестве относительно самостоятельной проблемы автор исследования рассматривает идею социальной справедливости [9, с. 261–263], одновременно используя такую терминологическую связку, как принципы юридического равенства и социальной справедливости. В конечном итоге ав-

торская позиция в отношении понятий «равенство» и «справедливость» предметно разъясняется. В частности, отмечается, что правовое равенство является парафразом понятия справедливости, как уравнивающей (равенство всех перед законом и судом), так и распределяющей («воздаяние равным за равное»). Одновременно «формальное равенство в его двух аспектах...логически предполагает преодоление исходного фактического неравенства путем создания равенства стартовых возможностей в использовании прав и свобод» [9, с. 715].

На наш взгляд, с последним утверждением можно согласиться лишь при учете достаточно важного обстоятельства. Так называемые стартовые возможности в процессе реализации большей части субъективных прав и свобод (в том числе в сфере осуществления правосудия) во всех случаях будут обусловлены финансово-экономическими возможностями индивида, в отдельных случаях – даже в большей степени, нежели какими-либо другими. Обеспечение равенства финансовых «стартовых возможностей» – это задача, которая даже для экономически стабильных и «благополучных» государств в обозримой перспективе представляется нерешаемой. В этой связи основная задача государства состоит не в обеспечении равных «стартовых возможностей», то есть «преодолении исходного фактического неравенства», а хотя бы отчасти минимизации его последствий. В последнем случае справедливость предстает своеобразным оценочным критерием, нравственным идеалом. С другой стороны, попытка достичь идеала справедливости путем материальной поддержки малоимущих сама по себе ведет к юридическому неравенству, то есть возникает ситуация, когда «юридическое неравенство вводится для выравнивания социальных условий» [8, с. 14–22]. Надо сказать, что идея противопоставления социального и юридического равенства в контексте рассмотрения идеи справедливости выглядит достаточно интересной и перспективной в научно-теоретическом плане с точки зрения оценки современного российского законодательства.

Возвращаясь к вопросу о совместном употреблении понятий «равенство» и «справедливость», отметим, что последнее является традиционным как для современной российской

науки, так и для практики конституционного правосудия. Одновременно следует учитывать, что категория «справедливость», по сути, не получила своего конституционного оформления, поскольку упоминается лишь в Преамбуле Конституции РФ в контексте обращения к памяти предков, «передавших нам...веру в добро и справедливость». В этой связи следует признать обоснованным утверждение о том, что справедливость – это в большей степени общеправовой принцип, а равенство (юридическое равенство) – принцип, который следует отнести к конституционным. Однако, как отмечает в своей работе судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь, императивные начала справедливости в сочетании с ее правовыми и нравственными началами пронизывают всю систему современного конституционализма. Автор также обращает внимание на тот факт, что принцип справедливости занимает одно из важнейших мест в практике Конституционного Суда РФ. Следует согласиться с тем, что, не получив прямого формально-юридического закрепления в Основном законе, принцип справедливости был конституционализирован и обоснован как имеющий универсальный характер и оказывающий регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ [2, с. 52, 290]. Однако, на наш взгляд, однозначное понимание того, что же представляет из себя принцип справедливости в интерпретации Конституционного Суда РФ сформулировать достаточно сложно. Аналогичные соображения можно высказать и в отношении правовых позиций Верховного Суда РФ.

Следует отметить, что современное российское законодательство также лишено единого понимания идеи справедливости и ее производных. Одно из исключений – это разъяснение Уголовным кодексом РФ принципа справедливости применяемых к лицу, совершившему преступление, мер уголовно-правового характера, в частности, соответствие наказания и иных мер уголовно-правового характера характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ст. 6). В отдельных случаях «справедливость» используется в законодательстве в значении, близком к понятиям «законность», «равенство перед зако-

ном и судом» и в контексте рассмотрения «права на справедливое судебное разбирательство» на основе принципа состязательности и равноправия. Вопрос о разграничении понятий «законность» и «справедливость» в контексте анализа современного российского законодательства также породил значительное количество дискуссий [17, с. 52–58].

Как уже отмечалось, в современной правовой науке категория «справедливость» может трактоваться в зависимости от обстоятельств и контекста ее использования. Так, по мнению Е. В. Кабышевой, справедливость в праве можно рассматривать как историко-правовую категорию, принцип юридической деятельности, принцип права, критерий правоприменительной деятельности и цель правотворческого и правоприменительного процесса [10, с. 15–17]. А. И. Гусейнов, оценивая роль справедливости в процессе оценки (легитимации) правовых институтов, выделяет в ее структуре постоянную (формальную) и переменную (реальную) справедливость [8, с. 14–22].

И. В. Чечельницкий предлагает выделить двенадцать необходимых критериев справедливости права, к которым относятся законность, демократизм, морально-нравственная обоснованность, гуманизм, достижение баланса публичных и частных интересов, эффективность, научность и профессионализм, органичность, учет интересов меньшинства, системность, диалектическое сочетание элементов равенства и неравенства в праве, ответственность за будущие поколения. В качестве способов обеспечения справедливости права в России автор предлагает закрепление принципа справедливости во всех отраслях российского права, а также в специальном Федеральном законе «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». По мнению автора, нельзя забывать и об обязательной экспертизе законопроектов на предмет их соответствия принципу справедливости [16, с. 57–63].

В заключение отметим, что современная правовая интерпретация идеи справедливости, сформировавшаяся, в том числе на основе текущего законодательства и правовых позиций высших судов, характеризуется многоаспектностью и формальной неопределенностью. На сегодняшний день у представителей различных отраслей права сложилось собственное понимание справедливости, которое может значительным образом различаться. Подобное положение дел провоцирует ситуацию содержательного выхолащивания идеи справедливости, преуменьшения ее содержания и наполнения, синонимизации с принципами законности и формального (юридического) равенства. При этом достаточно слабо используется ее значительный нравственный, моральный и этический потенциал, что недопустимо в условиях, когда идея справедливости по-прежнему выступает как наиболее актуальная для большинства россиян. До сих пор не определены статус справедливости и ее место в правовой системе России (общеправовой принцип, конституционный принцип, ценность, конституционная ценность, требование, аксиома и так далее). Попытки представить справедливость как высшую форму естественного права или позитивного закона также должны быть критически переосмыслены. Современная наука шагнула гораздо дальше представлений Аристотеля о формальной структуре справедливости, что также необходимо учитывать представителям юридической науки. Одним из существенных изъянов правовых исследований идеи справедливости также следует считать недостаточное обращение к достижениям политической, социологической и, что не менее актуально, психологической науки. Важен также анализ идеи справедливости с учетом полиэтничности российского государства, так как имеются существенные различия в понимании этой ценности в зависимости от этнической культуры [18; 19].

Литература

1. Авдеев Д. А. Избиратели как источник власти, или юридическое измерение категории «народ» // Современное право. 2015. № 11.
2. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и конституционно-судебная практика: монография. 2-е изд., перераб. М., 2015.

Bibliography

1. Avdeev D. A. Voters as a source of power, or the legal dimension of the category of «people» // Modern law. 2015. № 11.
2. Bondar N. S. Judicial constitutionalism: doctrine and constitutional-judicial practice: monograph. 2nd ed., revised. Moscow, 2015.

3. Бубон К. В. Справедливость: поддается ли она юридическому описанию? // Адвокат. 2011. № 6.
4. Венгер Ф. Верховенство права как глобальная мера конституционализма // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире: сборник статей / отв. ред.: В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М., 2013.
5. Вошленко Н. Н. Понятийный ряд теории справедливости // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2010. № 2 (13).
6. Гаврилова Ю. А. Правовые ценности и смысл права // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4).
7. Гегель Ф. Философия права. М., 1990.
8. Гусейнов А. И. Проблема ценностей в праве // Право и политика. 2007. № 7.
9. Зорькин В. Д. Конституционно правовое развитие России. М., 2011.
10. Кабышева Е. В. Принцип справедливости в конституционном и уголовном законодательстве России: проблемы взаимовлияния // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11.
11. Кант И. Сочинения: в 6-ти томах. М., 1965. Т. 3–4.
12. Лемонджав Р. Р. Справедливость как ценность права // История государства и права. 2011. № 11.
13. Ливеровский А. А. Рациональная модель конституционного регулирования // Lex russica. 2019. № 1.
14. Свергузов Д. Ш. О свободе, справедливости и законе // Российский юридический журнал. 2013. № 4.
15. Чечельницкий И. В. Принцип справедливости в праве // История государства и права. 2014. № 6.
16. Ярковой С. В. Законность и юридическая справедливость административной правоприменительной деятельности // Административное право и процесс. 2017. № 11.
17. Овчинников А. И. Базовые ценности и конституционное развитие России // Философия права. 2011. № 5 (48).
18. Овчинников А. И., Тащян А. А. Национальный вопрос в истории политико-правовой мысли. Ростов н/Д, 2004.
3. Bubon K.V. Justice: can it be legally described? // Lawyer. 2011. № 6.
4. Venter F. Rule of law as a global measure of constitutionalism // Doctrines of the rule of law and the rule of law in the modern world: collection of articles / responsible editors: V. D. Zorkin, P. D. Barenboim. Moscow, 2013.
5. Voplenko N. N. The conceptual series of justice theory // Bulletin of Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence. 2010. № 2 (13).
6. Gavrilova Yu. A. Legal values and the meaning of law // Russian journal of legal research. 2015. № 3 (4).
7. Hegel F. Philosophy of law. Moscow, 1990.
8. Huseynov A. I. The problem of values in law // Law and politics. 2007. № 7.
9. Zorkin V. D. Constitutional and legal development of Russia. Moscow, 2011.
10. Kabysheva E. V. The principle of justice in the constitutional and criminal legislation of Russia: problems of mutual influence // Constitutional and municipal law. 2011. № 11.
11. Kant I. Works: in 6 volumes. Moscow, 1965. Vol. 3–4.
12. Lemonjav R. R. Justice as the value of law // History of the state and law. 2011. № 11.
13. Liverovsky A. A. A rational model of constitutional regulation // Lex russica. 2019. № 1.
14. Sverguзов D. Sh. On freedom, justice and law // Russian law journal. 2013. № 4.
15. Chechel'nitsky I. V. The principle of justice in law // History of the state and law. 2014. № 6.
16. Yarkovoi S. V. Legality and legal justice of administrative law enforcement // Administrative law and process. 2017. № 11.
17. Ovchinnikov A. I. Basic values and constitutional development of Russia // Philosophy of law. 2011. № 5 (48).
18. Ovchinnikov A. I., Tashyan A. A. The national issue in the history of political and legal thought. Rostov-on-Don, 2004.

Карнаушенко Леонид Владимирович
Karnaushenko Leonid Vladimirovich

начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России
доктор исторических наук, профессор.

Head of the Department of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Doctor of History, Professor.

E-mail: karnl@mail.ru

**ФЕНОМЕН ПРАВА:
НЕОБХОДИМОСТЬ И СПОСОБЫ ЕГО ОБОСНОВАНИЯ**
The phenomenon of law: necessity and methods of its justification

В статье рассматривается соотношение способов обоснования права как регулятивного принципа в системе общества и конкретных моделей «правового обоснования» в структуре правотворческой и правоприменительной практики. Отмечается, что исторические типы обоснования права выступают в роли герменевтических моделей истолкования правовой действительности, они реализуют мировоззренческую функцию, подводя онтологические основания под правовые нормы в системе общества. Таким образом, по мнению автора, существует необходимость их комплексного изучения с задействованием теоретико-методологических принципов философско-правового исследования.

Ключевые слова: феномен права, закон достаточного основания, детерминизм, аксиология права, моральный аргумент в праве, правовая норма, естественное право, позитивное право.

The article talks about the relationship between the methods of substantiation of law as a regulatory principle in the system of society and specific models of «legal justification» in the structure of law-making and law-enforcement practice. Historical types of substantiation of law play the role of hermeneutic models of interpretation of legal reality. They realize the ideological function, summing up ontological foundations under the legal norms in the system of society. Thus, there is a need for their integrated research, with the involvement of theoretical and methodological principles of philosophical and legal research.

Keywords: phenomenon of law, law of sufficient reason, determinism, axiology of law, moral argument in law, the rule of law, natural law, positive law.

Возрастающая роль философско-правового дискурса в современном российском обществе может быть понята как результат коренных социально-политических и правовых трансформаций, связанных прежде всего с возникновением новых государственных институтов и переориентацией постсоветского общества на правовые принципы социального регулирования [7, с. 5–6]. Правовые модели нормирования социальных процессов для их адекватного функционирования нуждаются в соответствующем правосознании. Стоит отметить, что формирование и развитие правосознания в обществе осуществляется посредством накопления положительного опыта правового регулирования социальных взаимоотношений, а также посредством формирования достаточной теоретической базы для обоснования действующей правовой системы.

Проблема теоретической обоснованности действующей правовой системы, а также осмысления тенденций ее развития имеет выход на более широкий уровень теоретической рефлексии – философско-правовой, где, в свою очередь, затрагивается проблема обоснования права вообще как основополагающей формы регулирования социальных взаимоотношений. Это подводит к пониманию, что актуальность и социальная значимость философско-правового дискурса определяется самим обществом и является прямым следствием его коренных, в том числе и мировоззренческих трансформаций.

В структуре философско-правового дискурса центральное место занимают проблемы сущностного определения понятия права и достаточных оснований права как социокультурного феномена. Общая теоретическая мо-

дель, противопоставляющая сущность и явление, позволяет рассматривать данные проблемы в их единстве и взаимосвязи.

Существование философско-правового дискурса косвенно указывает на недостаточную определенность онтологического и эпистемологического статуса правовых основ общества, что сказывается на правотворческой и правоприменительной деятельности [4, с. 282–283]. Практика общественного развития, рассматриваемая в исторической ретроспективе, позволяет заметить, что актуальность философско-правового дискурса для действующей правовой системы напрямую зависит от того, насколько сложными и нестандартными являются решаемые ей задачи. Это, в свою очередь, определяет необходимость целостного понимания сущности и предназначения права, понимания того, где именно заканчиваются границы собственно правового способа регулирования общественных отношений. Подобные ситуации актуализируются в эпоху глубоких социально-политических трансформаций, а также в ситуации интенсификации общественного развития. И наоборот, в период стагнации, застоя общество вполне может удовлетворять выработанные стандартные подходы к решению правовых вопросов, подкрепляя тем самым инструментальное понимание права и отводя на задний план теоретические проблемы философии права [2, с. 75].

Итак, общая теория права, выходя на уровень философско-правовой рефлексии, сталкивается с проблемой обоснования права. Право как социокультурный феномен обнаруживает необходимость в философско-правовом обосновании. Теоретический интерес, на наш взгляд, представляет тот факт, что в истории философии права получают развитие различные способы концептуального обоснования права. Таким образом, в рамках общей задачи, направленной на прояснение сущностных оснований права как социокультурного феномена, существует вариативность, которая определяется внеправовыми факторами.

Рассматривая в качестве предмета исследования структуру обоснования права как социокультурного феномена в различных теоретико-методологических философско-правовых системах, в первую очередь следует разграничивать внеправовые и правовые способы обоснования права. Характерно то, что в теории

естественного права делается акцент на внеправовые основания права – «моральный аргумент» Л. Фуллера и Дж. Финниса [6, с. 419]. Так, Фуллер уделяет особое внимание тематическому разделу «Мораль, которая делает возможным право», вводя понятия «мораль долга» и «мораль стремления» [10, с. 14]. Правовой принцип долженствования заимствуется из сферы морали, мораль при этом рассматривается как имманентный правовой системе регулятивный принцип. Финнис уделяет внимание аксиологическому содержанию права, определяет семь основополагающих социальных ценностей, защите которых и служит правовая система [9, с. 118]. Представитель теории позитивного права Г. Кельзен, напротив, формулирует задачу по самоопределению права. С его точки зрения, правовая наука нуждается в обосновании самостоятельного предмета права, тогда как внеправовые модели обоснования права открывают путь для политического контроля над институтом права [8, с. 4].

Развитие данной тематики приводит к выводу, что первоначальное затруднение, с которым сталкивается всякое исследование права, выходящее на уровень философской рефлексии, состоит в необходимости дать онтологическое определение права. Вопрос о том, что такое право, в аспекте собственного существования одновременно означает и то, в качестве чего именно следует рассматривать право при построении правовой теории, а также при управлении правовой системой. Поэтому попытки сущностного определения права, широко распространенные в традиции естественно-правовых учений, реализуют герменевтическую функцию – они задают концептуальные основания интерпретации феномена права в соответствии с тем или иным метафизическим подходом. Интерпретативная модель, относимая к праву вообще, задействуется и в процедурах квалификации отдельных проявлений права. А поскольку юридическая практика тесно связана с деятельностью по истолкованию правовых норм, наличие герменевтического фактора способно внести существенные коррективы как в правотворчество, так и в правоприменительную практику.

Развивая данную тематику, можно выделить две отправные позиции при развертывании философско-правовой теории: исследование права, начиная с его понятия, и исследо-

вание права в качестве явления в системе общества. Понимание права в качестве феномена недвусмысленно указывает на то, что помимо внешнего, проявленного в системе социальной реальности права, существует его сущностный аспект. То, что феноменальный аспект права должен быть уравновешен его сущностным аспектом, разделяют по-разному и естественно-правовые и позитивно-правовые теории, что и вызывает объективную необходимость в обосновании права. Конечный способ обоснования права в позитивно-правовых теориях имеет обратную причинную направленность, чем в естественно-правовых теориях. Так, в позитивно-правовых теориях господствует представление о праве как продукте конструктивной деятельности социальных групп [3, с. 156]. Институт права получает развитие вместе с основополагающими социальными институтами, но право было и остается исключительно продуктом деятельности человека.

Понятийный подход предполагает прояснение смысла и значения права как одной из основополагающих категорий социального бытия. Первоначально данный подход развивается в системе идеалистической философии, где право как абстрактное понятие получает свою онтологическую определенность при корреляции с идеей права. Та, в свою очередь, существует вне зависимости от социального бытия как абсолютная и неизменная сущность права. В системе аналитической философии удалось преодолеть идеалистический догматизм и религиозный аргумент, но сохранить при этом понятийный подход к праву. Следует отметить, что понятийный подход к определению права присутствует как в естественно-правовых, так и позитивно-правовых теориях, реализующих методологические принципы аналитической философии.

Современное развитие понятийный подход к праву находит в правовом априоризме, который является идеалистической формой правового позитивизма. Наиболее последовательным представителем данного направления является австрийский теоретик права Г. Кельзен. Его правовая концепция восходит к методологическим основаниям марбургской школы неокантианства, однако сам мыслитель неоднократно подчеркивает, что реализует принципы позитивно-правового исследования [1, с. 170–171]. Характеристика пози-

тивно-правового способа трактовки права заключается в радикальном непринятии различных форм внеправового обоснования права. Кельзен стремится определить чистую предметность права, отделить право, прежде всего, от политики и идеологии [8, с. 4–5], следствием чего является разграничение права и морали.

Исследование права в качестве исторически развивающегося явления реализует социокультурный подход, в нем реализовано культурно-историческое обоснование права. Социокультурный подход предполагает, что право дано в качестве социального явления, которое и должно выступать в качестве объекта теоретического исследования. Социокультурный подход к праву исходит из того, что право является неотъемлемым компонентом общественных отношений. Каждому типу общества соответствует свой способ организации правовых отношений, общество может быть в большей или в меньшей степени правовым, но общество вне права немыслимо. Это, в свою очередь, подводит к тому, что понимание общества осуществляется, в том числе и посредством осмысления права, которое имманентно общественной форме бытия. Но в системе общества и системе общественных отношений право дано в качестве явления, оно доступно в качестве конкретных правовых норм, имеющих силу обязательных предписаний. Обязательность правовых предписаний подкрепляется санкциями.

Социокультурная обусловленность права является переходной позицией для правового позитивизма. Уже в аналитической философии права школа правового позитивизма полемизирует с социологическим (институциональным) подходом к праву. Обусловлено это тем, что социокультурный подход, широко представленный в системе социолого-правовых исследований, постигает право в качестве явления, детерминированного через внеправовые основания. Это приводит к утрате предмета философско-правового познания и констатации случайного, в культурно-историческом измерении, содержания правовой реальности. Важнейшее достижение современного правового позитивизма (Кельзен, Харт) состоит в обосновании самостоятельности предмета правовых исследований.

Общее различие между теориями естественного и позитивного права можно обнару-

жить в том, каким образом данные концептуальные подходы отвечают на два вопроса. Во-первых, в силу чего право, действительно, является правом, а не чем-то иным, или, что именно делает право правом? Во-вторых, в силу чего именно некоторые социальные явления должны считаться правовыми явлениями? Первый вопрос обращен к обоснованию права как формы общественного сознания и одновременно социальной структуры, реализующей одну из основополагающих регулятивных функций. Второй вопрос предполагает обоснование права в качестве конкретного социокультурного явления, а также общую структуру обоснования отдельных правовых явлений.

В позитивно-правовом подходе, в структуре обоснования отдельных правовых явлений превалирует когерентная концепция истины. Это положение хорошо раскрывается в правовой теории Кельзена. Для того чтобы обосновать правовой статус некоторой нормы (закона) необходимо подвести ее под норму более высокого порядка. При этом частные правовые нормы являются не дедуктивными следствиями из общей правовой нормы, а способами ее конкретизации и интерпретации. В учении о праве Кельзена представляется специфическая иерархия правовых норм, восходящая к абстрактной «основной норме», содержание которой стремится к нулю [5, с. 343].

Общая структура обоснования феномена права выглядит следующим образом: конкретные правовые нормы обосновываются через более общие правовые нормы, что оказывается достаточным как для правотворческой, так и для правоприменительной деятельности. Для Кельзена всякий правоприменительный акт также является формой создания правовой нормы, пусть для конкретно взятого случая. Таким образом, грань между правотворчеством и правоприменением стирается. Сама же правовая система допускает два способа обоснования. Первый из них заключается в указании на ее целостность, иными словами, на

принцип системности. Но это еще не дает ответа на вопрос, почему данная регулятивная система является именно правовой. Правовой статус она обретает через корреляцию с «основной нормой», которая понимается как формальный принцип [1, с. 181–182].

Итак, определив теоретическую и практическую значимость обоснования права как нормативного регулятивного принципа социальных взаимоотношений и рассмотрев некоторые примеры реализации данной задачи в теориях естественного и позитивного права, нельзя не заметить герменевтическую составляющую обоснования права. Фактически это означает, что всякий раз конкретное понимание правовых явлений коррелируется с принятой концепцией относительно сущности права. Можно сказать, что подлинная проблема состоит не в поиске способа обоснования права как социального явления, а в том, что в каждом правовом явлении, в процессе его интерпретации уже раскрывается репрезентируемый в нем способ обоснования права. Также следует отметить, что история развития философско-правового дискурса характеризуется усовершенствованием способов обоснования феномена права. В частности, в современном правовом дискурсе хорошо прослеживается тенденция абстрагирования от догматических способов обоснования феномена права. Хорошо известный в философии естественного права «моральный аргумент» уже не подкрепляется религиозной догматикой или ссылкой на авторитетное метафизическое учение, а преподносится крайне взвешенно, через подробную аналитику структуры морали установления особого типа морали, имманентно присутствующей в праве (Фуллер), а также через аналитику соотношения права и фундаментальных ценностей человеческого и социального бытия (Финнис). Все это обуславливает необходимость формирования критического отношения к концептуализации права как способа обоснования феномена права.

Литература

1. Антонов М. В. Об основных элементах чистого учения Г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4.

Bibliography

1. Antonov M. V. On the basic elements of the Kelsen's clean doctrine on law and the state // Proceedings of the Institute of state and law of the Russian Academy of sciences. 2013. № 4.

-
-
2. Антонов М. В. Толкование и применение права как творческий процесс // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 4.
  3. Варламова Н. В. Юридический позитивизм и права человека // Общественные науки и современность. 2008. № 1.
  4. Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М., 2016.
  5. Дидикин А. Б. О статье Г. Кельзена «Об основной норме» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34).
  6. Дидикин А. Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholē. 2014. № 2.
  7. Касаткин С. Н. Основной труд Герберта Л. А. Харта (на публикацию русского издания книги «Понятие права») // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2007. № 2.
  8. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лезова. 2-е изд. СПб., 2015.
  9. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М., 2012.
  10. Фуллер Л. Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. М., 2016.
  2. Antonov M. V. Interpretation and application of law as a creative process // Proceedings of the Institute of state and law of the Russian Academy of sciences. 2016. № 4.
  3. Varlamova N. V. Legal positivism and human rights // Social sciences and modernity. 2008. № 1.
  4. Gadzhiev G. A. Ontology of law: (critical study of the legal concept of reality): monograph. Moscow, 2016.
  5. Didikin A. B. About G. Kelzen's article «On the basic norm» // Bulletin of Tomsk state University. Philosophy. Sociology. Political science. 2016. № 2 (34).
  6. Didikin A. B. Modern theories of natural law and the classical tradition // Scholē. 2014. № 2.
  7. Kasatkin S. N. The main work of Herbert L. A. Hart (on the publication of the Russian edition of the book «The concept of law») // Bulletin of Samara humanitarian Academy. Series: Law. 2007. № 2.
  8. Kelsen G. Pure teaching about law / transl. from German M. V. Antonov and S. V. Lezov. 2nd ed. St. Petersburg, 2015.
  9. Finnis J. Natural law and natural rights. Moscow, 2012.
  10. Fuller L. L. Moral rights / transl. from English T. Danilova. Moscow, 2016.

Литвинова Юлия Игоревна
Litvinova Julia Igorevna

доцент кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

E-mail: litvinova.iu@yandex.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ
ПРАВОТВОРЧЕСТВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Actual issues of function realization law-making in the legal system
Russian Federation**

В статье рассматриваются актуальные проблемы, возникающие при реализации функции правотворчества. Указывается, что правотворчество является одной из важнейших функций государства и без его участия невозможно полноценное регулирование общественных отношений и, соответственно, функционирование жизненно важных сфер деятельности общества, поэтому научный анализ правотворчества обладает высокой актуальностью и может вестись по двум направлениям: практическая составляющая правотворчества и теоретический аспект. В статье большее внимание уделяется теоретическим аспектам реализации функции правотворчества. Показывается, каким образом взаимодействуют процессы правотворчества и правообразования, и какое место занимает процесс правоустановления. В рамках научного анализа автор выявляет основные проблемы, возникающие в ходе правотворчества, указывает их источники и предлагает пути решения.

Ключевые слова: актуальные проблемы правотворчества, правотворчество, правообразование, функции правотворчества в современном российском обществе, правотворчество как практический процесс и теоретическая основа, пути преодоления проблем правотворчества.

The article deals with the actual problems arising in the implementation of the function of lawmaking. It is pointed out that law-making is one of the most important functions of the state, and without high-level law-making it is impossible to fully regulate social relations, and therefore the functioning of vital spheres of society. Therefore, the scientific analysis of lawmaking has a high relevance, and can be conducted in two directions: the practical component of lawmaking and the theoretical aspect. The article pays more attention to the theoretical aspects of the implementation of the function of lawmaking. It is shown how the processes of law-making and legal education interact, and what place the process of legal establishment occupies. The author identifies the main problems that arise during the process of law-making, and suggests ways to solve them.

Keywords: actual problems of law-making, law-making, legal education, functions of law-making in modern Russian society, law-making as a practical process and theoretical basis, ways to overcome the problems of law-making.

Правотворчество представляет собой одну из самых значимых государственных функций. С момента возникновения государства эту функцию всегда реализовывал только лишь его глава. Правотворческая, законодательная деятельность до эпохи Нового времени была исключительной прерогативой монарха. И только лишь спустя столетия исторического развития появились законодательные органы, формируемые по демократическому принципу. В качест-

ве сословно-представительных органов возникают парламенты разного типа (в зависимости от разновидности формы правления), которые изначально выполняли законосовещательные функции, и затем после буржуазных революций XVII–XVIII веков парламент начинает осуществлять правотворческую и законодательную функции [1, с. 40–41].

Правотворчество – это основа жизнедеятельности любого современного общества,

находящегося в рамках государственного управления. Несмотря на обилие социальных регуляторов, таких как мораль, нравственность, обычаи, традиции, религия, технические нормы и так далее, право выступает единственным универсальным регулятором, обладающим монополией принуждения. Без правовой системы невозможно представить нормальное функционирование важных сфер человеческой жизнедеятельности. Поэтому анализ проблем, возникающих в ходе создания и реформирования правовых массивов, имеет высокую научную актуальность.

Правовое обеспечение потребностей общества осуществляется по двум основным направлениям. Первое из них – это регулирование общественных отношений, второе – легализация самой государственной системы, так как государство через правовую регламентацию упорядочивает и конкретизирует деятельность своих органов. Это проявляется и в процедуре комплектования, и в процессе функционирования, в том числе для органов, которые сами осуществляют правотворческую функцию. Она также направлена на создание и структурирование органов власти и создание правовой основы, обеспечивающей деятельность государственных механизмов и всего государственного аппарата в целом. Поэтому переоценить значимость правотворческой функции невозможно. На ней базируется деятельность всех участников правовых отношений, и все правоотношения находят свое регулирование в конкретных требованиях закона. В данном контексте закон имеет две характеристики: он является положительным и позитивным. Позитивным он становится благодаря фиксации на материальном источнике, а положительным он выступает в силу того, что издан особым специально уполномоченным государственным органом, имеющим положение (статус) законодательного органа, а все другие органы государственной власти не уполномочены издавать законы (за исключением делегированного законодательства).

Основой правотворчества так или иначе выступает правовая норма, которая имеет следующие признаки: непосредственная связь с государством через органы государственной власти, наделенные правотворческой функцией; выражение государственной воли и волевой характер, которым она наделяется носи-

телем власти; всеобщий представительный характер; строгая формальная определенность предписаний, содержащихся в нормах права; многократность применения и длительность действия; строгая соподчиненность и иерархичность; охраняется государством; применение государственного принуждения в случае нарушения нормы права с наступлением юридических последствий; на действии этих норм основывается вся формирующаяся система права, которая состоит из структурированных и логически обособленных элементов [2, с. 776–777]. Эти, по большому счету, общепризнанные постулаты отражают фундамент правотворческой деятельности и начинают очерчивать те инструментальные рамки, в которых находится законодатель. Отталкиваясь от этого общепризнанного фундамента в исследовательском процессе, необходимо углубиться в те проблемы, которые возникают при реализации правотворческой функции.

Сегодня многие авторы обращают внимание на современные проблемы в правотворчестве. Так, О. А. Кожевников указывает, что одной из важных проблем современного российского правотворчества выступают дефекты. В качестве примеров он приводит нормативные акты, которые призваны устранять дефекты правотворчества, но тем не менее они могут иметь место в современном законодательном процессе [3, с. 135–136]. Эта проблема во многом обусловлена повышенной динамикой в законодательной сфере. В некоторые нормативные правовые акты вносится большое количество изменений, что не может благоприятно сказываться на всех правовых процессах, в том числе на правовом регулировании и законотворчестве.

Исследователь В. С. Афанасьев считает, что существуют две границы правотворчества: верхняя и нижняя. Под верхней границей он понимает границу возможного, то есть то, что существует объективно, что невозможно преодолеть с помощью правового регулирования: объективные законы природы, духовная культура населения и его менталитет, объективные законы общественного развития. Также профессор Афанасьев считает, что к объективным условиям относятся естественные и неотъемлемые права и свободы человека и гражданина, которые должны соблюдаться как в рам-

как национального законодательства, так и в рамках международно-правовых отношений под угрозой применения международно-правовых санкций. Под нижней границей возможностей государства ученый понимает целесообразность создания нормативных актов, то есть необходимость и обоснованность их появления [4, с. 5].

Профессор В. С. Афанасьев также формулирует тезис о том, что правовые отношения регулируются законом только в том случае, если они имеют большое значение для государства и общества. И напротив, малозначимые общественные отношения не регулируются правом. В данном аспекте, на наш взгляд, следует не согласиться с подобной постановкой вопроса, так как существуют такие общественные отношения, как, например, дружба и любовь, которые являются фундаментальными и основополагающими в обществе. Любовь является основой брака, а семья выступает ячейкой общества и его базовой составляющей, но тем не менее законодательно любовь не регламентируется. В частности, в Семейном кодексе Российской Федерации в условиях, необходимых для заключения брака [5], это общественно важное событие с позиции любви законом никак не регулируется. То есть жизненно важное общественное отношение вообще не имеет правового регулирования.

Также следует согласиться с В. С. Афанасьевым, который считает, что нижняя граница правотворчества как раз и соотносится с источниками правообразования [4, с. 8]. Дело в том, что все регуляторы общественных отношений в своей совокупности реагируют на их изменения, которые в настоящее время имеют весьма динамичный характер. Это во многом обусловлено современными научными достижениями. На сегодняшний день появляются новые сферы, которые меняют объективную реальность человека. Искусственный интеллект, робототехника, другие передовые информационные технологии существенно изменяют общественную жизнь, порядок и алгоритмы взаимоотношения людей в обществе, что, соответственно, сказывается на коалиции социальных регуляторов, в том числе и на праве. Представители исторической школы права Гуго, Пухта, Савиньи в своих работах отмечали, что законодатель не создает

права, а лишь открывает его. Они считали, что «бытие права» складывается из двух частей: первая – это целостная жизнь народа, вторая – особая наука в руках юристов [6, с. 48]. Это характерная черта правообразования, так как в самом массиве общественных отношений органически складываются и их регуляторы, а законодатель только лишь придает им форму права. И если он будет идти наперекор сложившимся общественным отношениям, то эффективность правового регулирования станет снижаться либо будут задействованы большие мощности государственного аппарата принуждения.

На наш взгляд, правообразование и правотворчество носят одновременно как объективный, так и субъективный характер. Правообразование как процесс, происходящий в глубинах общественной системы, в основе своей опирается на объективные закономерности общественного развития, но в каждом обществе существуют лидеры, субъективные характеристики которых определяют взаимоотношения в этом обществе. Остальные члены общества ориентируются на лидеров и повторяют то, что ими предложено. Особенно отчетливо это просматривается в религиозном обществе. Так, например, у мусульман существует такой религиозно-правовой источник регулирования общественных отношений, как Сунна. Он представляет собой сборник высказываний и поступков пророка Мухаммеда, субъективное поведение которого наложило огромный отпечаток на всю мусульманскую умму. И напротив, деятельность законодателя носит ярко выраженный субъективный волевой характер, но создавая закон, он обязан принимать во внимание объективные факторы, потому что в противном случае содержание самого закона просто бессмысленно. Еще древние греки говорили об особенностях соотношения фьюсиса и номоса – законов природы и законов людей. И если законы людей противоречат законам природы, то они действовать не будут.

Профессор Афанасьев считает, что между процессами правообразования и правотворчества существует звено, которое их объединяет – это процесс правоустановления [4, с. 5]. На механизм его действия оказывают влияние два основных фактора: горизонтальный – сфера, в которой возникают общественные от-

---

ношения, и вертикальный – уровни общественных отношений. Он предлагает разделить их на три подгруппы: общественные, региональные и групповые. Для каждого фактора и уровня характерна своя собственная специфика общественных отношений. В каком-то смысле в этой системе координат можно отметить формирование отдельных ячеек правоотношений, из них складывается вся палитра правоотношений в обществе. Они коррелируют как с государственным управлением, так и с социальной средой конкретных общественных отношений. Также в этой системе формируется алгоритм взаимодействия (личность – группа – общество), где в каждой конкретной ситуации принимается определенный вариант поведения с возможными правовыми последствиями.

Развитие общественных отношений в контексте правообразования похоже на формирование норм права. Точно так же как правотворчество состоит из принятия, изменения и прекращения действия норм права, так же и правообразование складывается из возникновения, изменения и прекращения общественных отношений.

Изначально общественные отношения возникают под воздействием всеобщих факторов и носят массовый характер. И в этой массовости люди начинают выбирать варианты поведения, причем они могут быть абсолютно любыми. С одной стороны, обществом руководит экономическая целесообразность, а с другой стороны, действуют иррациональные, экзистенциальные аспекты. Поэтому возникают храмы, театры, музеи и пр., которые не производят никакой экономической продукции, но весьма востребованы людьми в морально-нравственном аспекте и оказывают значительное воздействие на жизнь человека и общества.

Также важным фактором является влияние государства на социальные процессы и общественные отношения, действующие таким образом, чтобы культивировать те общественные отношения, которые считает целесообразными либо выгодными. И напротив, те общественные отношения, которые невыгодны государству, минимизируются и пресекаются, в том числе через систему налогообложения, институт юридической ответственности и так далее. Важную роль в этом могут играть как уже ус-

тоявшиеся общественные отношения, так и вновь возникающие, равно как и уже имеющиеся нормы права и принимающиеся впервые. Таким образом государство совершает переход от общественных отношений к правовым.

Проблемы правотворчества можно разделить на два основных вида: проблемы теории и практики [7, с. 33–34]. В настоящей статье большее внимание уделяется проблемам теоретического характера. Так, например, проблемой соотношения правоприменения и правообразования выступает тот факт, что последнее представляет собой объективный процесс, зачастую не зависящий от воли законодателя. Это проявляется и в самом праве, когда оно формируется по объективным жизненным принципам, правилам и условиям, которые законодатель обязан учитывать в любом случае. В истории права можно выделить многочисленные ситуации, когда государство в лице законодателя вынуждено признавать и закреплять новые общественные отношения в качестве правовых вопреки своему желанию. В частности, это механизм перехода обычая в правовой и закрепление его в форме права. Этот процесс связан с тем, что, с одной стороны, в правовом сознании законодателя возникает понимание необходимости принятия данных норм в качестве правовых, а с другой стороны, отражается правовое творчество народных масс или отдельных социальных групп. Так, бароны вынудили Иоанна Безземельного подписать Великую хартию вольностей в 1215 году, что стало основой для многих правовых институтов Англии, функционирующих по сей день.

Необходимо отметить, что процессы правоустановления могут идти, минуя стадию правообразования и переходя непосредственно к правотворчеству. Это может происходить в случае, когда государство в силу определенных условий не может ждать спонтанного возникновения общественных отношений либо, наоборот, понимает, что динамика развития экономических, религиозных, научных процессов приведет к тому, что возникнет важная для государства ситуация, и государство пытается ее урегулировать на стадии возникновения и становления. Например, попытки правового регулирования оборота криптовалют. Тем не менее такая ситуация складывается довольно редко. Как правило, правотворческая

деятельность является реакцией на уже возникшие общественные отношения.

Одной из проблем правотворчества является необходимость установления требований, предъявляемых к нормативному правовому акту. Эти требования носят разноплановый характер. Начиная от законов юридической техники, предъявляемых к структуре и исполнению нормативного правового акта, и заканчивая философско-правовыми аспектами, связанными со справедливостью, соотношением морали и права и другими источниками общественного регулирования, которые отвечают за то, чтобы легитимность закона была высокой в силу того, что он отражает ценности общества.

Следующая проблема – обеспечение качества закона, под которым понимается его способность удовлетворять общественные потребности и интересы субъектов правоотношений, а также сохранять устои общества и позволять развиваться общественным отношениям в необходимой динамике. При этом качественным можно называть закон, который эффективен в правоприменительной практике, защищает интересы государства и общества.

Профессор Афанасьев выделяет две стороны качества правотворчества: социальную и юридическую [4, с. 10]. На наш взгляд, можно выделить также и доктринальную сторону, которая отвечает за научный анализ законодательства.

Содержание законов должно соответствовать парадигме развития общества. Эти положения закреплены в конституционном праве, в котором отражаются социальный характер государства, демократизм, стремление построить правовое государство, обеспечить реализацию прав и свобод человека и гражданина и так далее. Эти ценности являются общепризнанными и разделяются и одобряются обществом [8, с. 39]. Данные конституционные институты в дальнейшем реализуются в отраслевом законодательстве, где прописываются конкретные юридические механизмы функционирования каждого из институтов.

Также результатом правотворчества является то, что нормативный акт должен соответствовать общей направленности развития государства и общества, это обеспечивает системность законодательства и внутреннюю согласованность системы права.

Содержание нормативного правового акта должно соответствовать реальным условиям жизни, поэтому законодатель в рамках правообразования зачастую берет во внимание общественные отношения, которые уже сложились в ходе исторических процессов. Это обеспечивает эффективность правового регулирования, и напротив, если вводится норма, которая противоречит условиям жизни общества, она, как правило, действует неэффективно.

Следующей проблемой выступает ресурсообеспеченность закона: тот закон, который не будет обеспечен материальными, организационными, информационными, идеологическими и другими ресурсами, останется лишь законом на бумаге. Поэтому законодатель при реализации правотворчества должен рассчитывать на ресурсы, с помощью которых законы будут обеспечены.

К требованиям, предъявляемым к содержанию закона, относится реализация принципа гуманизма и социальной справедливости, которая, в свою очередь, связана с нормами морали, нравственности и религиозными нормами. Нормативный правовой акт сможет эффективно действовать только в комплексе с остальными регуляторами. Если каждый из регуляторов будет противоречить либо нейтрализовывать друг друга, то эффективность правового регулирования резко снизится.

К юридическим проблемам правотворчества можно также отнести правильный выбор уровня и типа правового регулирования, что находит свое отражение в балансе формы и содержания закона. Должны быть определены юридические гарантии, которые обеспечат охрану закона и его реализацию. Они выражаются в охранительных нормах, формулирующих ответственность за нарушение права, и определяют меры государственного принуждения за посягательства на охраняемые законом общественные ценности.

Следующим важным фактором выступает динамика законодательства. Процесс по принятию, изменению и прекращению действия нормативных правовых актов должен соответствовать критерию своевременности, четко коррелировать в зависимости от экономического, социального и других важных факторов жизни государства и общества.

Обеспечение стабильности закона и высокий уровень систематизации законодательства

ва во многом зависят от соблюдения правил и принципов юридической техники: насколько нормативный правовой акт создан по принципам и правилам составления законов, во многом зависит от организации самого правотворческого процесса, поскольку законы и другие нормативные правовые акты принимаются в соответствии с конкретными законодательными процедурами.

Для того чтобы минимизировать рассмотренные проблемы необходимо совершенствование правотворческого процесса. Здесь, с одной стороны, должен учитываться принцип демократизма, который является основополагающим в конституционной системе Российской Федерации, и в то же время необходимо учитывать мнение профессионалов-практиков,

а также ученых, которые будут обеспечивать принцип научности правотворчества. Следует привлекать к подготовке законопроектов ученых различных специальностей: как ученых-юристов, исследующих отраслевые дисциплины науки, так и ученых, которые занимаются фундаментальными правовыми науками. Это обеспечит независимость и объективность научной экспертизы и позволит реализовать такую значимую функцию, как научный прогноз.

Совместная деятельность субъектов правотворчества, практикующих юристов и ученых-правоведов позволит создать необходимый комплекс и полноту решения проблем, возникающих в реализации функции правотворчества.

Литература

1. Федоренко С. П., Литвинова Ю. И. Трансформация отечественной государственности: особенности и закономерности развития // *Философия права*. 2019. № 2 (89).
2. Бекяшев К. А. Правотворчество в международном праве // *Lex Russica*. 2004. Т. 63. № 3.
3. Кожевников О. А. Дефектное правотворчество // *Российский юридический журнал*. 2008. № 1 (58).
4. Афанасьев В. С. Правообразование и правотворчество // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2008. № 1 (4).
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.
6. Михайлов А. М. Универсальные пути правогеиза: немецкая историческая школа права и семья общего права // *Российский юридический журнал*. 2009. № 4 (67).
7. Колдаева Н. П., Поленина С. В. Правотворчество в Российской Федерации (актуальные проблемы теории и практики) // *Российская юстиция*. 2009. № 5.
8. Жуков Е. А., Федоренко С. П., Крыгина И. А. Аксиологические аспекты формирования российской государственности // *Аграрное и земельное право*. 2018. № 11 (167).

Bibliography

1. Fedorenko S. P., Litvinova Yu. I. Transformation of the Russian state: peculiarities and regularities of development // *Philosophy of law*. 2019. № 2 (89).
2. Bekyashev K. A. Lawmaking in international law // *Lex Russica*. 2004. Vol. 63. № 3.
3. Kozhevnikov O. A. The defective law // *Russian law journal*. 2008. № 1 (58).
4. Afanasiev V. S. Legal education and lawmaking // *Legal science and law enforcement practice*. 2008. № 1 (4).
5. Family code of the Russian Federation from 29.12.1995 № 223-FL (as amended on 29.05.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.
6. Mikhailov A. M. Universal way of progenies: German historical school of law and the common law // *Russian law journal*. 2009. № 4 (67).
7. Koldaeva N. P., Polenina S. V. Lawmaking in the Russian Federation (actual problems of theory and practice) // *Russian justice*. 2009. № 5.
8. Zhukov E. A., Fedorenko S. P., Krygina I. A. Axiological aspects of the formation of Russian statehood // *Agrarian and land law*. 2018. № 11 (167).

Негодаева Елена Георгиевна
Negodaeva Elena Georgievna

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

E-mail: a.negodaeva@bk.ru

**РОЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ
(И. КАНТА, И. Г. ФИХТЕ, Г. ГЕГЕЛЯ) В СОЗДАНИИ ОСОБОЙ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА**

**The role of representatives of classical German philosophy
(I. Kant, I. G. Fichte, G. Hegel) in the creation of a special conceptual model of civil law**

Автором проанализированы основные идеи выдающихся мыслителей классической немецкой философии, которые оказали влияние на развитие системы гражданского права. В статье проведен анализ трудов современных ученых, изучающих представления философов в рамках гражданского права. Выявлен и обоснован смысл в раскрытии сущности гражданского права с точки зрения классической немецкой философии.

Ключевые слова: классическая немецкая философия, гражданское право, государство, собственность, договор, свобода.

The author of the article analyzes the main ideas of prominent thinkers of classical German philosophy, which influenced the development of the civil law system. The analysis of the works of modern scientists studying the views of philosophers specifically in the framework of civil law. The sense in disclosure of essence of civil law from the point of view of classical German philosophy is revealed and proved.

Keywords: classical German philosophy, civil law, state, property, contract, freedom.

Сущность философии гражданского права заключается в том, что гражданские правоотношения не требуют чрезмерной императивности со стороны государства, фактически в этих отношениях человек живет для себя, ведет частную жизнь для выполнения онтологических обязанностей, пытается достичь истины в удовлетворении собственных потребностей. Но гражданско-правовые отношения в определенной степени связаны с потребностями материального и духовного характера, когда реализуются отношения между другими людьми, обществом, государством. На основе этого возникают совместные духовно-практические интересы, которые и определяют философию частной жизни.

Основной задачей философии гражданского права, как и философии права вообще, в отличие от теории права, призванной объяснять прежде всего механизм и закономерности устройства и функционирования правовой системы, является поиск оснований правового порядка. Иными словами, специ-

фика философского подхода состоит именно в том, что он неизбежно требует мышления, выходящего за рамки собственно правовой сферы. В случае марксизма таким внешним по отношению к праву фундаментальным основанием является экономика.

Осуществление философского анализа создания особой концептуальной модели гражданского права требует изучения и осмысления большого количества научных трудов философов разных эпох, поэтому в рамках статьи автор ограничился определенным периодом, который оказал наиболее значимое влияние на формирование современного гражданского права, а именно немецкой классической философией [1].

Родоначальником немецкой классической философии считается философ Иммануил Кант (1724–1804). Его философская система таит в себе ряд оригинальных концепций по построению Вселенной, этики и эстетики, логики познания и, конечно же, права.

Согласно теории Иммануила Канта основным системообразующим фактором права необходимо считать идею категорического императива, которая состоит из трех формул. Сравнительный анализ действующего гражданского законодательства и философских идей Канта показал, что формулы его категорического императива легли в основу принципов современного гражданского права. Так, исходя из первой формулы, согласно которой «категоричный императив высказывает только про то, что есть обязательным, читай: твори сообразно максиме, ведь она несет в себе силу всесветного положения», правила поведения человека в обществе устанавливаются общественным законом, то есть сознание каждого, кто желает вступить в правоотношения, должно быть свободно от личных желаний. Все действия человека должны осуществляться по правилам, имеющим силу закона как для него самого, так и для остальных членов общества. Таким образом, логично сделать вывод о том, что первая формула категорического императива легла в основу принципа равенства субъектов гражданского права, согласно которому действия каждого из них не должны зависеть от воли и желаний другого. Равенство субъектов гражданского права проявляется в координационной связи, то есть условия реализации прав равны для всех и строго определены законом.

Во второй формуле Кант описывает факт того, что каждый индивид должен относиться к другой стороне правоотношений ровно так же, как к самому себе. Кроме того, в смысл второй формулы философ вкладывал установку на недопущение использования одним человеком другого для достижения определенной личной цели. Основная идея второй формулы категорического императива Канта нашла свое законодательное закрепление в пунктах 3 и 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Так, согласно пункту 3 при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В соответствии с пунктом 4 никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

И наконец, в третьей формуле Кант заявляет о том, что фундаментом универсальных законов является свобода воли человека. Данная идея нашла свое закрепление в Конституции Российской Федерации, которая гарантирует гражданам страны свободное вступление каждого в гражданские правоотношения, а также в Гражданском кодексе Российской Федерации, где указано, что все субъекты гражданского права свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых, не противоречащих законодательству условий договора.

Кроме построения категорического императива, в своих научных трудах И. Кант уделял особое внимание вопросам понимания права с точки зрения его ограниченной функции одних субъектов с целью защиты интересов других. Охранительная функция права являлась основной согласно кейнсианской теории, так как посягательство на свободу считается недопустимым. Принцип невмешательства в частные дела и сегодня является базовым принципом гражданского права, поскольку согласно статье 23 Конституции РФ каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, защиту чести и доброго имени.

Таким образом, мы видим, что условие недопустимости посягательства одних лиц на права других, а также наличие в системе права трех формул категорического императива, сформулированных И. Кантом, определило в целом принципы и понятие гражданского права [2]. Так, в соответствии с позицией философа под гражданским правом понимается совокупность правил или условий, определяющих поведение индивидов, вступающих в имущественные правоотношения с целью обеспечения личной свободы и предотвращающих юридические конфликты.

При построении собственной модели права И. Кант во многом руководствовался идеями римских ученых и поддерживал их позицию о разделении права на две составляющие – публичную и частную. При этом следует отметить, что система частного права согласно его теории включала в себя вещное, обязательственное, семейное и наследственное право. Таким образом, предмет частного права И. Канта совпадал с предметом современного гражданского права. Основу в регулировании частных

правоотношений И. Кант видел в свободе граждан в реализации своих прав.

Можно сделать вывод, что современный метод правового регулирования гражданских правоотношений, а также принципы современного гражданского права сформированы под воздействием одной из основных философских идей И. Канта, а именно принципа приоритета свободы человека. Согласно принципу свободы, человек при вступлении во взаимодействие с иными субъектами вправе устанавливать собственные правила и действовать по своему усмотрению без принуждений со стороны государства.

Такое правопонимание И. Канта опиралось на идею моральной автономии личности, ее абсолютной самоценности, способности создавать для себя законы, знать свой долг и выполнять его. Сама возможность свободы для всех людей закона стала возможной в соответствии с положениями трудов И. Канта, благодаря моральной автономии личности (то есть самоценности, самозаконности и независимости личности) [3].

Итак, основным предназначением гражданского права согласно идеям И. Канта является установление необходимых обществу рамок поведения каждого индивида с целью избегания произвола и сохранения личной свободы каждого. Кроме этого, гражданское право представляет собой совокупность запретов, которые, в свою очередь, регламентируют те общественные отношения, которые не запрещены. В частности, граждане и юридические лица могут заниматься любыми видами предпринимательской и иной деятельности, не запрещенной законом (ст. 18 и 49 ГК РФ).

Справедливо заметить, что И. Кантом отмечалась недостаточность диспозитивного метода в регулировании гражданских правоотношений, хоть и частично, но императивный метод также должен присутствовать для их упорядочивания. В результате сегодня императивными нормами закрепляется статус субъектов гражданского права. Кроме того, в большинстве случаев нормы вещного и наследственного права также императивны, так как в данных отношениях достичь компромисса без ущемления прав одной из сторон достаточно сложно. Договорные же отношения, согласно основным философским идеям И. Канта, по-прежнему регулируются диспозитивными нормами.

Основные философские идеи о гражданском праве Иммануил Кант изложил в работе «Метафизика нравов». По мнению философа, гражданское право является публичной отраслью права, так как регулирует гражданское состояние, при котором государственная власть защищает права граждан посредством законов. В то время как отрасль права, предметом которого являются имущественные и договорные отношения, именуется им как частное право [4].

Как справедливо отмечает доктор юридических наук А. Я. Рыженков, основными достижениями И. Канта в сфере философии гражданского права является обоснование двойственной природы частного права. Так, с одной стороны, частное право является естественным, которое существует на основе разума и не зависит от воли органов законодательной власти. С другой стороны, частное право обеспечено гарантиями, предоставленными публичными законами. Кроме того, в ходе проведенного ученым анализа трудов И. Канта выявлен также тот факт, что немецкий философ провел анализ права собственности, разделив его на несколько уровней [5].

Идея свободы человека в гражданско-правовых отношениях нашла свое продолжение в идеях другого немецкого философа – Иоганна Готлиба Фихте. Согласно его идеям, государство устанавливает правила поведения граждан, вступающих в имущественные отношения, но при этом сам человек определяет для себя необходимость вступать в эти правоотношения. Таким образом, Фихте развивал идеи Канта о природе гражданского права, при этом вносил свои коррективы в решение проблемы определения сущности предмета и принципов гражданского права. Так, в своей теории Фихте определил, что человек является свободным при вступлении в гражданские правоотношения, но его свобода заканчивается там, где начинается свобода другого лица.

Таким образом, в философско-правовых взглядах И. Г. Фихте исходным был вопрос о свободе. В свободе он усматривал не беспричинный акт, а действие, основанное на познании необходимости [6]. В сущности, каждому индивиду законодательством предоставлена свобода вступать в гражданские правоотношения, однако в действительности он не станет заключать договор или вступать в иные иму-

ществленные правоотношения, если не осознает личной необходимости в этом.

Важной в развитии гражданского права является мысль философа о том, что степень свободы субъекта гражданского права зависит не от его индивидуальной мудрости, а от уровня исторического развития общества, от эпохи, к которой он принадлежит. В доказательство этого обратимся к истории России и вспомним что, например, граждане страны приобрели возможность получения прав частной собственности на землю только в 1990 году, ранее свобода вступления в земельные правоотношения отсутствовала. В данном случае и прослеживается идея Фихте о том, что свобода вступления в земельные правоотношения зависела не от правового просвещения граждан, а от воли государства, которое, в свою очередь, запрещало частную собственность на землю.

Интересна также позиция Фихте о том, что человек должен самостоятельно осознавать необходимость соблюдения установленных государством правил поведения, а не делать это по принуждению.

Согласно теории Фихте, принуждение в гражданском праве должно иметь исключительно правовую основу. Государство свободно в выборе наказания, но оно непременно должно быть соразмерно величине причиненного ущерба при нарушении договорных обязательств одной из сторон. Таким образом, такие основные начала гражданского права, как принципы либерализма, гуманизма, просвещения, согласия, которые лежали в основе философско-правовой теории Фихте, многим философам казались утопичными. Но как показало время, именно они стали фундаментом права в целом и гражданского права в частности.

Необходимо отметить, что взгляды И. Канта и И. Г. Фихте подвергались критике Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем [7].

Г. В. Ф. Гегель создал универсальную методологию, основанную на идее саморазвития гражданского права в единстве с его институционально-предметными и духовными проявлениями. Он объединил в одном контексте право и свободу, где приоритет отдавался общему – индивидуальную судьбу человека Гегель принес в жертву общему. Мыслитель благодаря собственным логическим суждениям пришел к выводу о превосходстве государ-

ства над личностью, как общего и целого над частным и единичным.

Особое место в гражданском праве занимают договорные отношения, и в своей особой концептуальной модели гражданского права Г. В. Ф. Гегель указал на их специфические особенности. Так, согласно его теории, договорные отношения находятся в прямой зависимости от воли собственника вещи, в случае, если у вещи несколько собственников, им необходимо прийти к единому соглашению. Кроме того, в своей теории он справедливо отмечал, что предметом любого договора могут выступать исключительно единоличные вещи, поскольку только собственник в праве решать их дальнейшую судьбу.

Свою концепцию философии права Гегель разрабатывал и трактовал именно как философскую науку о праве, существенным образом отличную от юриспруденции, которая, исследуя позитивное право (законодательство), имеет дело, по его мнению, лишь с противоречиями. А вот задача философии гражданского права заключается в осознании мыслей, которые лежат в основе гражданского права. Собственно, идея гражданского права является понятием, диалектика развертывания которого и раскрывается в философии. Философия, по мнению Г. В. Ф. Гегеля, «... есть наивысший способ осознания абсолютной идеи, потому что ее способ наивысший – понятие... Отдельной философской наукой, наряду с философией истории, религии, есть также и философия права» [5].

Отвечая на вопрос о том, что такое право, Гегель в своих трудах рассматривал его в двух аспектах: во-первых, как механизм обеспечения свободы, во-вторых, как закон. Таким образом, философ различал понятия «право» и «закон», тем не менее не противопоставляя их друг другу. Кроме того, интересна его идея о том, что далеко не все в позитивном праве законно.

Определение пределов свободы и несвободы есть право. В развитых правовых системах эти границы устанавливаются детальной регламентацией всех аспектов деятельности; в неразвитых – отсутствие детальной разработки в некоторой степени компенсируется общим правилом: «будь индивидуальностью, личностью и уважай других в таком же качестве» [8].

Человеческая свобода – результат длительной работы духа. Человек не рождается свободным, как считал Руссо; он является свободной по своей духовной сущностью. Свободный человек и справедливые законы формируются в процессе долгого социально-исторического развития, в становлении которого человек создает свой мир свободы, права и государства и себя как полноправное, свободное существо. Таким образом, Гегель в очередной раз подтверждает идею Фихте, рассмотренную ранее, о прямой зависимости субъекта гражданских правоотношений от исторического развития государства, в котором планируется вступить в эти правоотношения.

Понятия свободы и закона и выходной момент объективного духа сформировались в недрах развития объективного духа. «Хотя, – отмечает философ, – обычный человек видит свободу в возможности не обращать внимания на существующие законы, поступать произвольно, но именно в этом и кроется причина несвободы» [8].

Интересным представляется видение Г. В. Ф. Гегелем абстрактного права. «Абстрактное право, – замечает философ, – является первым этапом в движении понятия права от абстрактного к конкретному. Понятие права пока абстрактное. Человек здесь выступает в качестве совершенно абстрактного и свободного “я”».

Абстрактное право у Гегеля включает в себя те права и обязанности, которые принадлежат человеку не потому, что он является гражданином, а потому, что он представляет собой человеческую личность. Эти права делятся на три группы, а именно: собственность, контракт и ущерб (деликт и преступление). Право собственности является результатом свободной воли, поскольку какая-либо вещь может быть присвоена определенным лицом в качестве средства удовлетворения его потребности.

Присвоение является выражением верховенства воли лица в отношении вещей путем демонстрации того, что они не имеют какого-либо собственного предназначения. Однако для Гегеля последствия права собственности, являющегося результатом действия свободной воли, заключаются не в том, чтобы собственность была поделена поровну между людьми, но, скорее, в том, что она должна быть разде-

лена неравно, в зависимости от разных способностей и талантов. Антитезисом собственности является контракт, с помощью которого человек может отказаться от собственности посредством акта свободной воли.

Можно с уверенностью утверждать, что Гегель сумел создать теорию развития государства и права, которая сконцентрировала в себе все лучшее, что было наработано в этой области до него, стал продолжателем лучших традиций школы естественного права, идеей правового государства.

Таким образом, в классической немецкой философии права каждому из ее основоположников принадлежит своя, особая роль в создании особой концептуальной модели гражданского права.

Иммануил Кант сформулировал основанное на идеях Платона определение права, рассмотрел это понятие в системе философских универсалий. Философ говорит о моральной автономии личности в контексте целостного учения о человеческой свободе сквозь призму верховенства морали, где приоритет отдается индивидуальному, конкретной личности как субъекту частных правоотношений. Предметом гражданского права в эпоху И. Канта являлись отношения, регулирующие гражданское состояние. Субъектом гражданского права являлось государство, которое, в свою очередь, защищало права граждан при помощи законов. Отрасль права, которую на сегодняшний день мы именуем гражданским правом, философ в своих трудах описывал как частное право, регулирующее имущественные права.

Иоганн Готлиб Фихте разрушил стереотипы общественного договора, связав проблему происхождения права с развитием самосознания. Это позволило вывести общие основы права из фундаментальных условий существования человека как свободного субъекта, наделенного волей и мышлением. Основой гражданского права философ видел равенство в правах собственности граждан и развитие правовых отношений купли-продажи путем создания замкнутого торгового государства. Однако с целью предотвращения столкновений интересов граждан, вступающих в гражданские правоотношения, согласно его концепции, необходимо ограничивать в поведении путем взаимных договорных ограничений. Предметом договора,

согласно его теории, являются не конкретные вещи, а право на свободное совершение с ними различных действий.

Г. В. Ф. Гегель противостоял многим идеям Канта и Фихте, однако с некоторыми из них был согласен. Так, Гегель, поддерживая воззрения Фихте, указывал на прямую зависимость субъекта гражданских прав от этапа исторического развития государства. Кроме того, он оказал большое влияние на формирование идеи особого места договорных отношений в системе гражданского права, что определило в дальнейшем обособленность договорного права. Видение Гегелем прямой зависимости

договорных отношений от воли собственника нашло свое отражение во многих научных трудах его последователей. Интерес вызывает определение Гегеля сущности абстрактного права, в соответствии с которым оно состоит из трех составляющих: собственность, контракт и ущерб (деликт и преступление). При этом следует отметить, что собственность, согласно теории философа, является антитезисом контракта.

Таким образом, немецкие философы в своих трудах обратили внимание на многие базовые вопросы теории гражданского права и определили вектор его дальнейшего развития.

Литература

1. Гегель Г. Философия права / пер. Б. Г. Столпнера. М., 2019.
2. Чичерин Б. Н. Философия права. Избранные сочинения. М., 2019.
3. Нечевин Д. К., Колодкин Л. М., Кирдяшова Е. В. Право и нравственность: научно-правовой и исторический анализ: монография / под ред. Д. К. Нечевина. М., 2019.
4. Виноградов А. И., Филиппов Д. Д. Критический анализ классических концепций правовопонимания в философско-правовом учении Е. Н. Трубецкого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2.
5. Касаева Т. Г. Анализ некоторых учений о праве в свете современности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. № 2.
6. Кусенко О. И. Кант и русская философия. Итальянский взгляд // История философии. 2019. № 1.
7. Зильбер А. С., Штольценберг Ю. Кантовское пространство мышления: субъективность как принцип. Интервью с профессором Юргеном Штольценбергом // Кантовский сборник. 2018. № 3.
8. Малинкова Ю. А. Феномен этического в истории философской мысли // Инновационная наука. 2019. № 1.

Bibliography

1. Hegel G. Philosophy of law / transl. by B. G. Stolpner. Moscow, 2019.
2. Chicherin B. N. Philosophy of law. Selected works. Moscow, 2019.
3. Nechevin D. K., Kolodkin L. M., Kirdyashova E. V. Law and morality: scientific-legal and historical analysis: monograph / ed. by D. K. Nechevin. Moscow, 2019.
4. Vinogradov A. I., Filippov D. D. Critical analysis of classical concepts of legal understanding in the philosophical and legal doctrine of E. N. Trubetskoy // Vestnik of Moscow state regional University. Series: Philosophical sciences. 2019. № 2.
5. Kasaeva T. G. Analysis of some doctrines of law in the light of modernity // Izvestia of Saratov University. New series. Series: Economics. Control. Right. 2019. № 2.
6. Kusenko O. I. Kant and Russian philosophy. Italian view // History of philosophy. 2019. № 1.
7. Zilber A. S., Shtolzenberg J. Kant's space of thinking: subjectivity as a principle. Interview with Professor Jurgen Stolzenberg // Kant collection. 2018. № 3.
8. Malenkov Yu. A. Phenomenon of ethics in the history of philosophical thought // Innovative science. 2019. № 1.

Селютина Елена Николаевна
Seliutina Elena Nikolaevna

заведующая кафедрой теории государства и права Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Theory of State and Law Department of the Central Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: seljutina1@rambler.ru

Холодов Владимир Александрович
Kholodov Vladimir Alexandrovich

доцент кафедры теории государства и права Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации кандидат исторических наук, доцент.

Associate Professor of the Theory of State and Law Department of the Central Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, PhD in History, Associate Professor.
E-mail: vohol1@rambler.ru.

**ГЕНЕЗИС ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ
В РОССИИ X – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Genesis of law-making legal technique in Russia of X – beginning of XX century

Статья посвящена генезису техники создания и систематизации источников права в России. Авторами обозначена цель выявить основные этапы становления и развития отечественной правотворческой юридической техники, а также определить причины, обусловившие качественный переход к более совершенным юридико-техническим правилам, средствам и приемам. В качестве предмета исследования взяты ведущие источники права, регулировавшие общественные отношения в соответствующий период времени. Авторы приходят к выводу о том, что уровень правотворческой техники отражает развитие государственно-правовых институтов, соответствует потребностям общественных отношений. В статье предложена периодизация отечественной правотворческой юридической техники, включающая девять этапов.

Ключевые слова: юридическая техника, правотворчество, систематизация законодательства, кодификация, средства юридической техники, норма права.

This study is devoted to the genesis of the technique of creating and systematizing sources of law in Russia. The authors set the goal to identify the main stages of formation and development of domestic law-making legal equipment, as well as to determine the reasons that led to the qualitative transition to better legal and technical rules, means and techniques. As the subject of the study, the leading sources of law were taken, which regulated social relations in the relevant period of time. The time frame of the study is defined from X until the beginning of the 20th century. As a result of the study, the authors conclude that the level of law-making technology reflects the development of State-legal institutions and meets the needs of public relations. The authors propose periodization of domestic law-making legal equipment, which includes nine stages.

Keywords: legal technique, law-making, systematization of legislation, codification, means of legal technique, rule of law.

Совершенствование юридической техники современного российского законодательства требует внимательного и детального анализа истоков формирования юридико-технических знаний, постепенно выкристаллизовавшихся правотворческую стилистику отечественного права в условиях перманентно

меняющейся политико-государственной конъюнктуры [1, с. 73–75]. Безусловно, истоки юридической техники создания и оформления текстов нормативных правовых актов имеют весьма сложный путь, характеризую-

щийся трудностями различной природы. К числу таких сложностей можно отнести неразвитость правотворческих институтов на первоначальном этапе формирования российской государственности, отсутствие квалифицированных кадров, а также относительно низкий уровень развития юридико-технического знания.

Учитывая указанные обстоятельства, совершенствование качества правотворческой деятельности с точки зрения ее юридико-технического содержания прошло в России достаточно длительную эволюцию, характеризующуюся нелинейностью, а подчас и скачкообразностью. Выделение этапов развития правотворческой юридической техники, таким образом, позволяет с позиции современного уровня развития юридико-технического знания адекватно оценить особенности того или иного периода и дать прогноз относительно дальнейшего совершенствования законотворческой деятельности.

Настоящее исследование посвящено анализу состояния юридической техники источников права в период с X до начала XX века на основе рассмотрения наиболее значимых правовых памятников в хронологической последовательности. В научной литературе отмечается достаточно устойчивый интерес к историческому аспекту юридической техники. Т. В. Капанина рассматривает особенности юридической техники в условиях архаичного, сословного и индустриального общества [2, с. 51]. Е. О. Чинарян анализирует становление и развитие законодательной техники в дореволюционной России [3]. В. В. Яровая исследовала историко-правовой опыт становления юридической техники [4]. С. Н. Болдырев дает теоретико-правовую характеристику юридической техники [5]. Однако комплексного историко-правового исследования особенностей отечественного опыта генезиса юридической техники не проводилось. Все изложенное обуславливает актуальность настоящего исследования, посвященного выявлению специфики и этапов развития правотворческой юридической техники в России.

Развитие правотворческой юридической техники в России, на наш взгляд, целесообразно проследить со времени становления государственности в Древней Руси. В этот период правовые нормы получают письменное оформление. Первые памятники права, относящиеся

ко времени Киевской Руси, с точки зрения уровня юридической техники были несовершенны.

Говоря о древнерусском праве, необходимо отметить, что обычай как источник и форма права играл в нем ключевую роль, поскольку непосредственно закон, понимаемый с современной точки зрения как письменный нормативный правовой акт, исходящий от властного государственного органа или уполномоченного лица, пока еще отсутствовал.

В качестве наиболее ранних форм права, содержащих элементы рецепции византийского права, исследователи, например, М. Владимирский-Буданов, выделяют известные Договоры Руси с Византией. По мнению Д. Иловайского, эти договоры содержат в себе прямое указание на то, что они являются повторением прежних, более ранних мирных соглашений. В качестве аргумента Д. Иловайский приводит следующую цитату из договора князя Олега 911 года: «...на удержание и на извещение от многих лет межю Християны и Русью бывшую любовь...» [6, с. 15]. Безусловно, относительно происхождения и содержащихся в Договорах норм «закона русского» в научной среде до сих пор не утихают споры, камнем преткновения в которых служит вопрос – существовали ли в данное время памятники писаного права в самой Руси или нет? Тем не менее можно с определенной долей уверенности говорить о том, что тексты Договоров Руси с Византией, относящиеся к 911, 944 и 971 годам, содержали нормы гражданского, уголовного, торгового и международного частного права. В Договорах с юридико-технической точки зрения заслуживает внимания структурирование текста, деление на статьи, но четкого следования каким-либо правилам изложения норм права еще не было. Они еще обладали сравнительно низким уровнем развития юридической техники. В целом, как утверждают отдельные авторы, к выделению из Договоров Руси с Византией основ именно древнерусского права следует подходить с особой осторожностью и внимательностью [7, с. 15].

Учитывая доминирование норм обычного права и спорность упоминаемого в Договорах Руси с Византией «закона русского», как существовавшего памятника права молодого Древнерусского государства, нам представля-

ется невозможным связать начало развития юридической техники отечественного законодательства именно с появлением Договоров, поскольку вплоть до середины XI века в Древнерусском государстве господствовали нормы обычного права, не подкрепленные письменным источником, который можно было бы проанализировать с точки зрения юридической техники. Соответственно, первый период формирования отечественной юридической техники можно назвать архаическим, доминирующим фактором в котором было широкое распространение норм обычного права.

В связи с развитием общества, формированием сословий, основанных на феодальной иерархии, изменениями в экономической сфере и появлением частной собственности произошел существенный качественный скачок и в сфере правового регулирования: архаичное право уступило место сословному праву феодального государства. По мнению Т. В. Кашаниной, «...сословные нормы зародились внутри обычного права и сначала представляли собой как бы специализированные обычаи...» [2, с. 61]. Ярким примером, подтверждающим данную точку зрения, в развитии древнерусского права и законодательства, безусловно, является появление Русской правды в трех основных редакциях – Краткой, Пространной и Сокращенной. Хронологически наиболее ранней редакцией считается Краткая правда, создание которой датируется не позднее 1054 года.

Особенностью структурного построения Краткой Правды было ее деление на четыре части – Правда Ярослава (включала статьи с 1 по 18), Правда Ярославичей (статьи с 19 по 41), Покон вирный (статья 42), Урок мостникам (статья 43).

Абстрагируясь от сущностной историко-правовой характеристики самого документа в качестве официального свода княжеского права либо частного сборника юридических обычаев и судебной практики, отметим, что на тот момент времени именно Русскую правду можно считать официальным кодифицированным письменным источником права, составленным по определенным юридико-техническим правилам, определившим структуру, содержание и специфику изложения правовых норм.

Русская правда в Краткой редакции имела деление на две основные части. Первая часть состояла из 17 статей, она содержала нормы,

говоря современным языком, о преступлениях против личности и собственности. Вторая часть состояла из различных решений, принятых потомками Ярослава Мудрого в рамках княжеских съездов.

Пространная редакция Русской правды дополняла и развивала положения Краткой путем добавления норм, разработанных во времена Владимира Мономаха.

Основной задачей Русской правды, как в первоначальном ее варианте, так и при последующей доработке, являлся сбор и включение в ее состав актуальных норм обычного права, их систематизация в действующем сборнике и тем самым придание им юридической силы. Таким образом, на момент формирования Русской правды в середине XI века ее можно считать самым развитым с точки зрения уровня юридической техники памятником права Киевской Руси. Соответственно, с середины XI века следует вести отсчет второму периоду в развитии отечественной юридической техники.

Определяя нижнюю хронологическую границу второго периода в развитии отечественной юридической техники серединой XI века, безусловно, следует обозначить ее верхний хронологический рубеж. Для проведения подобной демаркационной линии необходимо, прежде всего, акцентировать внимание на отдельных юридико-технических особенностях Русской правды и сопоставить их с юридико-техническими характеристиками хронологически более поздних памятников права.

Прежде всего, следует отметить, что Русская правда являлась кодифицированным сборником, в основу которого был положен принцип казуистичности, без включения каких-либо абстрактных понятий. Основной отраслевой ориентир Русской правды простирался в области частного права. В частности, Русская правда не содержит санкций за преступления против государства, поскольку даже непосредственно носителя государственной власти – князя – она рассматривает в качестве физического лица, безусловно, отличающегося своим социальным статусом, предусматривающим определенные привилегии и влекущим более высокую степень ответственности за преступления, направленные против его личности.

При кодификации норм, изложенных в Русской правде, в основном применялся казуальный или формальный способ, учитываю-

ций конкретные жизненные ситуации Древнерусского государства и их регулирование с помощью норм обычного права, а также переработанных норм византийского права.

Таким образом, в качестве основных источников создания Русской правды следует отметить княжескую судебную практику и нормы обычного права, а в кодификации можно проследить заметное влияние византийского канонического права.

Учитывая политические события в Древнерусском государстве, последовавшие за созданием Русской правды, которые были связаны с эскалацией феодальной раздробленности, второй период формирования отечественной юридической техники хронологически продлился довольно долго. Данное обстоятельство объясняется тем, что во время феодальной раздробленности правотворчество носило локальный характер, и создание сколько-нибудь значимого памятника права, значительно превосходящего по уровню развития юридической техники Русскую правду, не произошло.

Безусловно, следует отметить особое политико-правовое положение территорий Северо-Западной Руси, что не могло не отразиться на формировании права. В частности, в Новгороде и Пскове, которые обладали особой автономностью и напрямую контактировали с другими странами, оказывавшими влияние и на правовую систему новгородской и псковской земель, были приняты собственные источники права – Новгородская и Псковская судебные грамоты. Несмотря на активное внешнеполитическое сотрудничество Новгорода и Пскова в правовой сфере, увенчавшееся, например, подписанием Новгородом в конце XII века международного договора с немцами, вплоть до XV века, времени появления Новгородской и Псковской судебных грамот, Русская правда и вечевое законодательство все еще оставались основными источниками права в северо-западных русских княжествах.

К сожалению, Новгородская судебная грамота сохранилась лишь фрагментарно и не позволяет в полной мере сделать вывод о достигнутом уровне юридической техники данного памятника права. Сохранившийся фрагмент Новгородской судебной грамоты дает представление о судопроизводстве и судоустройстве.

Псковская судебная грамота датируется по одним источникам 1467 годом, а по другим –

1397 годом [8, с. 64]. Структурно она состояла из 120 статей, что значительно превышает количество статей Русской правды. Кроме того, Псковская судебная грамота более детально регламентировала государственные и политические преступления, а также отдельные гражданско-правовые институты.

В контексте возникновения Новгородской и Псковской судебных грамот, безусловно, следует особое внимание обратить на знаменитые памятники права, относящиеся к тому же времени – Судебники 1497 и 1550 годов.

Судебник 1497 года характеризуется систематизацией нормативного материала, хотя в нем все еще отсутствовало четкое разделение норм материального и процессуального права. Структурно Судебник 1497 года разделялся на четыре части. В Судебнике 1550 года с точки зрения юридической техники составления правовой материал подвергся глубокой переработке и систематизации. В его состав были включены порядка тридцати новых статей. Анализируя словесно-документальные юридико-технические средства, использованные при составлении Судебника 1550 года, следует отметить отсутствие заголовков, что типично для актов рассматриваемого периода.

Соответственно, качественно новые изменения в юридико-техническом составлении нормативных правовых актов, по сравнению с Русской правдой, прослеживаются именно в Судебниках 1497 и 1550 годов. Таким образом, верхняя хронологическая граница второго периода в развитии отечественной юридической техники, начавшегося с середины XI века, может быть ограничена периодом конца XV – серединой XVI века.

Следует отметить еще один памятник права, который получил свое распространение на территории Великого княжества Литовского, включившего в XVI веке отдельные земли русских княжеств юго-запада Руси. Речь идет о статуте Великого княжества Литовского 1529 года. В качестве источников литовского статута 1529 года использовались нормы Русской правды, а также литовское и польское законодательство наряду с судебной практикой. Литовский статут имел впоследствии еще две редакции – 1566 и 1588 годов.

Исследователи отмечают, что Литовский статут 1529 года обладал более высоким уровнем, по сравнению с Судебником 1497 года,

юридической техники изложения текста и построения нормативного материала, а также усложненной структурой [8, с. 81]. Литовский статут 1529 года обладал нумерацией статей, правовой материал в нем был систематизирован, а отдельные положения заимствованы впоследствии при составлении Соборного уложения 1649 года. Однако, на наш взгляд, это не дает основания противопоставить Литовский статут 1529 года Судебникам 1497 и 1550 годов, поскольку качественно нового скачка в развитии юридической техники он не привнес.

Памятником русского права, появление которого является, по нашему мнению, основанием для выделения отдельного периода в развитии отечественной юридической техники, безусловно, является Соборное уложение 1649 года. Принятие данного документа имело важное значение для развития российского права. Во-первых, исторически предшествовавшие данному событию конец Смутного времени и восшествие на престол новой правящей династии Романовых обусловили необходимость принятия крупного законодательного акта, усиливавшего легитимацию публичной власти. Во-вторых, большая законодательная работа, проведенная после 1611 года, привела к накоплению несистематизированных источников права, так, за 37 лет было принято 348 указов [9, с. 235]. Зачастую новые правовые нормы не доходили до правоприменителя и не были реализованы. В-третьих, следует отметить казуальный характер правовых норм предшествующего периода. Законодательство XVII века стремится уже к большей абстрактности и нормативности правовых предписаний. В числе политических причин, катализировавших процесс принятия нового уложения, следует указать Соляной бунт 1648 года, в результате которого восставшие добились от царя созыва Земского собора.

Основными источниками Соборного уложения 1649 года явились указные книги приказов, а юридико-техническое оформление Уложения заимствовало от Литовского статута 1588 года. В частности, к юридико-техническим свойствам Соборного уложения 1649 года можно отнести выделение рубрикаций, построение текста в определенной последовательности, введение новых дефиниций, что в общей сложности дало возможность весь материал Уложения распределить в 25 главах,

включавших 967 статей. Таким образом, в Соборном уложении явно прослеживается тенденция к систематизации, разделению норм по отраслям и институтам, выделению процессуального права.

Поскольку Соборное уложение 1649 года явилось памятником права, характеризующимся качественно новым подходом к юридико-техническому оформлению, по сравнению с правовыми актами раннего предшествующего периода, это дает нам основание для выделения третьего периода в развитии отечественной юридической техники. Соответственно, третий период имеет хронологические границы с конца XV – середины XVI веков и вплоть до середины XVII века, то есть времени появления Соборного уложения 1649 года.

Вплоть до начала XVIII века, когда была предпринята попытка систематизировать действовавшие правовые нормы Палатой об Уложении 1700 года, на наш взгляд, продолжался третий период в развитии отечественной юридической техники, в котором всецело господствовали нормы Соборного уложения 1649 года. Хронологическими рамками данного периода является середина XVII – начало XVIII века.

В качестве отдельного самостоятельного этапа в развитии отечественной юридической техники, на наш взгляд, следует выделить эпоху преобразований и обширной реформаторской деятельности Петра I, которая затронула практически все сферы государственно-политической деятельности, повлияв при этом и на развитие законодательства.

Прежде всего, следует сказать, что в начале XVIII века предпринимались попытки систематизации действующего законодательства и проводилась кодификационная работа, направленная на совершенствование Соборного уложения 1649 года. В 1700 году с этой целью образовалась Палата об Уложении, которой предстояло весь накопленный после 1649 года законодательный массив привести в соответствие с Соборным уложением. Палата об Уложении завершила работу в 1703 году, подготовив проект Новоуложенной книги, которая в целом сохраняла структуру Соборного уложения, не привнося с точки зрения юридической техники ничего нового, кроме опыта систематизационной работы, но обновив значительный массив норм.

Несколько позже, с 1714 года, была предпринята еще одна попытка кодификации рос-

сийского законодательства, направленная на пересмотр Соборного уложения 1649 года. Указанная работа должна была проводиться Сенатом, которому было поручено завершить ее к концу 1720 года. Итогом данной кодификационной работы явилось составление свыше двухсот новых статей, а всего, по оценке экспертов, за время правления Петра I было принято более трех тысяч различных правовых актов (порядка 160 различных указов в год) [8, с. 285].

В качестве общих результатов кодификационной деятельности эпохи Петра I можно отметить изданный в 1715 году Артикул воинский с родовой классификацией правовых норм и их внутренней иерархией по степени важности содеянного; Генеральный регламент 1720 года (другое название – Устав коллегий), который структурно ориентировался на объекты регулирования; Пункты о вотчинных делах 1725 года, представлявшие собой кодифицированный сводный документ норм частного права. Из представленных нормативных правовых актов, думается, что Артикул воинский обладал наиболее высокой юридической техникой. Он состоял из 24 глав, которые включали в общей сложности 209 артикулов (статей). В нем использовались абстрактные юридические формулировки, позволявшие избегать свойственной русскому праву казуальности.

В силу активной кодификационной работы и законотворческой деятельности период правления Петра I, таким образом, можно выделить в качестве отдельного этапа в развитии отечественной юридической техники.

Последующий за петровскими преобразованиями этап в развитии отечественного законодательства и юридической техники был связан с дальнейшим накоплением правового материала, а также новыми попытками его систематизации.

В частности, в задачу новой Уложенной комиссии 1754 года входила работа по переработке широкого массива законодательства и выработке на его основе кодифицированного сборника, который должен был состоять из четырех частей. В результате данная комиссия была фактически распущена еще в 1763 году, завершив работу над тремя из четырех запланированных частей.

С 1767 года начала работу новая Уложенная комиссия, свой Наказ для которой соста-

вила Екатерина II. За основу для составления наказа императрица взяла труд Ш.-Л. Монтескье «О духе законов». Следует отметить, что в Наказе содержались положения о юридической технике и были сформулированы базовые представления относительно системы законодательства в целом. Однако проект нового Уложения так и не был принят.

В дальнейшем, во второй половине XVIII – первой четверти XIX века происходило дальнейшее развитие сословного законодательства, которое с точки зрения юридической техники не привнесло кардинально новых изменений.

Существенная работа по кодификации русского законодательства, что можно считать основанием для отдельного этапа в развитии отечественной юридической техники, проводилась при М. М. Сперанском [10, с. 123–131]. Соответственно, хронологическими границами шестого этапа в развитии отечественной юридической техники следует обозначить период с первой четверти XVIII века по первую четверть XIX века.

Одобренный в 1832 году Государственным советом Свод законов Российской империи, состоявший из 15 томов, был введен в действие с 1 января 1835 года. Введение в действие Свода законов Российской империи и Полного собрания законов стало завершением работы по систематизации отечественного законодательства, начало которой было положено в XVIII веке.

Выделению следующего этапа в развитии отечественной юридической техники, безусловно, способствовали Великие реформы 1860-х–1870-х годов, в череду которых были приняты новые нормативные правовые акты, более совершенные с точки зрения юридико-технического арсенала.

Таким образом, хронологическими границами седьмого этапа в развитии отечественной юридической техники считаем период с первой четверти XIX века по 60–70-е годы XIX века.

Границы следующего, восьмого этапа в развитии юридической техники в России обусловлены коренными преобразованиями 60–70-х годов XIX века, которые способствовали дальнейшему совершенствованию нормативно-правового материала и формированию отраслевого законодательства. Несмотря на то, что для принятия наиболее важных законов необходима была санкция императора,

в целом законодательная деятельность была существенно модернизирована. Следует отметить, что Сенат играл значительную роль в решении различных юридических коллизий и толковании законов.

Пореформенный период в развитии отечественного законодательства и юридической техники был отмечен появлением ряда нормативных правовых актов. К их числу относятся Военно-уголовный кодекс (1875), Устав о пресечении преступлений (1876), Военно-морской устав (1886), Уголовное уложение (1903).

Начало нового этапа в развитии отечественного законодательства и юридической техники было обусловлено изменениями в избирательном праве и формированием российского парламентаризма в начале XX века. Соответственно, восьмой этап в развитии юридической техники в России продлился с 60–70-х годов XIX века вплоть до начала XX века.

Изменения в развитии отечественного законодательства и юридической техники в начале XX века связаны с учреждением Государственной думы и ее законотворческой деятельностью [11, с. 81–82]. Кроме того, существенное влияние на этот процесс оказали утвержденные императором Николаем II 23 апреля 1906 года Основные государственные законы.

Однако исследователями отмечается, что Государственная дума дореволюционной России была в большей степени законосовеща-

тельным органом, в отличие от современной Думы с ее законодательными полномочиями [12, с. 167].

Верхняя хронологическая граница девятого этапа в развитии отечественной юридической техники обусловлена революционными потрясениями 1917 года и сломом существовавшей государственно-правовой системы дореволюционной России.

Таким образом, проведенное исследование приводит к выводу о том, что в обозначенный период целесообразно выделить девять этапов развития правотворческой юридической техники. Эволюция техники создания правовых актов в России с X до начала XX века отражала развитие государственно-правовых институтов и в целом соответствовала потребностям регулирования общественных отношений.

Расширение юридико-технического арсенала, совершенствование средств, приемов и правил юридической техники благоприятно сказывались на качестве правовых актов в отношении их внешнего оформления и внутреннего содержания, способствовали эффективности правоприменения.

Современный уровень развития техники разработки и создания нормативных правовых актов в России имеет, таким образом, глубокую ретроспективную основу, отражающую длительный эволюционный путь становления российских правотворческих традиций.

Литература

1. Селютина Е. Н., Холодов В. А. Юридическая техника правотворческого процесса: актуальные проблемы и направления совершенствования // Государство и право. 2018. № 6.
2. Капанина Т. В. Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересмотр. М., 2011.
3. Чинарян Е. О. Становление и развитие законодательной техники в дореволюционной России: историко-теоретическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
4. Яровая В. В. Историко-правовой опыт становления юридической техники // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2010. № 4.
5. Болдырев С. Н. Юридическая техника: история и современность // Юрист-Правоведь. 2010. № 4.

Bibliography

1. Seliutina E. N., Kholodov V. A. Legal technique of law-making process: actual problems and directions of improvement // State and law. 2018. № 6.
2. Kashanina T. V. Legal technique: textbook. 2nd ed., revised. Moscow, 2011.
3. Formation and development of legislative technique in pre-revolutionary Russia: historical and theoretical research: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2009.
4. Yarovaya V. V. The legal and historical experience of the formation of legal technology // Proceedings of the Southern Federal University. Technical science. 2010. № 4.
5. Boldyrev S. N. Legal technique: history and modernity // Yurist-Pravoved. 2010. № 4.
6. Plovajskij D. I. The beginning of Russia. Moscow, 2012.

-
-
6. Иловайский Д. И. Начало Руси. М., 2012.
  7. Майор Ф. М., Пиджаков А. Ю. Договоры Руси с Византией как источники древнерусского права // Юридическая мысль. 2007. № 4.
  8. Исаев И. А. История государства и права России. М., 2010.
  9. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995.
  10. Селютина Е. Н., Холодов В. А. Предпосылки и значение систематизационной работы М. М. Сперанского в развитии юридической техники Российской империи первой половины XIX века // Вестник государственного и муниципального управления. 2018. № 3.
  11. Селютина Е. Н., Холодов В. А. Состояние юридической техники в Российской империи конца XIX – начала XX вв. в условиях модернизации законотворческой деятельности // Вестник государственного и муниципального управления. 2018. № 1.
  12. Борисов А. С., Холодов В. А. Государственные Думы России: законотворческий и представительный опыт в контексте историко-правовой компаративистики // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 6.
  7. Major F. M., Pidzhakov A. Yu. Treaties of Russia with Byzantium as sources of old Russian law // Legal thought. 2007. № 4.
  8. Isaev I. A. History of state and law of Russia. Moscow, 2010.
  9. Vladimirovsky-Budanov M. F. Review of the history of Russian law. Rostov-on-Don, 1995.
  10. Selyutina E. N., Kholodov V. A. Prerequisites and significance of the systematization work of M. M. Speransky in the development of legal technology of the Russian Empire in the first half of the XIX century // Bulletin of state and municipal administration. 2018. № 3.
  11. Selyutina E. N., Kholodov V. A. The state of legal technology in the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries in the conditions of modernization of legislative activity // Bulletin of state and municipal administration. 2018. № 1.
  12. Borisov A. S., Kholodov V. A. State Duma of Russia: legislative and representative experience in the context of historical and legal comparative studies // Central Russian Bulletin of social sciences. 2015. № 6.

Емельянов Василий Михайлович
Emelyanov Vasily Mikhailovich

аспирант Московской академии адвокатуры и нотариата.

Graduate Student of the Moscow Academy of the Bar and Notary Office.

E-mail: k_fp3@mail.ru

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ПРАВОВОГО СОЛИДАРИЗМА В КОНЦЕПЦИИ Г. К. ГИНСА

Cultural and anthropological foundations of legal solidarity
in the concept of G. K. Gins

В статье рассматривается система взглядов отечественного мыслителя первой половины XIX века, эмигрировавшего в Харбин, но продолжавшего развитие идей русской философии права относительно «права на достойное существование» за рубежом. Автором отмечается, что прогресс права и высокий уровень правовой культуры приводит Г. К. Гинса к выводу о кризисе либерализма и необходимости правового солидаризма как высшей ступени развития права.

Ключевые слова: *правопонимание, правовая концепция, история права, культурно-антропологический подход к праву, юридическая антропология, правовая культура, гносеология права.*

The article considers the belief system of a Russian thinker of the first half of the 19th century, who emigrated to Harbin, but continued to develop the ideas of Russian philosophy of law regarding the «right to a worthy existence» abroad. The author notes that progress of law and a high level of legal culture leads G. K. Gins to the conclusion that the crisis of liberalism and the need for legal solidarity as the highest stage of development of law.

Keywords: *legal understanding, legal concept, history of law, cultural and anthropological approach to law, legal anthropology, legal culture, epistemology of law.*

Современная российская правовая действительность характеризуется методологической неопределенностью своих перспектив, вызванной сменой парадигм общественного развития и затянувшимся процессом поиска концепции правового развития государства. Идея правового государства и гражданского общества не вполне отвечает различным вызовам современности, прежде всего, глобализации, что предполагает конструирование собственной, самобытной, национальной идеи государственно-правового строительства, основанной на традиционных ценностях и идеалах. Выявить эти ценности и идеалы в сфере правового развития позволяет солидаристское направление в теории права.

Государственно-правовые взгляды Георгия Константиновича Гинса тесно связаны с проблемами правовой культуры, социокультурных оснований права, культурно-антропологического анализа прогресса права, государства и правопорядка. Г. К. Гинс был сторонником и продолжателем социально-психологической юриспруденции, возникшей благодаря идеям

Льва Петражицкого в России в начале XX века. Более того, он был его учеником и продолжателем, особенно в русле экономического анализа права, как отмечает Г. А. Гаджиев [2, с. 53]. Отталкиваясь от психологической природы права, он создал предпосылки научно-опытного исследования социально-психологических конструкций, описывающих процесс правообразования, генезиса правовой культуры в контексте сравнительного правоведения. Его взгляды характеризует стремление рассматривать процессы развития права и его постепенного приспособления к обеспечению общего блага в единстве с различными явлениями духовной культуры.

Свою методологическую и идейно-теоретическую основу юридическое мышление Г. К. Гинс черпает из трудов психологической школы права. Философии права Петражицкого Гинс посвятил отдельную работу, где выразил свое признание и видение социально-психологической методологии [5, с. 3–28]. Гинс, как и Петражицкий, считал, что существование права коренится в психологии личности,

интуитивном правосознании. Его вклад в развитие этой школы заключается в концептуальном обосновании солидаристской идеи права в социально-психологическом контексте. Гинс рассматривает стремление к солидарности как одну из черт человеческой психики, его правосознания. Например, сознание права на свою собственность и обязанности уважать «чужую» собственность обязано своим происхождением коллективному взаимодействию людей, живущих в организованном обществе, полагал Гинс, развивающий мысль Дюги о том, что подчинение правилам общественного порядка отвечает чувству справедливости, а нарушение его вызывает сознание, что общественный порядок подвергается опасности [6, с. 48].

Гинс указывает, что правосознание у людей появляется в порядке естественного развития психики, то есть осознания и дальнейшего осложнения того, что первоначально совершалось на основе инстинктивных побуждений. Учение о естественном праве, полагает ученый, является истинным в той части, в которой создатели этой доктрины, сторонники естественного права хотели объяснить этим учением, что самые важные права и обязанности не выдуманы людьми и не искусственно установлены, а выросли естественным порядком, им самим неизвестным, из выработанных у человека природою (то есть «биологическими законами») свойств. Это учение может быть рассмотрено как относимое к самым общим, основным началам правопорядка (собственность, власть, семья, наказание), к тем началам, которые связаны своим происхождением с естественными склонностями и естественно необходимыми правилами поведения [6, с. 53].

Право возникает и развивается в различных сферах человеческого бытия. Первоначально правовые эмоции, правовая психика возникает как производная человеческого взаимодействия. В дальнейшем и усложнение, и ее структурирование зависит от особенностей организованной жизни человеческого общества. Именно поэтому столь сильно отличаются правовые уклады народов, проживающих на различных континентах. От биологических оснований правовая культура свободна, она определена целиком и полностью характером человеческого взаимодействия. «Право и нравственность – продукты культур-

ного сознания, возникающего в условиях человеческого общежития, в силу обмена опытом и формулировки необходимых для совместного существования правил должного поведения» [6, с. 55]. Накопленный и осмысленный опыт общежития и взаимодействия сам собою приводит к отбору наиболее целесообразных, проверенных посредством длительного коллективного испытания способов и приемов поведения, то есть через приспособление возникает право. При совместном жительстве людей они неизбежно согласовывают свое поведение в общих интересах.

Гинс указывает на то, что право по ходу прогресса все более превращается в инструмент управления социумом, что далеко не всегда сказывается положительно на состоянии общества и безопасности человека [6, с. 36–40]. Он указывает, что в процессе общественного прогресса все больших высот достигают люди в искусстве управления обществом и при этом власть обретает большую силу воздействия на массы с помощью правовых технологий. Однако эта сила воздействия может быть использована не только для достижения общего блага, но и для корыстных целей. Особенно опасными являются несвоевременные и непродуманные реформы, которые порождают коренную ломку установившегося правового уклада. Его сочинения отталкиваются от двух важных аксиом правового мышления: первая аксиома гласит, что право является продуктом социальной культуры, а развитие права определяется социально-психологическим состоянием взаимоотношений между людьми, направленным на достижение гармонии; вторая аксиома базируется на признании очевидного факта, что чем культурнее общество, тем глубже степень воздействия человека на прогрессе права, все меньше стихийности в процессах развития правопорядка.

К особенностям правосознания Гинс вслед за Петражицким относит то, что мотивация правового поведения обусловлена чувством особого правового долга личности, что проявляется наиболее наглядно в связи с осознанием того, что данного исполнения долга может требовать противоположная сторона. Обладать правом – это значит иметь возможность требовать исполнения своих обязанностей от противоположной стороны. Мотивация правового поступка оказывается связанной с высоким

развитием культуры: социальной и личной. Правовая культура, следовательно, возможна только в таком обществе, в котором обеспечивается коллективная поддержка общего блага, солидаризм, доверие к добросовестности и исполнительности должников. Иными словами, это общество высокой дисциплинированности и высокой культуры личной ответственности. Поэтому Гинс выступает за социальное единство в иных форматах, нежели капиталистическое или социалистическое общество. Он отмечает, что культурность человека и общества зависит от нравственных ценностей, доминирующих в обществе. Духовная культура облагораживает человека, создавая предпосылки для его возвышения над плоскими грубыми «первобытными стремлениями и потребностями». Именно высокая духовная культура создает предпосылки для государства, в то время как право является главным инструментом развития социальной культуры.

Исходя из такой концепции правосознания, вполне логично у Гинса следует то, что значимой правовой ценностью в жизни общества выступает политико-правовой солидаризм. Ученый положительно воспринял солидаристские концепции права, популярные в конце XIX столетия, что было заслугой Дюги, Дюркгейма, Конта и других французских мыслителей, в том числе Л. Буржуа, С. Бугле и Ш. Жида [4, с. 591]. Однако к солидаристской концепции он пришел благодаря анализу формирования и развития права с древнейших времен до современных ему дней.

Среди современных представителей мировой юриспруденции, особенно российской юридической науки, озвучиваются много предложений по поводу дальнейшего развития государства и права России на основаниях политико-правового солидаризма [11; 15; 16]. Эта идея имеет глубокие исторические корни в отечественной теории и философии права. Например, один из лидеров московской школы философии права начала XX века Павел Иванович Новгородцев разрабатывал концепцию или доктрину права на достойное существование. Эта концепция была построена на основе идейных конструкций, высказанных Владимиром Сергеевичем Соловьевым в конце XIX столетия. «Всякое личное существо, в силу своего безусловного значения (в смысле нравственном), имеет неотъемлемое право на существование и на

совершенствовании» [19, с. 530]. Среди отраслевых ученых концепция права на достойное существование разделялась представителями науки гражданского права, например, И. А. Покровским [18, с. 320]. Ученый предлагал строить отечественную правовую систему на основе признания права на достойное существование. Данное право рассматривалось им, прежде всего, как частное. При этом он полагал, что реализация данного права должна осуществляться не государством, а гражданским обществом, так как частному праву соответствует и частная обязанность. Долг взаимопомощи людям друг другу рассматривается не только как нравственный, но и как правовой. Другой представитель науки гражданского права Н. А. Гредескул был очень близок идейным установкам И. А. Покровского. Гредескул критиковал систему частного римского права, построенную на началах индивидуализма, личной выгоды и частного интереса [10].

Ученый призывал к переводу основы современного ему гражданского права на иную, неримскую основу. Он полагал, что «продолжать идти все в ту же сторону, это прийти, с одной стороны, к “сверхчеловеку”, не встречающему никаких препятствий к удовлетворению малейших пожеланий своей прихотливой и капризной натуры, а с другой – к массе “низших” натур, обреченных на роль живого придатка к сложным машинам и механизмам и предназначенных почти к животному существованию» [10, с. 26].

У другого представителя отечественной правовой мысли Б. А. Кистяковского обнаруживается концепция признания права на достойное существование не в качестве частного права, а в качестве публичного, что означает рассмотрение социальной политики в качестве разновидности государственной политики. Функция государства заключается в осуществлении солидарных интересов людей [13, с. 141]. Правовая система и правопорядок основаны на общественном правосознании, следовательно, для социального правового государства крайне важным является обеспечение социальных публичных прав. Кистяковский полагает, что со стороны государства имеет место обязанность обеспечивать достойный уровень жизни своим гражданам [14, с. 579].

Еще одним оригинальным мыслителем, развивавшим идеи солидаризма, являлся А. А. Гольденвейзер [9]. Ученый был одним из разработчиков и создателей социальной теории права. Как и другие мыслители, автор исходил из того, что положительную роль в развитии и становлении любого общества играет обязанность, а не право. Это не значит, что за личностью не признаются никакие права. Это означает лишь то, что каждое личное право может быть использовано, прежде всего, для обеспечения общественного блага. Соответственно, объективное право рассматривается как формирующая высокий уровень социального служения система права. И важнейшую роль в его развитии играет именно обязанность. Исполнение обязанности, возложенной на индивида, является целью, защита прав личности является средством. Одна из задач государства заключается в том, чтобы обеспечить условия для раскрытия социальной значимости каждого человека с точки зрения его служения общему благу [9, с. 171].

Все сети концепции оказали влияние на правовое мышление Г. К. Гинса. В одном из сочинений, в котором мыслитель описывает различные преобразования отраслей права в контексте правового солидаризма, он критикует частнопроводимые индивидуалистические позиции и либеральные концепции права, а также осуществляет критику социалистических идей, рассматривая солидаризм как систему юридических взаимоотношений внутри общественной группы и между группами. В данной системе каждый участник обеспечивает свой индивидуальный интерес через совместные солидарные действия. При этом он обязан подчиняться установленному порядку [4, с. 591]. Заметим, что сущность солидаризма в таком понимании сводится к тому, что индивиду проще обеспечить свои интересы сообща с другими, то есть в конечном счете опять-таки речь идет о выгоде и расчете, или об усовершенствованном социалистическими принципами либерализме. Не случайно автор также констатирует: «Солидаризм преследует ту же конечную цель, как и индивидуализм, – организовать общество, в котором личность была бы наиболее свободна и обеспечена, т. е. общество солидарных и свободных граждан» [4, с. 591]. Следует отметить, что современные развитые западные государ-

ства все активнее продвигаются к такому обществу. В таком случае солидаризм может быть рассмотрен как наиболее оптимальная иррациональная форма взаимодействия каждого человека в единстве с другими людьми, обеспечивая реализацию общего блага своих частных интересов. Можно отметить, что солидаристская концепция права является правовой моделью обеспечения частного интереса. По сути дела, речь идет о синтезе либеральных и социалистических идей.

Гинс разрабатывал свое видение солидаризма как единой стройной системы, полагая, что «практическая сторона солидаризма – гармонизация общественных и личных, государственных и индивидуальных правоотношений». Ученый сформулировал концепцию регулятивного права. Идея регулятивного права – идея гармонизации общественных и частных интересов, прав и обязанностей должна стать основой «нового права» – права солидарности. Либеральный правопорядок уже устарел и является тормозом на пути развития общества, полагает ученый в работе «От либерализма к солидаризму. На путях к государству будущего» 1930 года. Солидаризм является у Гинса результатом развития культуры, примиряет индивидуализм и коллективизм. Мыслитель считал, что недопустимо объяснять все поступки людей эгоизмом или альтруизмом как крайними точками устройства психической мотивации и человеческого общежития. Промежуточной формой устройства общества можно считать и не индивидуализм, и не коллективизм, а солидаризм: «Солидаризм не навязывает личности тех целей, которые чужды ей и не приносят индивидуальные интересы в жертву “общему благу”, если только эта жертва не вознаграждается выгодами для участников солидарной группы. Но, с другой стороны, сознание того, что индивид не в силах в современных условиях обеспечить свои интересы, заставляет человека подчиниться тем требованиям общественного порядка, без соблюдения которых он оказался бы беспомощным в борьбе за существование» [4, с. 29]. Автор считает, что эта идея проявляется в солидаризме именно на правовых, а не каких-то иных началах, обеспечивающих совместную защиту солидарных интересов каждой общественной группой, а личность, подчиняющаяся общественному союзу, находила в нем ограж-

дение своих прав от притязаний государства, а в государстве – защиту от деспотизма общественной организации. «Государство, предначинив какие-либо вещи для общего пользования, связывает тем самым себя. Оно не может уже просто так упразднить общее пользование. Это можно делать только в специально установленном порядке» [7, с. 30].

Прогресс права до середины XX века происходил в русле укрепления концепции равенства частного интереса и общего блага. Гинс настаивает на необходимости учета общего блага в развитии общества, так как именно в служении ему государство должно видеть свою цель. Между тем после смерти ученого в 1954 году произошел крах Советского Союза и западные страны, которые получили у Гинса достаточно высокую положительную оценку за свои достижения в плане социального развития «всеобщего благоденствия» [3], стали на неолиберальный путь разрушения социального государства. Он отмечал, что солидарность «не может быть отнесена ни к эгоизму, потому что солидарность связывает нас с интересами других лиц, ни к альтруизму, потому что солидарность предполагает сознание взаимной пользы, а не только пользы других лиц» [8, с. 211]. Безопасность человека зависит от прохождения между крайностями различных политических моделей, от гармоничного сочетания публичных и частных интересов. Как справедливо отмечает Д. Ю. Алексеев, «солидаризм идеологически обосновал переход от “дикого” капитализма к обществу социальной гармонии и стабильности, от противостояния к социальному компромиссу и партнерству» [1, с. 97].

Современное право постмодерна имеет все меньше шансов, чтобы обеспечить безопасность современному человеку. Об этом гово-

рят ведущие ученые, акцентируя внимание на проблемах государственно-правового развития России в XXI веке, вызванные непродуманным европоцентризмом в осуществлении модернизации ее экономики, социальной сферы, политической системы [11; 17]. Цифровые технологии не только позволяют ускорить научно-технический прогресс, но несут в себе и новые риски, в том числе усугубляя атомизацию общества, индивидуализм и партикулярность социума. Определенную и весьма существенную долю вины несет на себе либерально-индивидуалистическая модель государства, навязанная нашей стране реформаторами 90-х. Данная модель не только не соответствует отечественным государственно-правовым традициям, в которых общее благо, общее дело, публичный интерес, соборность доминировали в качестве ценностей права, но и современным социально-экономическим реалиям, диктующим необходимость поиска альтернативы стихии рынка и капитализма с их бесконечным апокалиптическим потреблением и нерациональным использованием ресурсов планеты. Как отмечает А. И. Овчинников: «Особенностью либерально-демократической идеологии является то, что в ее сердцевине отрицается возможность существования общих, или базовых ценностей. Ценен только индивид сам по себе и его интерес» [15, с. 16]. Между тем многие отечественные правоведы обращали внимание в первой половине века на концепции правового солидаризма (Б. Кистяковский, Н. Алексеев, Н. Устрялов и другие). В этой связи особую актуальность приобретают идеи Г. К. Гинса о правовом солидаризме как необходимом принципе обеспечения социальной безопасности личности.

Литература

1. Алексеев Д. Ю. Г. К. Гинс – основоположник российского солидаризма // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2009. № 2.
2. Гаджиев Г. А. Право и экономика (методология). М., 2016.
3. Гинс Г. К. Коммунизм и сверхкапитализм в зеркале права // Право и культура. М., 2012.
4. Гинс Г. К. На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму // Анто-

Bibliography

1. Alekseev D. Yu. G. K. Gins – the founder of Russian solidarism // Bulletin of the Pacific state University of Economics. 2009. № 2.
2. Gadzhiev G. A. Law and economics (methodology). Moscow, 2016.
3. Gins G. K. Communism and supercapitalism in the mirror of law // Law and culture. Moscow, 2012.
4. Gins G. K. On the paths to the state of the future: from liberalism to solidarism // Antholo-

- логия мировой правовой мысли: в 5-ти т. М., 1999. Т. 3.
5. Гинс Г. К. Обоснование политики права в трудах профессора Л. И. Петражицкого (1892–1927) // Известия Юридического факультета в Харбине. 1928. Т. 5.
6. Гинс Г. К. Право и культура. Процессы формирования и развития права // Право и культура. М., 2012.
7. Гинс Г. К. Право на предметы общего пользования. Харбин, 1928. Ч. 2. Современное водное право.
8. Гинс Г. К. Руководящая идея современности. Очерк о солидаризме. Харбин, 1940.
9. Гольденвейзер А. А. Право, государство и собственность // В защиту права: статьи и речи. Нью-Йорк, 1952.
10. Гредескул Н. А. Творческие задачи в современном гражданском праве // Современные вопросы права. Харьков, 1906.
11. Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы. URL: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-dobro.html>.
12. История политических и правовых учений XX в. / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1995.
13. Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6.
14. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
15. Овчинников А. И. Базовые ценности и конституционное развитие России // Философия права. 2011. № 5 (48).
16. Овчинников А. И. Духовно-нравственная легитимация права: мировоззренческий контекст // Философия права. 2013. № 1 (56).
17. Овчинников А. И., Ахрамеева О. В., Воронцов С. А. и др. Цифровая безопасность личности, общества и государства в условиях глобализации: юридические механизмы обеспечения. Обзор материалов сессии в рамках ПМЮФ 2019 г. // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6. № 2.
18. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Петроград, 1917.
19. Соловьев В. С. Нравственность и право // Избранные произведения. Ростов н/Д, 1998.
- gy of world legal thought: in 5 volumes. Moscow, 1999. Vol. 3.
5. Gins G. K. The rationale for the policy of law in the works of Professor L. I. Petrazhitzky (1892–1927) // Proceedings of the faculty of Law in Harbin. 1928. Vol. 5.
6. Gins G. K. Law and culture. The processes of formation and development of law // Law and culture. Moscow, 2012.
7. Gins G. K. The right to common items. Harbin, 1928. Part. 2. Modern water law.
8. Gins G. K. The guiding idea of our time. Essay on solidarism. Harbin, 1940.
9. Goldenweiser A. A. Law, state and property // In defense of law: articles and speeches. New York, 1952.
10. Gredeskul N. A. Creative tasks in modern civil law // Modern issues of law. Kharkov, 1906.
11. Zorkin V. D. The right of metamodern: statement of the problem. URL: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-dobro.html>.
12. The history of political and legal teachings of the XX century / executive ed. V. S. Nersesyan. Moscow, 1995.
13. Kistyakovsky B. A. Legal and socialist state // Questions of philosophy. 1990. № 6.
14. Kistyakovsky B. A. Social sciences and law: essays on the methodology of social sciences and the general theory of law. Moscow, 1916.
15. Ovchinnikov A. I. Basic values and constitutional development of Russia // Philosophy of law. 2011. № 5 (48).
16. Ovchinnikov A. I. Spiritual and moral legitimation of law: a worldview context // Philosophy of law. 2013. № 1 (56).
17. Ovchinnikov A. I., Akhrameeva O. V., Vorontsov S. A. and others. Digital security of the individual, society and the state in the context of globalization: legal support mechanisms. Review of the materials of the session of the St. Petersburg international legal forum 2019 // Bulletin of the Law faculty of the Southern Federal University. 2019. Vol. 6. № 2.
18. Pokrovsky I. A. The main problems of civil law. Petrograd, 1917.
19. Soloviev V. S. Morality and law // Selected works. Rostov-on-Don, 1998.

Топилина Анна Васильевна
Topilina Anna Vasylyevna

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат философских наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philosophy, Associate Professor.
E-mail: spring6@yandex.ru

ДЕСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

The destructive potential of the liberal intellectuals

В статье проводится социально-философский анализ явления либеральной интеллигенции. Автор рассматривается эволюция и содержание либеральной идеи в России и механизм ее действия на общество. Особое внимание уделяется анализу деструктивного потенциала либеральной интеллигенции и воздействию либеральной идеи на молодежь.

Ключевые слова: интеллигенция, либеральная идея, патриотизм, деструкция, молодежь, государство, социокультурные ценности.

The article provides a socio-philosophical analysis of the phenomenon of liberal intellectuals. The author considers the evolution and content of the liberal idea in Russia and the mechanism of its action on society. Special attention is paid to the analysis of the destructive potential of the liberal intelligentsia and the impact of the liberal idea on young people.

Keywords: intellectuals, liberal idea, patriotism, destruction, youth, state, socio-cultural values.

Дискуссии о месте и роли интеллигенции вообще и либеральной интеллигенции в частности в жизни российского общества ведутся уже на протяжении полутора столетий. За это время политическая и общественная деятельность интеллигенции несколько раз активизировалась, что неизменно приводило к социальным потрясениям. Сегодня мы наблюдаем новый виток активности в среде так называемого креативного класса. Целью данной статьи является попытка разобраться в феномене либеральной интеллигенции, специфике его существования в России и в том посыле, который направляется сегодня в общество.

Термин «интеллигенция» можно назвать эндемичным. Он возник и существует только в России и характеризует исключительно российской феномен [5]. Собственно, слово «интеллигенция» нельзя считать термином в строгом смысле, так как оно не имеет определенного закрепленного за ним значения и довольно неоднозначно описывает некую группу людей, занятых интеллектуальным трудом и идентифицирующих себя в качестве творчески активных личностей. Творчество при этом может иметь разнообразную природу, необязательно гуманитарную, в данном случае ва-

жен посыл: интеллигенция позиционирует себя как творческая социально активная группа, «несущая правду». «Явление русской интеллигенции уникально в том смысле, что ее возникновение и развитие ее концепта есть по большей части результат ее собственного самоописания. Интеллигенция в некотором роде сама придумала интеллигенцию, закрепила за ней особое положение, наделила священной миссией, сделала себя совестью и гарантом нравственности» [6, с. 212].

Образованная прослойка общества по примеру европейских интеллектуальных салонов начала формироваться еще в XVIII веке, но окончательно русская интеллигенция довольно четко оформилась в 60-х годах XIX века на волне дискурса о роли России в культурно-историческом процессе. В тот момент интеллигенты разделились на два идеологически противоборствующих лагеря: славянофилов и западников. В целом это деление интеллигенции сохранилось и далее – часть интеллигентов позиционируют себя как носителей русской национальной идеи, поддерживая государственную политику, другая часть остается прозападной, критикуя любые действия государственной власти.

Исследователь интеллигенции Б. М. Фирсов выделил две модели взаимодействия власти и интеллигенции [7]: конфуцианскую и даосскую. Конфуцианская модель предполагает, что интеллигенция сотрудничает с государством, являясь его неотъемлемой частью. В общей сложности интеллигенция здесь представляется классом профессиональных работников умственного труда, работающих на государство и провозглашающих государственные идеи и идеологию. Даосская модель характеризует ситуацию, в которой интеллигенты не связаны с властью и существуют атомарно, однако их объединяет общее неприятие власти и критика ее идей и действий. При этом интеллигенты не обязательно принадлежат к профессиональной интеллектуальной сфере, их самоидентификация произвольна, они часто заняты самообразованием и могут объединяться в случайные группы по интересам. Как правило, интересом этим становится антигосударственная пропаганда. Таким образом, мы наблюдаем деление интеллигенции на «прогосударственную» конфуцианскую и критикующую власть даосскую.

Исторически сложилось так, что российскому менталитету оказалась ближе даосская модель, в которой интеллигенция склонна следовать западным образцам и ценностям, параллельно снижая ценность отечественной культуры. Такую ориентацию смело можно назвать либеральной. В стихотворении «На взятие Варшавы» А. С. Пушкин так писал о русских либералах:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел [4].

Классик дал очень точную характеристику русского либерала: это человек, принимающий образцы западной культуры как эталонные, в то же время считающий отечественную культуру и общество «отсталыми» от Запада. Осознавая это несовершенство, русский либерал прикладывает усилия в общественно-политической и культурной жизни, направленные на критику и уничтожение отечественной культуры и общества с целью привести на освободившееся культурное пространство образцы европейской культуры.

Попытки «европеизировать» Россию предпринимались с XVIII века. Известный историк Н. Я. Данилевский писал об этом опыте: «Прививку европейской цивилизации к русскому дичку хотел сделать Петр Великий... Но результаты известны: ни самобытной культуры не возросло на русской почве при таких операциях, ни чужеземное ею не усвоилось и не проникло далее поверхности общества; чужеземное в этом обществе произвело убожков самого гнилого свойства» [2]. Однако, пользуясь терминологией Н. Я. Данилевского, зерно было посеяно и в каждом поколении давало всходы все более стойкие. В XVIII веке стало модным по примеру просвещенной Франции создавать кружки и салоны, в которых хорошим тоном считалось критиковать власть. Это была эпоха заговоров, в которых прорастали побеги западного либерализма. В итоге по законам диалектики накопившееся количество перешло в качество и вылилось в восстание декабристов.

XIX век в целом можно охарактеризовать как период расцвета прозападной либеральной интеллигенции. Несмотря на то, что слово «интеллигенция» стало активно употребляться только во второй половине XIX века, феномен существовал значительно раньше. Период после Отечественной войны 1812 года характеризовался всплеском «европейскости» в русской культуре. Русские дворяне были одержимы словом «свобода», либеральные ценности были очень популярны. В то же время российская действительность не представляла никакой возможности для проявления либеральных интенций дворянства. Вследствие этого в среде дворянской молодежи возникло романтическое движение за абстрактную свободу, приведшее к восстанию в декабре 1825 года. Восстание, что очень закономерно, было подавлено и привело к реакции – усилению консерватизма и государственной власти, так называемой николаевской реакции. Дальнейшая история России с многочисленными попытками свержения императора и покушениями на видных государственных деятелей демонстрирует, насколько либеральная часть дворянства готова была к приведению в действие решительных мер. В этот период можно смело говорить о формировании либеральной оппозиции среди студенческой молодежи, направляемой прозападнически настроенной интеллигенцией. Появление в 1828–1830 годах «Фи-

лософических писем» П. Я. Чаадаева раскололо общество. В этих написанных по-французски письмах Чаадаев подвергает критике русскую культуру как «отсталую», существующую лишь затем, «чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным потомкам» [8, с. 52]. При жизни Чаадаева было опубликовано только первое письмо. Содержащийся в нем негативный посыл в сторону русской истории и культуры был столь неожиданным, что Чаадаева объявили сумасшедшим и в течение семи лет его наблюдал врач. Также за философом был установлен полицейский надзор и ему запрещалось печататься, поэтому свои идеи либерал выражал в эпистолярном жанре. Списки его писем распространялись по гостиним либерально мыслящей интеллигенции, подогревая прозападные настроения за счет последовательного наделения всех проявлений русской культуры негативными коннотатами. Реакцией в обществе стало разделение интеллигентов на славянофилов-почвенников, утверждающих самобытность русской культуры и ее ценность, и либералов-западников, призывающих одуматься, отречься от всего «азиатского» русского и следовать западным демократическим путем.

В тот же период набрали популярность социалистические идеи, вылившиеся в революционный радикализм. «Революционеры всех течений, прежде всего, народники-террористы, представляли собой экзальтированную интеллигенцию молодого поколения, для которой требования политических свобод, социализма, равноправия были просто красивыми лозунгами, не более того. Большая часть “революционеров” просто отдавали дань моде: в молодежной среде было модным быть в оппозиции правительству и церкви, называть себя революционером, нигилистом, борцом за народное счастье и т. п.» [11].

В свою очередь, реакцией на либеральное поклонение Западу стало появление в 1869 году книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Профессионально занимаясь биологией и, в частности, ботаникой, Данилевский пришел к выводу, который позже поддержал О. Шпенглер, уподобляя культуры цветам [9]: не существует единого исторического процесса, а есть отдельные культурно-исторические типы, развивающиеся по собственным сценариям, и сравнивать их некорректно. Каждый тип це-

нен сам по себе, одним из них является Россия, а другим – Европа. Их невозможно привести к общему знаменателю, так как они различаются на онтологическом уровне. «Прогресс... состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, что она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития» [2, с. 126].

В тот период противоречия настолько обострились, что привели к политизации интеллигенции и созданию на рубеже XIX–XX веков множества политических партий, каждая из которых в качестве идеологической платформы предлагала новый путь развития России, зачастую радикальный. Вечная болезнь интеллигенции, проявляющаяся в отсутствии компетенции при наличии интенции («хотели как лучше, а получилось как всегда», «знаем, что так неправильно, а как правильно – не знаем») и сопровождающаяся привлечением больших ресурсов со стороны либеральной общественности, в том числе европейской, заодно с активной работой западных спецслужб, в итоге привела к февральской революции 1917 года и свержению самодержавия в России. Примечательно, что значительная часть интеллигентов, участвовавших в крушении Российской империи, не желала оставаться в созданном ими новом прекрасном мире и продолжала в эмиграции свои попытки разрушить уже новую социалистическую державу, появления которой они так страстно желали.

В советский период жесткая цензура препятствовала распространению либеральной идеи. Это был период строительства уникального типа государства, где идеология являлась важнейшей составляющей, поэтому любые колебания идеологического курса были недопустимы. Но неофициально, среди части советской интеллигенции продолжали существовать прозападные и антигосударственные настроения, распространялись самиздатовские произведения, в которых критиковалась власть и государственный строй.

Однако подлинное «второе рождение» либеральная идея пережила в 90-х годах XX века.

«Именно в период перестройки и ельцинской либерализации экономики появляются “знаковые” для российских либералов фигуры: А. Собчак, Е. Гайдар, А. Чубайс. Если в начале XX века в среде интеллигенции были модными антимонархические настроения, то в конце XX века стали модными антикоммунистические. Результатом откровенно бездумных действий интеллигенции, ее утопического понимания политической ситуации в России, реалий традиционной российской политической системы и особенностей российской политической психологии была катастрофа» [11]. Либеральная интеллигенция, пришедшая к власти, считала, что достаточным основанием для формирования гражданского общества станет свободный рынок, не регулируемый государством, и частная собственность. Щедрое предложение «брать независимость» союзным республикам привело к распаду империи и многочисленным локальным войнам на ее границах. Интенция «хотели как лучше» снова потерпела крах. Десятилетие либерального управления привело к внешнеполитическому и внутреннему экономическому кризису. Только реанимация сильной государственной власти с опорой на силовые структуры и национальную идеологию, возвращение консерваторов во властные структуры и частичное цензурирование информационных потоков стало теми факторами, которые помогли стране укрепить свое положение в мире.

Евромайдан на Украине в 2014 году и присоединение Крыма к России стали событиями, повлекшими новый виток активности либеральных сил. Исследователь современной интеллигенции Золотарев описывает ее так: «Главная ее черта заключается в уверенности, что в России “никаких других интеллигентов, кроме них самих, не существует” ... Либеральная интеллигенция постоянно твердит об эволюции. Однако под этим словом она понимает победу исключительно либеральных (и никаких иных) ценностей. Движение в любом другом направлении они называют “тупицкой веткой истории”». Паническое неприятие революции проистекает из боязни народа. Либералы чрезвычайно боятся народа и сделают все, что в их силах, чтобы народ в свои руки власть не взял никогда. Они не устают твердить, что они лучше, что есть в стране, а «на-

род и Россия – быдло и дерьмо, не ценящие нас, “травящие” нас (тут часто следует просьба и к нелюбимой власти – “оградить от травли”), убивающие нас!» [3, с. 55–56]. Здесь проявляется типичный цинизм российской либеральной интеллигенции: защищая народ, она противопоставляет себя власти, однако народ она не понимает и презирает, в то же время перенимая у властных структур модель существования.

Возникает закономерный вопрос об онтологических основаниях существования интеллигенции в условиях социального противоборства, с одной стороны, с народом, с другой стороны, с властью. Резкое противопоставление интеллигенцией себя государству и государственной власти заставляет нас сделать вывод о слабой или отсутствующей патриотической мотивации, сочетающейся с высоким социально деструктивным потенциалом. В «Литературной газете» в 2014 году вышло интервью с писателем Александром Щипковым под говорящим названием «Интеллигент не может быть либералом» [1], где автор логически приводит либеральную идею к фашизму и указывает, что интеллигент не может следовать разрушительной идеологии. В июне 2019 года президент В. В. Путин в своем интервью газете Financial times назвал либеральную идею устаревшей [10]. Либеральная идея в условиях современного общества действительно потерпела крах, о чем свидетельствуют современные культурные и демографические процессы в Европе и США. Российская интеллигенция обладает большой инертностью, пытаясь максимально использовать либеральную идеологию. Сегодня активность либералов в России продолжает оставаться очень высокой, проявляясь в попытках дестабилизировать социальную обстановку через активную пропаганду в СМИ, социальных сетях и мессенджерах.

Портрет современного либерала не содержателен, а апофатичен, строится на отрицаниях. Либерала можно отличить не по тому, что он делает, а по тому, что он не делает. Либерал не доверяет системе здравоохранения, поэтому выбирает самолечение, домашние роды и отказ от прививок. Он не доверяет производителям продуктов питания, предпочитая фермерскую продукцию. Он обладает черно-белым туннельным мышлением, которое способ-

но разделять социальные процессы и явления на строгие дихотомии «плохо–хорошо», при этом неизменно концентрируясь на негативе. Подобный тип мышления характерен в большей степени для молодежи как интеллектуально и социально незрелого класса общества. Вследствие этого подавляющий удельный вес носителей либеральной идеи приходится на прослойку молодых людей от 17 до 30 лет. В отличие от конструктивного критического мышления, заставляющего анализировать происходящие в обществе процессы, искать причинно-следственные связи и воспринимать социальные явления во всей их полноте, стереотипное мышление отличается незрелостью и односторонностью. Его чертами являются конформность и черно-белое восприятие мира. В период социального и интеллектуального созревания молодые люди легко внушаемы, мотивированы на конфликт и оппозицию государству, таким образом самоутверждаясь в социуме. Либеральная идея отвечает всем их запросам: в ней есть и интеллектуализм, и оппозиционность. Реализуя принцип наибольшей эффективности, пропаганда либеральных идей ведется в информационных потоках, доступных молодежи (социальных сетях и мессенджерах). Наиболее подверженными суггестии становятся студенты гуманитарных специальностей, ощущающие желание примкнуть к так называемым интеллигентным кругам. Таким образом формируется социально и политически нестабильная прослойка населения, обладающая высоким деструктивным потенциалом. За счет смены поколений контингент носителей пассионарного заряда и либеральной идеи перманентно обновляется, заставляя либеральную идею приспособляться к актуальным социальным реалиям и запросам молодежи. Содержание ее сменяется, однако общий посыл остается неизменным: это

критика власти и деятельности государства и его структур, концентрация на негативных сторонах общественной жизни и неоправданное обобщение социально нестабильных факторов. В то же время западное общество и культура неизменно предстают в качестве эталонных.

Деятельность либеральной интеллигенции всегда деструктивна по своему первоначальному посылу. Самоидентификационной доминантой русской интеллигенции изначально являлась критика государственной власти и противопоставление ей. Известный отечественный историк Лев Гумилев, сын знаменитых поэтов Анны Ахматовой и Николая Гумилева, на вопрос, является ли он интеллигентом, ответил: «Ну какой же я интеллигент? У меня профессия есть, и я Родину люблю!». Отсутствие положительной патриотической мотивации является онтологической характеристикой российской либеральной интеллигенции, и соответственно, вся деятельность либеральных «защитников правды» деструктивна по отношению к стране.

Таким образом, нами рассмотрены эволюционирование и социально-философский портрет российской либеральной интеллигенции. Ведение внутри собственной страны информационной войны, подрывающей содержание культурной и ценностной картины россиянина, внедрение вредоносных идей в сознание обывателя, «раскачка» антигосударственных настроений – это только часть той деструктивной деятельности, которую ведут современные «защитники правды». Однако культурно-исторический маятник продолжает двигаться, и согласимся с мнением президента России В. В. Путина о том, что эпоха либерализма подошла к концу. Задачей ученых становится оценка масштаба разрушений и выработка стабилизирующих социальных механизмов.

Литература

1. «Интеллигент не может быть либералом» // Литературная газета. 2014. № 50.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций. М., 2014.
3. Золотарев О. В. Либеральная интеллигенция в современной России // Интеллигенция и мир. 2016. № 2.

Bibliography

1. «An intellectual cannot be a liberal» // Literaturnaya gazeta. 2014. № 50.
2. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. The era of the clash of civilizations. Moscow, 2014.
3. Zolotarev O. V. Liberal intelligentsia in modern Russia // Intelligentsia and the world. 2016. № 2.

-
-
4. Пушкин А. С. Стихотворения. М., 2016.
  5. Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Россия / Russia. 1999. № 2.
  6. Филатова А. А. Концепт интеллигенция в смысловом пространстве современной русской культуры // Логос. 2005. № 6.
  7. Фирсов Б. М. Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века // Звезда. 2001. № 8.
  8. Чаадаев П. Я. Философические письма // Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1.
  9. Шпенглер О. Закат Европы. М., 2007.
  10. Петрова Ю., Штыкина А. Путин объявил конец эпохи либерализма перед саммитом G20. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/06/27/805261-putin>.
  11. Российская либеральная интеллигенция как исторический феномен. URL: <https://reosh.ru/rossijskaya-liberalnaya-intelligenciya-kak-istoricheskij-fenomen.html>.
  4. Pushkin A. S. Poems. Moscow, 2016.
  5. Russian intelligentsia as a specific phenomenon of Russian culture // Rossiya / Russia. 1999. № 2.
  6. Filatova A. A. Concept intelligentsia in the semantic space of modern Russian culture // Logos. 2005. № 6.
  7. Firsov B. M. Intelligentsia and intellectuals at the end of the XX century // Zvezda. 2001. № 8.
  8. Chaadaev P. Ya. Philosophical letters // Complete works and selected letters. Moscow, 1991. Vol. 1.
  9. Shpengler O. Decline of Europe. Moscow, 2007.
  10. Petrova Yu., Shtikina A. Putin announced the end of the era of liberalism before the G20 summit. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/06/27/805261-putin>.
  11. Russian liberal intelligentsia as a historical phenomenon. URL: <https://reosh.ru/rossijskaya-liberalnaya-intelligenciya-kak-istoricheskij-fenomen.html>.

Гулевский Алексей Николаевич
Gulevsky Alexey Nikolaevich

доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России кандидат философских наук.

Associate Professor of the Philosophy and Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philosophy.

E-mail: gulewski@rambler.ru

Гулевская Наталья Анатольевна
Gulevskaya Natalia Anatolievna

доцент кафедры философии и права Волгоградского государственного технического университета
кандидат исторических наук.

Associate Professor of the Philosophy Department of the Volgograd State Technical University, PhD in History.

E-mail: gulevskay@mail.ru

Доронин Юрий Петрович
Doronin Yury Petrovich

старший преподаватель кафедры философии Волгоградской академии МВД России
кандидат исторических наук.

Senior Lecturer of the Philosophy and Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in History.

E-mail: dup3000@yandex.ru

**АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ВОЙНЫ
КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ**

The analysis of concepts of war as social phenomenon in Philosophy

---

В статье предпринята попытка проанализировать существующие подходы к пониманию природы феномена войны в истории философской мысли. Авторы делают вывод, что война представляет социальный феномен, поэтому решение социальных проблем приведет к снижению конфликтов. Анализ теоретических подходов позволяет авторам сделать также вывод о том, что война представляет собой особую форму насильственной вооруженной борьбы социальных субъектов, взаимодействующих между собой, признающих себя участниками войны и признаваемых таковыми извне (социальными субъектами вне поля войны), по причине имеющих в них социальных противоречий, которые с помощью уничтожения и устрашения, с соблюдением определенных в той или иной культуре моральных правил стремятся по своей воле подчинить, склонить волю друг друга или ликвидировать физически.

Ключевые слова: война, вооруженная борьба, биологизм, философия войны, расизм, социальные теории.

In the article authors attempt to analyze the existing approaches to understanding the nature of the phenomenon of war in the history of philosophical thought. The authors conclude that war is a social phenomenon, so solving social problems will reduce conflicts. The analysis of theoretical approaches allowed the authors to conclude that war is a special form of violent armed struggle of social actors with each other, interacting with each other, recognizing themselves as participants in the war and recognized as such from the outside (social actors outside the field of war), because of their social contradictions, which by means of destruction and intimidation, with observance of certain moral rules in a particular culture, seek to subdue, bend the will of each other, or eliminate physically.

Keywords: war, armed struggle, biologism, war philosophy, racism, social theories.

Проблема определения природы и сущности войны является актуальной и дискуссионной. В настоящий момент в научном сообще-

стве нет каких-либо общепринятых подходов в отношении природы войны, которые являлись бы общеизвестными и не подлежащими

сомнению. В последнее время появляется все больше диссертационных исследований по философии войны, где авторы указывают на сложность и дискуссионность понимания войны. Так, Л. Л. Штофер в своей диссертации «Трансформация войны и ее социальные детерминанты в эпоху глобализации» в 2009 году отмечает, что природа войны в эпоху глобализации радикально изменилась и следует говорить о неклассической форме войны без применения вооруженного насилия [1, с. 13]. Таким образом, вооруженное насилие, по ее мнению, перестает быть атрибутивным свойством войны. Н. Н. Герасимов в диссертационном исследовании «Философский анализ образа войны в эпоху глобализации» указывает на то, что современные информационные войны ведутся посредством манипуляции сознанием людей, а не посредством вооруженного насилия [2, с. 11]. Оба исследователя полагают, что несмотря на то, что война – социальный феномен, она может трансформироваться таким образом, что становится практически неузнаваемой. Именно так, по мнению ряда ученых, советское политическое руководство «просмотрело» проведенную против СССР информационную и экономическую войну, выигранную не танками и самолетами, не бомбами и ракетами, но на совершенно ином фронте и другими средствами. Российский ученый С. В. Савельев – заведующий лабораторией развития нервной системы Научно-исследовательского института морфологии человека – утверждает, что войны, терроризм и насилие носят, прежде всего, биологический характер. В своих публикациях и интервью он говорит о том, что склонные к насилию люди имеют совершенно особое строение головного мозга с так называемой архаической структурой и узкими лобными долями, передаваемую по наследству. Такой тип людей склонен к насилию по природе и изменить его поведение не могут никакие воспитательные меры или благополучная социальная среда. Война является одной из глобальных проблем человечества. Целью данной статьи является попытка разобраться в столь сложном феномене, как война, определить, в чем ее природа и дать собственную аргументацию понимания войны.

В самом общем понимании природы войны взгляды философов разделились на тех, кто

видит войну только социальным феноменом, тех, кто рассматривает ее как биологический феномен, и тех, кто видит в ней и природное, и социальное явление, но при некотором доминировании социального начала.

К крайнему варианту биологизма относят позицию, высказанную австрийским ученым и мыслителем К. Лоренцом. Природа войны заключается, по его мнению, в природно-естественной агрессивности человека, который, прежде всего, биологическое существо. Агрессия есть в животном мире и в мире людей. Животные ведут борьбу за доступ к пище, самок для спаривания, лидерство в стае, и люди делают то же самое, только используют для этого технику. На самом деле, по мнению авторов статьи, борьба между людьми не может сводиться исключительно к борьбе за пищу, самок и лидерство в группе. Конечно, указанные факторы играют важную роль в мотивации человеческой деятельности, в том числе и войне, но в данном случае упускается из вида то, что общество создает ряд ценностей, не сводимых к биологическому. Одним из примеров служит месть как воздаяние за несправедливость, которая хоть и достаточно архаична, но все же отсутствует в животном мире и не проистекает из жадности пищи, самок или жадности доминантности в группе. Кроме того, человек может по своей воле обуздать природные инстинкты, погасить в себе жажду желаний, как учит буддизм. Теория К. Лоренца не может быть достаточной для объяснения всего спектра мотивов человека как свободного и разумного существа, способного не слушаться своих инстинктов.

Аналогичного понимания природы войны придерживался и З. Фрейд, считавший биологический фактор главным в определении поведения человека. Инстинкт смерти заложен в природе человека и толкает его к насилию и, возможно, как полагают авторы статьи, к самоуничтожению. По нашему мнению, теория Фрейда имеет ряд недостатков. Во-первых, она не может быть подтвержденной экспериментально, поэтому не доказывает наличия у человека инстинкта разрушения. Во-вторых, Фрейд явно переоценивает влияние биологических факторов и, прежде всего, сексуальной энергии на человеческое поведение, игнорируя социальные факторы.

Другим вариантом биологизма, у которого достаточно сильные позиции в философии,

была точка зрения, высказанная английским мыслителем Т. Мальтусом, который видел в войне своеобразный регулятор численности населения, заложенный природой, наряду с болезнями, старостью и природными катаклизмами. Т. Мальтус выделял несколько препятствий к размножению населения: предупредительные (например, воздержание от раннего брака, принятое в обществе) и разрушительные (например, тяжкий труд, бедность, «болезни, эпидемии, войну, чуму, голод» [3, с. 25]). На наш взгляд, выводы Т. Мальтуса нельзя считать убедительными. Исходя из его предположения, сама природа заложила в человека некую программу самоликвидации, однако на заре своего возникновения численность человеческих особей была сравнительно небольшой и окружающая среда враждебна, поэтому такая программа была совершенно излишней.

Самой радикальной разновидностью биологического подхода к войне стала расовая теория. Как известно, основателем подобного подхода являлся французский социолог Ж. А. де Гобино, написавший работу «Опыт о неравенстве человеческих рас». По его мнению, «расы представляют собой различные ветви одного или нескольких первородных и уже утерянных стволов... эти расы, отличающиеся друг от друга внешними факторами и пропорциями тела, строением черепа, внутренней конституцией... могут утратить свои главные признаки только в результате скрещивания. Этого постоянства родовых признаков вполне достаточно для того, чтобы обеспечить глубокое несходство и неравенство, чтобы придать им силу естественных законов и применить к физиологической конституции народов те различия, которые позже мы увидим в их нравственно-моральном характере» [4, с. 128–129]. Ж. А. де Гобино высказывает мнение о том, что чуждые друг другу цивилизации являются взаимоисключающими и не могут проникнуть друг в друга. Чуждые культуры могут контактировать только посредством конфликта.

Исходя из сказанного, авторы делают вывод о том, что войны в рамках подобной концепции ведутся по причине того, что народы неравны и, значит, одни из них сильнее и могут завоевывать и повелевать другими народами, которые являются слабыми и неполно-

ценными. Неравенство людей, конечно, нельзя полностью игнорировать как стимул для экспансии, однако следует все же говорить о неравенстве социальном, а не биологическом. Рассуждения о биологическом превосходстве одних народов над другими не являются научными.

Таким образом, все философы, отстаивающие позиции биологизма, полагают, что природа войны заключается в том, что человек по своей природе агрессивен, как и животные, либо в нем есть некий инстинкт смерти, возможно, способствующий регуляции численности и потому заложенный природой, и наконец, биологическое неравенство является поводом к столкновению.

Прежде всего, война не может сводиться только к понятию природной агрессии и объясняться лишь инстинктом. Человек способен преодолевать инстинкт и бороться даже тогда, когда слабее и не имеет шансов на успех. Социальные теории войны неоднородны, поэтому постараемся выделить и проанализировать основные из них.

Природа войны виделась античными философами как социальное по своей природе явление. Она служит источником роскоши и изобилия, освобождает человека из царства необходимости, позволяя иметь свободное время для общественных дел, встреч с друзьями, участия в играх, занятий философией и так далее. Война позволяет человеку перестать бороться за выживание как животное и сделаться свободным. Военная сила позволяет защитить порядок в государстве.

В Средние века война понимается философами как социальный феномен. Начать войну может только законная власть в обществе, имеющая справедливые причины (оговоренные в обществе) и добрые намерения. Война связана с этическими нормами христианской морали, выработанной в средневековом обществе, и не может сводиться к биологическим факторам. Человек в Средневековье понимался как существо моральное, и потому воевать он может только для защиты добра от зла.

В эпоху Возрождения происходит ослабление роли религии. Никколо Макиавелли полагал, что война становится инструментом в руках государя, который должен своевременно к нему прибегать. Есть только две причи-

ны войны: напасть с целью захвата или с целью защиты от возможного захвата тебя самого. Война должна служить миру, став инструментом его улучшения. Последовательные и своевременные войны укрепляют государства.

Похожую идею развивал в дальнейшем прусский офицер и военный писатель К. Клаузевиц, который впервые определил, что «война есть реальный политический инструмент, продолжение политических отношений другими средствами» [5, с. 130]. Таким образом, Н. Макиавелли и К. Клаузевиц стали основателями самого популярного понимания войны как политического инструмента. Война становится служанкой политики и используется в прагматических целях.

Марксистская теория обнаруживает экономические причины войны. Происхождение войны неразрывно связано с появлением частной собственности, которая порождает общественные противоречия.

О. Тоффлер относит войну к социальным явлениям и полагает, что она невозможна, если общество не накопило достаточно богатства для ее ведения. Война у О. Тоффлера – есть инструмент цивилизаций ради собственного обогащения.

Генерал-полковник германского штаба Э. Людендорф считал, что война – это не просто средство, но цель, важнейшая действительность в жизни народа, для которого самое важное – «борьба за существование» [6, с. 19]. В этом видении Э. Людендорф объединяет социальный и биологический подходы к войне. Главная цель народов как и видов в животном мире – борьба за существование.

Еще одной важнейшей социальной теорией возникновения войны является так называемый социокультурный подход С. Хантингтона. «Система ценностей, культура и законы оказывают всеобъемлющее влияние на то, как государства определяют свои интересы» [7, с. 35]. Таким образом, культурные различия представляют собой основу для войн. Война является следствием культурных противоречий.

В несколько ином контексте, но также с позиций социокультурного подхода исследуют войну Й. Хейзинга и М. Кревельд. Война, как и культура, являются порождением игры, которая создает эти искусственные реальности. Войну

и игру роднит состязательность, наличие борьбы. Воюющие практически всегда действуют в соответствии с правилами и могут чувствовать азарт как игроки. «Война без законов не просто чудовищна – она невозможна», – заключает М. Кревельд [8, с. 109].

Среди сторонников социального подхода к войне нет единого ее понимания. Одни философы видят в войне отражение экономических противоречий (Маркс), другие на первое место ставят политические противоречия (Клаузевиц), третьи обнаруживают в качестве основания несопоставимость культур (Хантингтон) или явление чисто культурного характера (Кревельд).

Итак, социальный подход к пониманию феномена войны включает в себя понимание войны: 1) как инструмента, обеспечивающего безопасность общества, освобождающего человека из царства необходимости и переводящего в царство свободы; 2) как следствия религиозных и общекультурных противоречий и способа их разрешения; 3) как инструмента политики; 4) как следствия экономических противоречий и способа их решения в формационном или цивилизационном контексте; 5) как борьбы за выживание народов в социальном и биологическом значении; 6) как порождения игры.

Таким образом, в отношении вопроса о природе войны мы выделили биологический и социальный подходы, каждый из которых в свою очередь делится на подвиды. Социальный подход к пониманию природы войны представляется авторам наиболее соответствующим действительности. В качестве аргументов в защиту данного положения следует выделить следующее.

Прежде всего, нужно указать, что общество как некая искусственная реальность существенно отличается от реальности естественной, поэтому вносит изменения и в поведение человека. Общество порождает социальные институты, аналогов которым нет в природе. Животное не ведет борьбу за религию, короля, государство или нацию, потому что в животном мире нет таких явлений, но они появляются в социуме. Социальные подходы выявляют множество небиологических оснований войны, а те, что можно каким-либо образом привязать к ним, являются слишком сложными для прямого отождествления. Очевид-

но, что восстановление справедливости как повод к войне невозможно вывести из биологических оснований, так как сама справедливость – есть сложная этическая категория, не вытекающая из биологического, но, напротив, предполагающая социально упорядоченные отношения людей. То же самое касается восстановления правовой справедливости, если незаконно попораны чьи-либо права и одна из союзных сторон должна вмешаться. Войны за религию или культуру также не выводимы из биологических оснований и не могут ими объясняться. Войны во имя славы невозможно вывести из чистой биологии человека. Несводима к биологическому и война по политическим мотивам. В рамках войны люди способны создавать союзы и вступать в борьбу из союзнического долга, что невозможно объяснить биологическими причинами. Конечно, противники социального подхода могут возразить, что война по экономическим мотивам или для обретения власти вполне соответствует биологическому стремлению получить доступ к пище и доминировать в стаде. Однако экономические интересы представляют более сложное явление, чем просто стремление получить доступ к пище. Желание изобилия связано не только с удовлетворением естественных нужд, но и с тем, что называется престиж, мода, удобство, эффективность, комфорт, то есть с тем, что напрямую связано с общественным мнением. Нельзя не учитывать и феномен техники, являющийся феноменом науки и культуры и несводимый к биологическому, а скорее, к средству, уводящему человека от биологического и обладающего некоей собственной жизнью. В то же время война – это вооруженное насилие, и военная техника является продуктом общественной деятельности, то есть связана с обществом, а не природой. Кроме того, экономические интересы общества несводимы только к интересам индивидов, поскольку есть еще интересы общественные.

Война представляет собой организованную коллективную форму борьбы, поэтому предполагает наличие социальных связей. Борьба одного человека, пусть и вооруженного, не означает войны, а это приводит нас к мысли о том, что война связана с понятием социальной группы. Война формирует понимание ценности коллектива как такового, а значит и цен-

ность самого общества. Таким образом, война ведется социальными группами и способствует их укреплению. Сохранить людей на войне значит повысить шансы на победу. В то же время природные инстинкты толкают человека к тому, чтобы заботиться лишь о себе, а не о группе. Именно на войне коллектив остро ощущает необходимость в сохранении и заботе о людях. Голодное, уставшее и израненное войско не способно одерживать победы. Таким образом, на войне формируется альтруизм к представителям своей группы, отрицающий природный эгоизм одиночек. Война способствует осознанию того, что выжить можно только в коллективе.

На войне один коллектив борется против другого коллектива. Война – это цепочка социальных интеракций. Вооруженное нападение одного коллектива на другой предполагает несколько вариантов ожидаемых действий, учитываемых нападающей стороной. Начиная от немедленной капитуляции и сдачи в плен, переходя к вооруженному сопротивлению, и до постепенного принятия поражения или победы. Успех в войне зависит не только от подготовки нападающего, но и от силы сопротивления обороняющегося. Противные стороны взаимодействуют друг с другом. Язык войны рационален и стороны понимают друг друга: когда одна сторона осуществляет некий план, то он становится понятен другой стороне. Таким образом, война представляет собой особого рода коммуникацию, где стороны взаимно угрожают друг другу или готовы подчиниться на тех или иных условиях. Противные стороны ищут слабые места друг в друге, побеждает тот, кто имеет меньше слабостей. Воюющие стремятся укрепить свои слабости или замаскировать их от противника. Стороны активно познают друг друга посредством разведки и выявляют ложность, ошибочность друг в друге, нанося удары по этим слабым местам, сделанным коллективом еще в мирное время. Кроме того, противники активно познают самих себя, стремясь самостоятельно исправить в ходе войны свои заблуждения. Исходя из сказанного, война предполагает обязательное наличие «другого», то есть субъекта, на которого направлено вооруженное насилие, и обязательно предполагает ответные действия со стороны этого «другого». Взаимодействие «я»

и «другого», который подражает действиям «я», так как сопротивляется и бьет в ответ на удары, предполагает социальное как таковое. Выбор «другого» может быть бегством или подчинением, но в случае войны мы имеем так называемое миметическое поведение, если использовать терминологию французского философа Р. Жирара. Каждая сторона пытается угадать планы другой, причем не только на войне, но и до, и после нее. Интеракции происходят не только между армиями, но и внутри одной армии между полководцами и их офицерами, офицерами и солдатами.

В ходе военного взаимодействия или интеракции вырабатываются некие правила: не убивать сдающихся в плен, вести переговоры, не проливать кровь безоружных и другие. Таким образом, формируются некие нормы, разъясняющие то, по какой причине и как нужно вести войну. В ходе военного взаимодействия формируются этические ценности, уважаемые всеми сторонами, ведущими войну: храбрость, верность, стойкость, великодушие, взаимовыручка, дисциплина и другие, что раскрывает аксиологическое измерение войны. Взаимодействие на войне приводит к появлению социальных ролей: военный и гражданский, наступающий и обороняющийся, рядовой воин и командир, моряк и пехотинец и так далее. В итоге одна сторона удовлетворена результатом взаимодействия (победитель), другая сторона не удовлетворена (проигравший).

Таким образом, на войне у воюющих сторон имеются основные элементы, присущие социальным связям: 1) мотивация сторон (политическое, экономическое, культурное доминирование); 2) ситуация актуализации социальной связи (обретение выхода к морю, получение плодородных земель, контроль над населением, вытеснение конкурентов с рынка и другое); 3) наличие согласованных действий сторон с четким распределением ролей и статусов. В период военных действий стороны обретают статус врагов друг по отношению к другу или статус нападающей и защищаемой сторон. После войны стороны обретают статус победителя и побежденного. Взаимодействие во время войны принуждает их ориентироваться друг на друга и даже уподобляться друг другу. Инициатива одной стороны заставляет действовать другую, и наоборот. Увели-

чение численности одной армии приводит к росту другой или к улучшению ее качества. Скорость одной компенсируется скоростью другой. Ответы могут быть симметричными и асимметричными.

Действия войск на войне характеризует определенная степень ответственности и координации. Оба показателя обеспечиваются потребностью в победе, ибо в противном случае придется мириться с поражением и возможной гибелью, а также жесткой системой приказов, отдаваемых командирами, что делает социальную связь крепче. Итак, на войне идет борьба коллективов, которые основаны на социальных связях и взаимодействуют между собой также социальным образом. Чем быстрее и точнее связи внутри вооруженных коллективов, тем больше пользы, которую приносит лучшее взаимодействие с противником. Если война оказывается успешной, то она удовлетворяет потребности одной из сторон.

Кроме того, война является мощным средством обуздания природных инстинктов. Некоторые ученые полагают, что война – есть проявление дикости и необузданности, что она порождена гневом, ненавистью, жадностью, животными инстинктами. Но война вынуждает человека идти на смерть, преодолевая животный инстинкт самосохранения. Война вынуждает забыть о своем природном эго и быть готовым погибнуть в интересах коллектива и общества. Самопожертвование ради интересов общества выводит войну за грань природного явления. Разум на войне побеждает инстинкты. Один человек жертвует собой ради спасения многих. Мудрый полководец не бросается в бой очертя голову, находясь в состоянии аффекта, но строит рациональный план победы с минимумом жертв и меньшими затратами сил и времени. Самообладание и концентрация, победа над страхом и гневом дают преимущество в битвах.

Сторонники биологического подхода к войне полагают, что на войне перестают действовать все моральные нормы и запреты, но существуют только биологические инстинкты. В действительности война представляет собой самый строгий экзамен для человека как социального существа. Оказавшись на войне, человек может забыть, что он человек, однако, потеряв человеческое, он уже не может вернуться в мир людей, в социум, так как

осознает постепенно, что совершенные действия поставили его за пределы общества. Именно поэтому на войне нужно оставаться человеком и соблюдать нравственные нормы для обуздания ярости и ненависти, способные полностью захватить человека, превратив в зверя. Нельзя согласиться с тем, что такой подход к пониманию войны является чем-то общеизвестным или банальным. Так, немецкий военный теоретик К. фон Клаузевиц, работы которого признаны классическими, утверждал обратное, а именно, что война – это борьба, доведенная до предела, лишенная любых моральных преград, законов или правил, она лишь грубая сила. «Некоторые филантропы могли бы вообразить, что есть искусственный способ обезоружить и победить противника без большого кровопролития, и что к этому и должно было бы стремиться военное искусство. Как ни соблазнительно такое представление, оно ошибочно, и его нужно рассеять. Война – дело опасное, и заблуждения, происходящие из добродушия и человеколюбия, для нее пагубны... тот, кто использует силу, не считаясь с кровопролитием, достигает превосходства над противником, не делая этого» [5, с. 131]. Считаем такой взгляд ошибочным, так как выработанные в обществе правила и нормы должны продолжать действовать и на войне для того, чтобы она не перестала быть социальным явлением, а человек не перестал быть человеком. Понимание войны у Клаузевица приводит к иррациональному видению, за которым стоит идея самоуничтожения, человеческого суицида, если речь пойдет о ядерной войне как жестокости, лишенной всяческих разумных пределов.

Важнейшей чертой общества, его атрибутивной характеристикой является самодостаточность, под которой понимается, в том числе способность защититься от внешних и внутренних угроз, то есть возможность вести войну. Но если проверка войной дает возможность простой сумме людей стать обществом, то сама война, являясь своеобразным критерием социального, не может быть сведенной к биологическому явлению, так как из биологического не может следовать социальное, но только из социального – социальное.

Итак, приведенные аргументы достаточно ясно дают понять, что война является, по сути, социальным явлением. Причины войны имеют социальный характер. Если рассматривать уче-

ние Аристотеля о причинах, то материальная причина войны – люди, соединенные с оружием и представляющие вооруженные силы, является социальной. Отношения людей внутри вооруженных сил как коллектива построены с учетом социальных связей, о чем говорилось выше. Вооружение и военная техника, как и техника вообще, являются следствием трудовой деятельности человека, что представляется важнейшим моментом социальной эволюции, по признанию Ф. Энгельса. Формальная причина войны заключается в том, какой будет война: оборонительной или наступательной, морской, сухопутной или воздушной. Выбор формы ведения войны является рациональным, он опирается на имеющиеся демографические, культурные, экономические особенности общества. Цель войны состоит в подчинении противника и получении социально значимых выгод. Одно общество пытается установить контроль над другим, временно или постоянно, частично включить его в состав собственного, образовав более крупное по масштабу. Действующей причиной является воля руководящих в обществе слоев, пользующихся авторитетом у остальных членов общества, обычно относящихся к социально-политической элите.

Важно отметить, что вооруженное насилие было и остается атрибутивным свойством войны, несмотря на появляющиеся попытки дискредитации такого подхода. Как бы ни были эффективны попытки информационного воздействия, экономического давления, но все эти и другие инструменты решения социальных противоречий не являются военными, а, скорее, заменяют их. Страх физической смерти остается наиболее действенным рычагом, способным заставить лишиться разумное существо свободы принятия решений. Еще одним важным признаком войны является ее признание как участниками конфликта, так и теми, кто наблюдает за войной извне. Социальные противоречия включают в себя не только политические, культурные, но и экономические. Все виды противоречий имеют значение для войны, как в отдельности, так и вместе. Однако считаем целесообразным добавить к перечисленным противоречиям военного характера: наличие или отсутствие у противников современного вооружения и современной армии. Военная сила противопоставит ее отсутствию и слабо-

---

сти. В целом война представляет собой социальный институт, регулирующий отношения государств и индивидов, позволяющий решать социальные проблемы, влияющий на их поведение посредством установленных правил и законов. Нарушение таких законов приводит к осуждению мирового сообщества.

Таким образом, война представляет собой особую форму насильственной вооруженной борьбы социальных субъектов друг с другом,

взаимодействующих между собой, признающих себя участниками войны и признаваемых таковыми извне (социальными субъектами вне поля войны) по причине имеющихся социальных противоречий, которые с помощью уничтожения и устрашения, с соблюдением определенных в той или иной культуре моральных правил, стремятся по своей воле подчинить, склонить волю друг друга или ликвидировать физически.

Литература

1. Штоффер Л. Л. Трансформация войны и ее социальные детерминанты в эпоху глобализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2009.
2. Герасимов Н. Н. Философский анализ образа войны в эпоху глобализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2019.
3. Мальтус Т. Р. Опыт закона о народонаселении. М., 1895.
4. Гобино Ж. А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2000.
5. Клаузевиц К. Принципы ведения войны. М., 2009.
6. Людендорф Э. Тотальная война. М., 2015.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.
8. Кревельд М. Трансформация войны. М., 2005.

Bibliography

1. Stoffer L. L. Transformation of war and its social determinants in the era of globalization: abstract of dis. ... of PhD in Philosophy. Rostov-on-Don, 2009.
2. Gerasimov N. N. Philosophical analysis of the image of war in the era of globalization: abstract of dis. ... of PhD in Philosophy. Volgograd, 2019.
3. Malthus T. R. Experience of the law on the population. Moscow, 1895.
4. Gobino Zh. A. Experience about inequality of human races. Moscow, 2000.
5. Clausewitz K. Principles of warfare. Moscow, 2009.
6. Lyudendorff E. Total war. Moscow, 2015.
7. Huntington C. Collision of civilizations? // Policy. 1994. № 1.
8. Kreveld M. War transformation. Moscow, 2005.

Кобылкин Роман Александрович
Kobytkin Roman Aleksandrovich

доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России кандидат философских наук.

Associate Professor of the Philosophy Department of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philosophy.

E-mail: roman.kobytkin@mail.ru

Медведева Лариса Михайловна
Medvedeva Larisa Mikhailovna

доцент кафедры истории и культурологии Волгоградского государственного медицинского университета кандидат философских наук, доцент.

Associate Professor of the History and Cultural Studies Department of Volgograd State Medical University, PhD in Philosophy, Associate Professor.

E-mail: lmedvedeva@yandex.ru

**КОНФЛИКТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

**Conflict component of values of employees of internal affairs bodies:
social and philosophical analysis**

В статье проанализированы ценностные установки сотрудников органов внутренних дел, особое внимание уделено проблемам их формирования в современных условиях. Указаны возможные пути разрешения противоречий в этой сфере, где важная роль принадлежит воспитательной работе с личным составом. Авторами отмечается, что жизнь современного российского общества характеризуется наличием духовного кризиса, причины которого следует искать в быстрых темпах изменения социума, что приводит к устареванию и ломке традиционных ценностей.

Ключевые слова: сотрудники органов внутренних дел, ценности, конфликт, воспитательная работа, индивидуализм, коллективизм, справедливость.

The article analyzes the values of employees of the internal affairs bodies, pays special attention to the problems of their formation in modern conditions. Possible ways to resolve contradictions in this area are identified, where an important role belongs to educational work with the staff. The authors note that the life of modern Russian society is characterized by the presence of a spiritual crisis, the causes of which should be sought in the rapid pace of social change, which leads to obsolescence and breaking of traditional values.

Keywords: employees of the internal affairs bodies, values, conflict, educational work, individualism, collectivism, justice.

История российской полиции насчитывает 300 лет. За это время органы внутренних дел прошли долгий путь. Менялось общество, менялись ценности, но неизменной оставалась задача полиции – защита прав и свобод человека, охрана общественного порядка. Сегодняшнее состояние органов внутренних дел отражает унаследованные российским обществом, его проблемы и достижения, определяемые политической и экономической ситуацией, трансформируется ценностная мотивация профессиональной деятельности работников правоохранительной сферы.

По словам Президента России В. В. Путина, на современном этапе истории основной идеологической установкой является патриотизм: «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме» [1]. Исходя из этого следует формировать мировоззренческие установки не только обычных граждан, но и сотрудников правоохранительных органов. Причем последние в представлении большинства жителей нашей страны должны выступать гарантом справедливости, эталоном честности, неким идеалом и образцом для

подражания, обеспечивать основания гордости и любви к стране.

Проблема заключается в том, что, надев форму полицейского, автоматически невозможно стать патриотом, а также честным и бескорыстным служителем закона. Эти качества не формируются сами по себе, а являются результатом целенаправленного воздействия, длительного воспитательного процесса. В настоящее время имеют место попытки сформировать гражданский патриотизм на основе популяризации достижений в спорте, космосе, оборонной промышленности и т. п. Но все это – внешнее воздействие, однако необходимые качества должны обрести точку опоры во внутреннем мире личности.

В этой связи В. С. Соловьев писал: «Ясное сознание своих обязанностей по отношению к Отечеству и верное их исполнение образуют добродетель патриотизма» [2, с. 321]. Такой подход имеет глубокую традицию. Еще Платон указывал на необходимость устремить свой духовный взор ввысь, «взглянуть на то самое, что всему дает свет, а, увидев благо само по себе, взять его за образец и упорядочить и государство, и частных лиц, а также самих себя... на весь остаток жизни» [3, с. 340].

В современном гуманитарном дискурсе концепция гражданского патриотизма анализируется исследователями различных специальностей. Учитывая личностную составляющую рассматриваемого феномена, важной представляется точка зрения представителей психологии: «Патриотизм как личностная черта возникает тогда, когда человек усваивает указанные предпосылки, превращая их из внешних условий своего бытия во внутренние, глубинные побудители поведения и мировосприятия, в высшие, базовые личностные ценности» [4, с. 94]. Ценности имеют первостепенное значение для каждого человека, и, что особенно важно, определяя смыслообразование персональной жизни, они «подключают» жизнедеятельность индивида к жизнедеятельности общества.

Как писал Н. А. Бердяев, отражая изменения, происходившие в социуме начала XX века, «культура не есть осуществление нового бытия. Она есть осуществление новых ценностей» [6, с. 164]. Трансформация государства и общества на рубеже XX–XXI веков значительно разобщила наш социум. С этого времени

«ценности становятся все более рациональными, в них все меньше места для разного рода мифологических конструкций. Происходит замена духовных ценностей материальными. Поскольку повседневный опыт людей расходится с декларируемыми ценностями, как следствие – вытеснение духовных ценностей, прагматизм как философия нового поколения» [5, с. 6].

Объективная действительность современного российского общества характеризуется наличием духовного кризиса, происходит переосмысление и ревизия устоявшихся ценностей. Традиционное мировоззрение демонстрирует некоторую инертность, неспособность реагировать на новые обстоятельства, что приводит к серьезным проблемам на уровне сознания конкретной личности. Нынешнее общество представляет собой динамичную реальность, в которой настоящее воспринимается как «ускользающее» бытие, а будущее как мир, где преобладают риски и неопределенность. Все это указывает на нарастающую сложность, нелинейность и многовариантность будущего [7, с. 5–16]. Появление новых явлений и влияний, не свойственных традиционному российскому мировоззрению, неизбежно приводит к деструкции исторически сформировавшихся ценностей.

Формирование позитивной, устойчивой ценностной системы, в наибольшей степени отвечающей многовековому культурно-историческому опыту России, ее регионов и народов, должно быть в числе первоочередных задач государства. Одной из таких ценностей продолжает оставаться служение Родине: «...в общественном сознании продолжают жить архетипы воинской этики “защитника обидимых”, жертвенной личности “за други своя”» [8, с. 136].

Российская реальность представляет собой мозаичную картину, где сосуществуют несколько социальных образований с различными системами ценностей. Общественный идеал, в котором нуждается современное российское общество, демонстрирующее сочетание консервативных, либеральных и социалистических ценностей, представляет собой «свободного человека, живущего в справедливом и солидарном социуме» [9, с. 41–55].

В настоящее время отчасти сохраняются ценности советского общества с его базовы-

ми установками: государственность, коллективизм и справедливость. Эти же ценности в значительной мере присущи системе МВД России. В данном случае наследие советского периода в плане подготовки кадрового состава правоохранительных органов является опытом, который требует переосмысления. Считаем важным согласиться с мнением о том, что необходимо сконструировать «...образ защитника правопорядка, который бы вызывал доверие и уважение в российском обществе, не достаточно воспроизведения остаточных положительных качеств, принадлежащих дореволюционному, советскому или постсоветскому историческим периодам, или искусственного заимствования европейской модели образа полицейского» [10, с. 105].

Кроме того, необходимо осознавать, что современное молодое поколение России имеет систему ценностей, сформировавшуюся в годы реформ и впитавшую в себя дух индивидуализма. Утилитарные ценности современного общества, ориентированные, прежде всего, на получение материальных благ, распространяются все шире. Для молодежи важным является достижение успеха, удовлетворение своих индивидуальных потребностей, стремление выделиться из общей массы и т. п. Именно с таким набором ценностей приходят на службу в органы внутренних дел молодые люди. Это обстоятельство серьезно затрудняет процесс профессиональной социализации будущих полицейских.

Еще одним значимым фактором, влияющим на формирование необходимых ценностных установок молодого поколения сотрудников органов внутренних дел, является их становление на фоне трансформации самой полицейской службы. В настоящее время к органам внутренних дел предъявляются повышенные требования со стороны гражданского общества. Его контроль усложняет работу полицейских при выполнении традиционных функций по обеспечению порядка, реализации прав и свобод человека и гражданина, гарантий безопасности и т. п. Выполнять профессиональные обязанности в таких условиях могут сотрудники с высокой мотивацией к профессии, полной самоотдачей и ответственностью, часто не считаясь со временем. Нередко в таких обстоятельствах оказываются неподготовленные специалисты, столкнувшись

с реальностью, они не могут взять на себя груз ответственности, переживают стрессовые ситуации.

Правоохранительная система после трансформации милиции в полицию все еще находится на стадии реформирования, во многом следует традициям и ритуалам советской милиции. Как отмечалось выше, специфика работы органов внутренних дел ориентирована на сплоченность и коллективизм, здесь до сих пор действует правило: «один за всех и все за одного». Молодой человек, прийдя на службу в полицию, часто испытывает двойственные чувства. С одной стороны, он реализует собственные интересы, а с другой – необходимо думать, прежде всего, о гражданах, которых он должен защищать, о своих коллегах, интересах ведомства и т. п. В результате возникают конфликтные ситуации на уровне личности (деформация, девиация и т. п.), которые приводят к проблемам в коллективе и влияют на общий итог деятельности сотрудников органов внутренних дел. Причина конфликта содержится в том, что «...невозможно о чем-либо договориться людям и культурам, которые придерживаются разных систем ценностей» [11, с. 68]. Индивидуальные и общественные ценности вступают в противоречие.

В свете указанных проблем актуализируется значение воспитательной работы. В настоящее время нравственные качества рассматриваются как часть профессиональных требований к сотрудникам органов внутренних дел, что нашло отражение и в нормативных документах. Эффективный результат служебной деятельности непосредственно зависит от воспитательной работы. Ее основная задача должна сводиться к профессиональной социализации сотрудников органов внутренних дел и формированию у них специфического набора персональных и профессиональных ценностей, главными из которых должны стать уважение личности, соблюдение прав и свобод граждан, защита интересов государства, четкое исполнение служебных обязанностей в соответствии с нормативными документами.

Своеобразной частью воспитательной работы, важной для профессиональной социализации и процесса усвоения соответствующих ценностей, является служебный коллек-

тив и отношения в нем. Большое значение приобретают практические наработки служебного коллектива, его атмосфера, стиль руководства, влияние опытных сотрудников и наставников и т. п. Отношения и климат в коллективе невозможно регламентировать только служебными инструкциями. Здесь важны все нюансы: от взаимоотношений начальника и подчиненных до культуры общения между коллегами, что в конечном итоге будет работать на формирование командного духа.

Рассматривая ценностные ориентации современного полицейского России, отметим также, что необходимые профессиональные ценности опираются на знания и представления, приобретенные сотрудниками еще до службы. Отношения к миру, к своей стране, природе, человеку формируются в достаточно раннем возрасте. Таким образом, большое значение имеют базовые мировоззренческие установки молодежи, пришедшей на службу. В этом отношении сложно переоценить значение знания истории и культуры нашей страны, умение правильно говорить на родном языке, общего культурного уровня. И в данном случае должна проводиться взвешенная, продуманная воспитательная работа с молодым поколением стражей правопорядка, необходимо использовать все современные средства воздействия для корректировки пробелов, по возможности уделять внимание каждому сотруднику.

Позитивные наработки в этом направлении есть, их необходимо шире использовать. Так, за время службы под воздействием традиций и ритуалов МВД России (Присяга сотрудников органов внутренних дел, торжественные построения, чествование ветеранов системы органов внутренних дел и т. п.) происходит трансформация мировоззрения молодого сотрудника, со временем вырабатываются ценностные ориентации, присущие именно работнику правоохранительных структур. При реализации указанных позиций возможно подготовить сотрудника, соответствующего ожидаемому социальному портрету полицейского, с такими качествами, как гражданственность, порядочность, верность, отвага, вежливость, мужество, справедливость, ответственность. По большому счету, человека, обладающего активной граждан-

ской позицией, готового внести вклад в дело развития страны и народа, изменить и преобразовать окружающую реальность.

Профессия полицейского, так же как врача или учителя, ориентирована на общечеловеческие ценности. Эти сферы трудовой деятельности далеки от меркантильных устремлений, к их обладателям общество традиционно предъявляет высокие требования, что необходимо осознавать еще при выборе профессии, главной причиной которого должно стать призвание. Это обстоятельство объясняет крайне негативную реакцию в обществе на информацию о представителях силовых структур, использующих служебное положение в целях обогащения, злоупотребляющих своей властью. Профессия полицейского по своей сути наделяет человека определенным статусом, накладывает юридические и моральные обязательства. С другой стороны, у граждан существует запрограммированное, особое отношение к представителям органов внутренних дел, включающее уважение, ожидание помощи и справедливого разрешения конфликтных ситуаций. Для эффективной коммуникации этих субъектов важно взаимоуважение, четкое понимание профессиональных функций и рисков их нарушения.

К сожалению, имеющиеся негативные факты снижают уровень доверия населения к сотрудникам органов внутренних дел, подрывают авторитет полицейских в глазах общества, формируют отрицательное мнение о данной профессии, что влечет за собой падение престижа полицейской службы. Исследования в этом направлении пока немногочисленны [12; 13; 14]. На наш взгляд, назрела необходимость широкого обмена теоретическими и практическими наработками в этой сфере для использования в воспитательной работе с личным составом. Важно осознавать, что система органов внутренних дел – это та система, по результатам деятельности которой граждане судят об эффективности функционирования государственной власти. Поэтому сотрудники органов внутренних дел должны обладать прочными ценностными установками, руководствоваться ими в своей профессиональной деятельности и в конечном итоге выступать гарантом стабильности общества.

Литература

1. Путин В. В. Россия: национальный вопрос. URL: <https://www.putin-itogi.ru>.
2. Соловьев В. С. Оправдание добра // Сочинения: в 2-х т. М., 1988. Т. 1.
3. Платон. Государство // Собрание сочинений: в 4-х т. М., 1994. Т. 3.
4. Кольцова В. А., Соснин В. А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. № 4.
5. Кобылкин Р. А. Духовные ценности в современной России. Волгоград, 2018.
6. Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990.
7. Зорькин В. Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1.
8. Вакула И. М., Рожковский В. Б. Эмоционально-психологический компонент образа сотрудника полиции в контексте российского общественного сознания // Философия права. 2019. № 2.
9. Бызов Л. Г. Социокультурные и социально-политические аспекты формирования современной российской нации // Политические исследования. 2012. № 4.
10. Рожковский В. Б. Обзор конференции «Образ полицейского в современной России: оценки и перспективы» // Философия права. 2018. № 1.
11. Ячин С. Е. Критика аксиологического разума // Вопросы философии. 2017. № 8.
12. Материалы всероссийского круглого стола «Образ полицейского в современной России: оценки и перспективы» // Философия права. 2018. № 1.
13. Светиков И. А. Ценности сотрудников полиции на современном этапе (на материалах эмпирического анализа) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11.
14. Дудкин Ю. А. Формирование правового мировоззрения курсантов в образовательном процессе вузов МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2018.

Bibliography

1. Putin V. V. Russia: the national question. URL: <https://www.putin-itogi.ru>.
2. Soloviev V. S. Justification of good // Compositions: in 2 volumes. Moscow, 1988. Vol. 1.
3. Plato. State // Collected works: in 4 volumes. Moscow, 1994. Vol. 3.
4. Koltsova V. A., Sosnin V. A. Socio-psychological problems of patriotism and especially his upbringing in modern Russian society // Psychological journal. 2005. № 4.
5. Kobylkin R. A. Spiritual values in modern Russia. Volgograd, 2018.
6. Berdyaev N. A. The meaning of history. Moscow, 1990.
7. Zorkin V. D. The essence of law // Questions of philosophy. 2018. № 1.
8. Vakula I. M., Rozhkovsky V. B. Emotional and psychological component of the image of a police officer in the context of Russian public consciousness // Philosophy of law. 2019. № 2.
9. Byzov L. G. Sociocultural and socio-political aspects of the formation of the modern Russian nation // Political studies. 2012. № 4.
10. Rozhkovsky V. B. Review of the conference «The image of the police in modern Russia: assessments and prospects» // Philosophy of law. 2018. № 1.
11. Yachin S. E. Critique of axiological reason // Question of philosophy. 2017. № 8.
12. Materials of the All-Russian round table «The image of the police in modern Russia: assessments and prospects» // Philosophy of law. 2018. № 1.
13. Svetikov I. A. Values of police officers at the present stage (based on empirical analysis) // Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. № 11.
14. Dudkin Yu. A. Formation of the legal worldview of cadets in the educational process of universities of the Ministry of internal Affairs of Russia: abstract of the dis. ... PhD in Pedagogics. Voronezh, 2018.

Працко Геннадий Святославович
Pratsko Gennady Svyatoslavovich

профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного технического университета, профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского государственного университета правосудия, профессор кафедры теории государства и права Ростовского государственного университета путей сообщения доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор.

Professor of Commercial and Business Law Department of Don State Technical University, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov State University of Justice, Professor of the Department of Theory of State and Law of Rostov State Transport University, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor.
Тел.: +7 (928) 77-70-000.

**ЦЕННОСТИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ПРАВА И ИХ СООТНОШЕНИЕ
С ПРАВОВЫМ ИДЕАЛОМ**

Values of the current law and their correlation with the legal ideal

В статье анализируются особенности и значение влияния правового идеала на процесс усиления ценностного потенциала системы действующего (позитивного) права в условиях становления и развития гражданского общества и правовой государственности. Автором подчеркивается объективный характер влияния правового идеала на ценностную основу действующего права, выявляются условия, содействующие трансформации указанного влияния.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, правовой идеал, ценности права, позитивное право, естественное право, правовые законы, права и свободы личности.

In the article the special features and the value of the influence of lawful ideal on the process of strengthening the value potential of the system of in force (positive) right under the conditions for formation and development of civic community and lawful statehood are analyzed. The objective nature of the influence of lawful ideal on the value principle of in force law is emphasized, are revealed the conditions, which contribute to the transformation of the influence indicated.

Keywords: civic community, law-governed state, lawful ideal, the value of right, positive right, natural right, lawful laws, right and freedom of personality.

Решающим рубежом в позитивно-поступательном развитии жизнедеятельности членов общества и эффективного функционирования властно-государственных структур выступает реальное становление основ гражданского общества и правового государства. Именно на такой основе проявляются ценностные качества действующей системы права, а законодательство регулирует в первую очередь те общественные отношения, которые затрагивают обеспечение достойного существования каждой личности. Делая на это ставку, потенциал права приближается в определенной мере к параметрам правового идеала.

Осмысление правового идеала как особого подхода к выявлению ценностных качеств системы действующего законодательства обретает все более актуальный научный характер и практическое значение. Только в условиях гражданского общества и правовой государственности права и свободы личности становятся существенной ценностью, а право как ценно-

стное явление проявляет свой потенциал на фоне правового идеала. Поэтому проблемы ценностей права и правового идеала как взаимосвязанных категорий всегда привлекали внимание мыслителей, переводились на уровень практических потребностей, поскольку жизнедеятельность членов общества не может оцениваться вне рамок состояния их прав и свобод.

Только с позиций правового идеала представляется возможным оценивать право в качестве специфического феномена жизнедеятельности членов гражданского общества. Действующее право как непреходящая ценность, поведенческий эталон и решающая гарантия достойного существования человека в условиях действительной демократии может осмысливаться только с позиций правового идеала. Объективный ореол правового идеала и ценностный потенциал действующего права в условиях наличия основ правовой государственности по основным своим свойствам совпадают и становятся несомненными кри-

териями анализа и характеристики правовой действительности.

Как разновидность социального идеала, правовой идеал является лишь стремлением к определенному совершенству в сферах правовой действительности, но он недостижим в максимальном измерении. Как и любой идеал, правовой идеал – лишь образец, эталон, нечто наиболее совершенное, высшее, а поэтому в полной мере недостижимое в реальных условиях жизнедеятельности членов общества. Однако идеал вообще и правовой идеал в частности дают возможность при постановке целей, задач, определении конечных результатов руководствоваться наиболее высокими ориентирами, максимальными инициативами, самыми совершенными методами и механизмами социальной и правовой деятельности.

Правовой идеал выступает в качестве стимулирующего фактора и наиболее приемлемого критерия при выявлении ценностных качеств действующей системы права и ее компонентов. Правовой идеал незримо и естественно присутствует в сферах законодотворчества, реализации предписаний юридических норм, обеспечения прав и свобод членов общества и тем самым стимулирует проникновение ценностей права в социально-правовую действительность.

Правовой идеал находит определенное отражение в функционировании наиболее совершенных конструкций и механизмов воздействия ценностей права на сущностные аспекты жизнедеятельности общества и его членов. Это в решающей степени обуславливает достоинство существования личности адекватно сложившейся системе правовых ценностей.

Только высокий уровень социальной и правовой жизни подавляющей части членов общества может свидетельствовать о некотором приближении правовой действительности к ее измерению с позиций правового идеала. Оценка правовой действительности с этих позиций возможна только в условиях зрелой демократии, подлинной цивилизации, высокоразвитой культуры, эффективной и постоянно развивающейся экономики, то есть в условиях становления и функционирования гражданского общества и правового государства. Подобное имеет реальную возможность лишь в недрах гражданского общества и правовой государственности.

Еще И. Кант отмечал: «Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую понуждает его природа, – достижение

всеобщего правового гражданского общества» [2, с. 95]. Сама природа гражданского общества и сущность правовой государственности обуславливают сферы приложения тех ценностей права, которые облагораживают существование личности, исходят из обеспечения и реализации ее естественных прав и свобод и тем самым в определенной мере соотносятся с правовым идеалом.

Вне благоприятной социально-правовой действительности правовой идеал утрачивает свои притягательные свойства и остается лишь слабой надеждой на то, что в отдаленном будущем жизнедеятельность общества и человека приблизятся к тем правовым ценностям, которые будут исходить из правового идеала. Вне норм и принципов цивилизованной жизни общества и его членов, при отсутствии должных институтов демократии, в условиях ограничения естественных и неотчуждаемых прав и свобод личности и при наличии действующей системы законодательства, отвергающей жизненно важные интересы и потребности человека, правовой идеал изымается из практического оборота.

В то же время необходимо исходить из того, что право как общественный феномен, явление цивилизации, культуры, человеческого достоинства сохраняет свои ценностные качества и поэтому находится в объективной связи с правовым идеалом, несмотря на негативное состояние социальной и правовой действительности на данном историческом этапе развития. Ценность самого права как общественного явления, в отличие от системы действующего законодательства, содержащей как позитивные, так и негативные аспекты, сохраняется в качестве его объективного свойства, несмотря на особенности социальной и правовой действительности.

В любых условиях право остается шкалой ценностей, которые позволяют праву оставаться самим собой, служить интересам общества и его членов по мере созревания для этого благоприятных жизненных условий. В итоге этого сохраняется и потребность в стремлении к правовому идеалу, который позволяет осуществлять сравнительный анализ правовой действительности, оценивать состояние тех прав и свобод, которые обуславливают достойное существование каждой личности.

По своей изначальной человеческой сущности право представляет собой ту подлинную ценность, которая сопоставима и с представлениями о правовом идеале. Природу права и

правового идеала следует усматривать в идеях и принципах естественного права, самое значимое свойство которого состоит в том, что оно адресовано в первую очередь неотчуждаемым правам и свободам человека. Право «без прав человека так же невозможно, как и права человека – без и вне права» [4, с. 376]. Только с этих позиций право, усиленное потенциалом естественного права, воспринимается в качестве объективной ценности, способной при наличии определенных жизненных обстоятельств воплотиться в систему действующего законодательства и усилить механизмы обеспечения прав и свобод личности.

Представленное в действующей системе позитивного права естественное право позволяет в значительной степени анализировать правовую действительность с позиций ценностей права и правового идеала. Любой прогресс в области формирования и развития гражданского общества и правовой государственности приближает систему действующего законодательства к параметрам ценностей права и правового идеала. Обогащение правовой действительности потенциалом естественного права дает основания оценивать ее с позиций правового идеала.

Практическим результатом влияния идей и требований естественного права на действующую систему права в ракурсе правового идеала выступают правовые законы, ценностный потенциал которых способен обслуживать приоритетные жизненные интересы и потребности подавляющего большинства членов развивающегося гражданского общества. Именно правовые законы выражают волю и отражают значимые притязания личности, стремящейся к достойному существованию.

Правовой идеал, являясь постоянно действующей ценностной категорией, обращен ко всем членам демократического общества, которые, используя предоставляемые правом ценности, стремятся в режиме законности и правопорядка добиваться реализации своих интересов, потребностей, прав и свобод. Устремления членов общества и общественно-государственных структур к позитивно-прогрессивным преобразованиям во всех областях социальной и правовой жизни в немалой степени соотносятся с кардинальным и эффективным совершенствованием системы законодательства. Законодательство, воспринимающее ценности права и, в конечном счете, исходя-

щее из правового идеала как естественного ориентира к совершенству, становится естественной закономерностью развития гражданского общества и правового государства.

Прямое или косвенное стремление к правовому идеалу оптимизирует прежде всего правотворческую и правоприменительную деятельность компетентных властных структур, воспринимающих ценности права, идеи естественного права и проявляющих готовность наполнять систему действующего законодательства правовыми законами.

Обращение к правовому идеалу придает дополнительную уверенность всем тем субъектам права (членам гражданского общества), которые заинтересованы в обретении достойной жизни на базе реализации их естественных и неотчуждаемых прав и свобод. Система права, основанная на ценностях права и призванная развиваться приближенно к правовому идеалу, может становиться серьезным противодействием всякого рода необоснованным и неоправданным санкциям, запретам, ограничениям, которые противостоят естественным жизненным устремлениям значительной части членов складывающегося гражданского общества, вносят элементы деформации в определенные сферы социальной и правовой действительности.

Правовой идеал обретает соответствующие реальные черты только в тех социальных и правовых условиях, которые в качестве ценностного приоритета избирают личность, ее естественные права и свободы, достойное положение в обществе. В условиях правовой действительности, отвергающей ценности права, не остается места и для внедрения правового идеала, поскольку его невозможно искусственно трансформировать в систему позитивного права. Итогом такой трансформации может быть только подмена правового идеала правовым идеализмом, главным пороком которого является иллюзия относительно того, что посредством специально и целенаправленно принимаемых законов возможно обеспечить режим законности и должный правовой порядок, решить любые жизненные проблемы, хотя надлежащих условий для этого нет. Ставка только на законы (пусть и достаточно совершенные) в отрыве от закономерностей общественного развития не дает гарантий успеха. За позитивными ожиданиями членов общества может последовать их глубокое разочарование относительно потенциала системы права, отвер-

гающей ценности права и не воспринимающей правовые законы. Ш. Монтескье справедливо утверждал: «Бесполезные законы ослабляют законы необходимые» [3, с. 78]. Бесполезные законы, как правило, действуют в угоду правовому идеализму, а для необходимых законов должны созреть благоприятные жизненные условия, позволяющие оценивать эти законы с позиций правового идеала.

Само по себе функционирование гражданского общества и правового государства не является гарантией направленности действующей системы права к параметрам правового идеала, поскольку многогранная и далеко не всегда предсказуемая жизнедеятельность членов общества характеризуется неопределенностью и непредсказуемостью поведенческих акций, устремлений, действий, к упорядочению которых законодательство может быть не готово. Поэтому возникнет постоянная потребность в наличии тонких, гибких механизмов законотворчества (правотворчества в целом), способных внести оперативные коррективы в соответствующие нормативные правовые акты, юридические нормы, и тем самым приближать действующую систему права к тем ценностям, которые в той или иной степени соотносятся с требованиями правового идеала.

Функционирование правового государства должно быть сосредоточено на таком уровне законотворчества, которое естественным образом способно исключать серьезные отклонения от идей естественного права и правовых законов как своеобразных эталонов правовых ценностей. На такой основе проявляется действие правового идеала как критерия оценки действующей системы права, способной обслуживать интересы и потребности гражданского общества и его членов.

Уровень правотворчества и потенциал системы права призваны быть максимально адекватными правовым ценностям и правовому идеалу. При этом необходимо учитывать, что ценности в праве становятся естественным компонентом действующего законодательства, а стремление к правовому идеалу вовсе не является законотворческой самоцелью, а практической и обоснованной потребностью в наличии достаточно совершенного, качественно и эффективно законодательства, обращенного к приоритетным жизненным интересам, потребностям, правам и свободам членов гражданского общества.

К проявлению правового идеала в системе действующего законодательства не следует подходить с сугубо абстрактных, формальных позиций, поскольку это должно носить естественный, востребованный, необходимый характер. Ведь даже при наличии самых благоприятных политических, экономических, социальных, духовно-культурных жизненных обстоятельств систему права невозможно усовершенствовать, отрегулировать в качестве исключительно идеальной модели, поскольку жизнедеятельность общества и индивидов постоянно продуцирует и явления негативного свойства, которые могут выходить за рамки сложившихся (пусть и самых совершенных) юридических предписаний.

Безусловно, действующее законодательство не может не содержать в себе некоторые юридические дефекты, двусмысленные и недостаточно эффективные правовые предписания, ослабляющие в определенной степени регулятивный и охранительный потенциал системы права. Гражданское общество и правовое государство ввиду многогранности общественных отношений ставятся перед необходимостью разрешать самые сложные жизненные проблемы, что прямо или косвенно может вызывать ограничение, ущемление некоторых привычных для большинства членов общества интересов, прав и свобод. Это может быть вызвано необходимостью обеспечения мер экологической безопасности, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в условиях борьбы с эпидемиями, терроризмом. В подобных жизненных обстоятельствах определенные правовые дозволения могут быть подменены запретами, профилактическими акциями, усложняющими привычную жизнедеятельность индивида. Однако это не снижает степень актуальности приближения действующего законодательства, системы права к параметрам правового идеала. Стремление к правовым ценностям и правовому идеалу должно быть в постоянном дежурном состоянии.

Многогранная сущность гражданского общества и правового государства заключается и в том, чтобы относить личность, ее права и свободы к высшей социальной ценности и корректировать свою деятельность в этом направлении. Следовательно, и действующее законодательство призвано исходить из определенного идеала, соответствующего жизненным интересам и потребностям большинства членов общества. Правовой идеал, сохраняя своеобразное

нейтральное положение, воспринимается в качестве ведущего правового эталона, позволяющего соразмерять сложившуюся реальную правовую действительность (со всеми ее многочисленными негативными аспектами) с наиболее идеальной правовой конструкцией, возведение которой может стать реальностью в ближайшей или отдаленной перспективе.

Стремление к правовому идеалу – прерогатива не только правотворческих и правоприменительных структур, научных сообществ, но и та высокая правовая материя, которую призваны осваивать все субъекты права как члены гражданского общества. Мышление и поведение любого человека характеризуется продвижением к высотам совершенства, красоты, гармонии, идеала, включая и правовой идеал.

Можно утверждать, что правовой идеал отражает особое духовно-интеллектуальное состояние внутреннего мира человека, способного выделять и осваивать ценностные аспекты права, системы действующего законодательства, процессов обеспечения приоритетных прав и свобод личности. В сочетании с позитивным правосознанием, высоким уровнем правовой культуры правовой идеал становится тем стандартом, которым должны руководствоваться соответствующие юридические структуры (учреждения), заинтересованные в том, чтобы укреплять и развивать правовой статус личности и тем самым содействовать становлению ее достойного существования.

Безусловно, правовой идеал является объектом внимания средств массовой информации, общественного мнения, научной среды, то есть фиксируется в общественном и индивидуальном сознании, является интеллектуальным приложением к позитивному правосознанию и, в конечном счете, становится существенным критерием оценки всех значимых сто-

рон правовой жизни общества и правового статуса личности в данном обществе.

Правовой идеал в сочетании с действительными ценностями права сосредоточен вокруг личности, ее прав и свобод, исходит из ее достойного положения в иерархии общественных отношений. Сама личность как реальный и потенциальный субъект права постоянно интересуется всеми социальными и правовыми сторонами своего бытия и вольно или невольно соразмеряет действительность с теми возможными позитивными моделями, которые реально могли бы сформироваться в иных более благоприятных жизненных условиях. Члены постепенно складывающегося российского гражданского общества обретают способность и заинтересованность проводить сравнительный анализ состояния социальной и правовой действительности в наиболее развитых зарубежных странах и своего социального и правового положения с пониманием отставания в этой сфере и существенного отдаления от параметров правового идеала. Но и такое обстоятельство свидетельствует о незримом присутствии влияния правового идеала на реальную социально-правовую действительность.

Члены общества прямо или косвенно оценивают содержание тех законов, которые затрагивают их жизненные интересы, делают (пусть интуитивно) соответствующие выводы относительно наличия или отсутствия компонентов идеала в конкретных нормативных правовых актах. В рамках такой реальности и выявляется, «что должно, что можно, чего нельзя в плане человеческих желаний и возможностей» [1, с. 7]. Правовой идеал способен выступать в роли рубежного ориентира при достижении тех или иных целей в процессе развития гражданского общества и правового государства и обеспечения прав и свобод личности.

Литература

1. Ильин И. А. Большевизм и кризис современного правосознания // Собрание сочинений: в 10-ти т. М., 1998. Т. 7.
2. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения на немецком и русском языках. М., 1994. Т. 1.
3. Монтескье Ш.-Л. О духе законов. М., 1956.
4. Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1997.

Bibliography

1. Ilyin I. A. Bolshevism and the crisis of modern legal consciousness // Collected works: in 10 volumes. Moscow, 1998. Vol. 7.
2. Kant I. The idea of universal history in the world-civil plan. Works in German and Russian. Moscow, 1994. Vol. 1.
3. Montesquieu S.-L. On the spirit of laws. Moscow, 1956.
4. Nersesyants V. S. Philosophy of law. Moscow, 1997.

Цымлянская Ольга Афанасьевна
Tsymlyanskaya Olga Afanasevna

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат экономических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Economics, Associate Professor.
E-mail: ipidorfii@yandex.ru

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ
ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ ПРОИЗВОДСТВА
И ПОТРЕБЛЕНИЯ В РОССИИ**

**Axiological aspects of legal reform of the production
and consumption waste in Russia**

В статье рассматривается ряд актуальных вопросов, связанных с проведением реформы обращения с отходами производства и потребления в России с точки зрения аксиологии права. Цель статьи заключается в рассмотрении плачевного состояния утилизации отходов в Российской Федерации, оказывающего дестабилизирующее воздействие на природную среду обитания. Автором показана необходимость изменения целевого смыслаположения человека, выявления новых ценностных ориентиров в потреблении и переработке отходов жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: ценности, потребности, отходы производства и потребления, твердые коммунальные отходы, утилизация, циклическая экономика, гарбология.

The article deals with a number of topical issues related to the reform of production and consumption waste management in Russia from the point of view of the axiology of law. The purpose of the article is to consider the deplorable state of waste disposal in the Russian Federation, which has a destabilizing effect on the natural environment. The author shows the necessity of changing the target meaning of a person, identifying new value orientations in the consumption and processing of human waste.

Keywords: values, needs, production and consumption waste, municipal solid waste, recycling, cyclical economy, garbology.

Современная цивилизация – цивилизация технического прогресса, с одной стороны, приводит к увеличению возможностей в удовлетворении потребностей, с другой стороны, – к пагубному воздействию на окружающую среду, уничтожению природных ресурсов, образованию отходов в значительных масштабах, наносящих непоправимый вред человеку, вызывая синергетический отрицательный эффект.

На сегодняшний день появляется понимание важности расстановки новых приоритетов в политике государства, определении концептуальной схемы отношений между человеком и природой, когда выбор будет делаться не в пользу материального благополучия любой ценой, а учета потерь от загрязнения массовыми отходами и мусором от производства и потребления.

В рамках рассмотрения глобальных проблем выделяется проблема гарбологии (от англ. garbage – мусор) – науки, анализирующей состав и структуру мусорных отходов и возможности их переработки.

Проблемы гарбологии, связанные с реформированием обращения с отходами производства и потребления, приобретают социально-философское, экономическое и политическое звучание, требуют подкрепления правовыми нормами. Причем тривиальный на первый взгляд вопрос об использовании отходов жизнедеятельности человека приводит к трансформации ориентиров в мировоззренческом осмыслении философии права, в преодолении конфликта интересов при определении основополагающих ценностей, господствующих в мире.

Правовая аксиология (теория правовых ценностей), характеризуя корреляционные

взаимосвязи между ценностями и нормами права, должна способствовать разрешению общезначимых противоречий в государственной регламентации сбора и утилизации отходов.

Казалось бы, законодательство в области реализации системы переработки отходов обязано следовать традиции рассмотрения ценностей в праве в соответствии с понятием общего блага, известного с античных времен, однако с формированием рыночной экономики реальность внесла свои изменения.

Доминирует мнение, что рыночная экономика является наиболее эффективной, то есть позволяет рационально распределять ресурсы для удовлетворения растущих потребностей. Ключевым здесь становится способ распределения ресурсов, а мотивация определяется все увеличивающимися потребностями. Общество всеобщего потребления ориентируется на наращивание потребления, формирование потребностей во все новых и новых товарах с эффектной упаковкой, а затем быструю их замену на незначительно модифицированные экземпляры. Специалисты маркетинга гордятся тем, что не ищут возможности на создание товаров и услуг, удовлетворяющих потребности, а создают новые потребности. Все это приводит к все большему вовлечению в воспроизводственный процесс объектов природы и наращиванию отходов. Известны слова философа А. Зиновьева о том, что идеальный потребитель – это что-то вроде трубы, в которую с одного конца закачиваются товары, а из другого они со свистом вылетают на свалку.

Возникает парадокс: при ограниченных ресурсах рост потребления стимулируется, а не сдерживается. Ценой технического прогресса и возрастания материального благосостояния становится снижение качественных характеристик окружающей среды и качества жизни. Еще в начале XX века известный русский ученый В. И. Вернадский писал о нарушении естественного кругооборота в природе в результате добычи и сжигания углеводородного топлива, синтеза химических веществ, загрязнения почв и водоемов промышленными отходами, отмечая: «В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление... Лик плане-

ты – биосфера – химически резко меняется человеком сознательно, и главным образом бессознательно...» [1, с. 174, 176].

В настоящее время все значительнее проявляется деструктивное воздействие на окружающую среду отходов жизнедеятельности человека.

Россия, перейдя на рыночную экономику, определяемую индустриальным развитием и инновациями, стала потребляющим и выбрасывающим обществом.

Данные Росприроднадзора свидетельствуют об увеличении промышленных и бытовых отходов в России (на начало 2018 года их насчитывалось около 38 млрд 73 млн тонн, причем в течение 2017 года образовалось на 12,5 % больше отходов, чем в 2016 году). Объем твердых коммунальных отходов (ТКО) составил 55–60 млн тонн в год, то есть на каждого жителя России пришлось в среднем 400 кг мусора в год. Перерабатывается или сжигается всего 4–5 % мусора, оставшийся захоронен на полигонах и свалках [2].

Происходит рост числа свалок: в январе 2019 года в государственный реестр были включены 5 тыс. 526 объектов размещения отходов, площадь свалок в России увеличивается на 0,4 млн га каждый год [2].

Поэтому с января 2019 года определен предельный срок для мусорной реформы в России, так как следствием антропогенного загрязнения становится значительный экономический ущерб. Уменьшаются размеры сельскохозяйственных земель, происходит потеря их продуктивности; повышается эпидемиологическая опасность в результате развития болезнетворных микробов на свалках; разложение мусора приводит к выделению токсичных элементов, загрязняющих почву и воду; отходы выделяют свалочный газ, основу которого составляет метан, приводящий к парниковому эффекту. Происходит нарушение естественной структуры ландшафта, а после прекращения использования свалок длительное время их нельзя применять в других целях из-за накопившихся опасных веществ.

На мусорных полигонах уничтожается ценное сырье и материалы, следовательно, возникает упущенная экономическая выгода, которую пытаются уменьшить за счет рециклинга, то есть переработки отходов и их вторичного использования. Переработка мусора требует высоких капитальных затрат и не всегда эф-

фективна, например, происходит загрязнение атмосферы диоксидами и примесями азота при сжигании мусора на специализированных мусоросжигательных заводах, затем образуются новые отходы, такие как зола и шлак. Другие, более совершенные технологии уничтожения или переработки мусора требуют новых дополнительных затрат.

Для постглобализационного пространства становится характерным понимание неизбежности экологической катастрофы в случае безграничного накопления отходов, отсутствия их переработки и вторичного использования, санитарной и эпидемиологической безопасности при сборе и переработке мусора. Требуются не просто новые бизнес-решения и потребительские практики, а выделение новых критериев соотношения материального бытия и духовного мира человека, гармонизации отношений между его духовным миром и хозяйствованием, о которых говорили еще сторонники русского космизма В. С. Соловьев, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский и другие.

Складывается необходимость переосмысления аксиологических аспектов мусора в жизни человека. Такие авторы, как Ж. Бодрийяр, Ги Дебор, Э. Тоффлер описывают потребление как категорию, следующую за отходами.

В 90-е годы в США складывается философия фриганства (англ. *freeganism* – свободный, бесплатный). В Соединенных Штатах, имеющих самый значительный валовой внутренний продукт, крупным корпорациям зачастую дешевле уничтожить продукт, нежели обеспечить его сортировку и переработку. Фриганизм заключался в минимизации материальной поддержки крупных компаний, в максимальной возможности дистанцироваться от общества бесконтрольного потребления. Фриганы считают зазорным поощрять избыточное производство и потребление, материальные блага они достают из мусорных контейнеров преимущественно крупных супермаркетов, используют свалки. Нашел свое распространение фриганизм и в Европе, получив при этом правовое обеспечение. Так, во Франции приняли «закон Макрона», по которому работающие в стране продуктовые магазины площадью более 400 м² обязаны отдавать все снятые с полок продукты питания в благотворительные организации и нуждающимся людям.

Распространение получает парадигма циклической экономики, приходящая на смену линейной экономики и диктующая смену ценностной ориентации. Цикличность – базовая категория рыночной экономики – в концепции Zero Waste (дословно «ноль отходов») рассматривается как замкнутый цикл: «проект товара – его производство – потребление – вторичное использование». В отличие от линейной экономики, опирающейся на закономерность «ресурсы – товары – отходы», Zero Waste ставит своей целью изменить мышление человека, создать стойкие природные циклы, где все избыточные материалы могут стать ресурсами, а не мусором, и энергия будет вырабатываться из возобновляемых источников. Для этого предлагается стимулировать применение многоразовых предметов, сократить потерю ценных материалов, применять инновационные бизнес-проекты для того, чтобы не было необходимости в увеличении свалок и мусоросжигательных заводов.

Программа Zero Waste была принята Европейской комиссией в октябре 2014 года, что стало правовой основой циклической экономики для стран Евросоюза. К странам, наиболее полно реализующим эту программу, можно отнести Данию, Нидерланды, Шотландию, Швецию и другие. Государственную политику разных стран по утилизации отходов отличает вариативность используемых инструментов, но для них характерно осознание, что дальнейший экономический рост приводит к увеличению так называемого экологического следа – росту масштаба территории, нужной для производства потребляемых ресурсов и поглощения отходов, и человечество близко к достижению потолка в этом плане.

Для Российской Федерации во многом полезен опыт этих североевропейских государств. Например, в Дании более семидесяти процентов мусора сжигалось, за счет этого вырабатывалось тепло и электроэнергия, однако в стране отказались от строительства мусоросжигательных заводов из-за выделения токсичных веществ. Целью датского правительства стала утилизация пятидесяти процентов всех бытовых отходов к 2022 году при радикальном сокращении мусора, уменьшении числа мусорных полигонов и мусоросжигательных заводов.

Примером для подражания может считаться переработка отходов в Германии. В стране

была изменена ценностная позиция по отношению к мусору, став не только отображающей, но и оценивающей общественные процессы жизнедеятельности людей, нацеливая на должное развития общества.

Положенная в основу утилизации мусора систематизация и сортировка привела к переработке отходов на шестьдесят процентов.

Предписания по разделному сбору отходов в Германии начали действовать еще в 90-е годы XX века, в 1991 году был принят закон «Об упаковке», так как половину всех бытовых отходов составляла именно упаковка. На основе закона производителей упаковки товаров обязали производить самостоятельно сбор, сортировку и переработку упаковочных материалов после их использования.

Распространилась «Дуальная система Германии» (Duales System Deutschland (DSD) – двойная система удаления коммунальных отходов, которая подразумевала сбор мусора, во-первых, в обычные контейнеры, во-вторых, в контейнеры в рамках системы разделного сбора отходов DSD, предназначенные для материалов с «зеленой точкой». Товары с «зеленой точкой» означали освобождение производителей от обязательной самостоятельной утилизации упаковки на основе купленной лицензии у фирмы DSD, бравшей на себя обязанность по утилизации.

Лицензионные сборы представляли несколько евроцентов за каждый упаковочный материал, включаемый в цену товара и в конечном счете оплачиваемый покупателем. В результате собирается более полутора миллиардов евро в год и отчисляется в бюджет компании DSD, которая на эти деньги осуществляет сбор и переработку отходов. Бизнес, имеющий отношение к переработке отходов по доходности, уже приближается к доходности фирм автомобилестроителей.

Дуальная инфраструктура утилизации привела к уменьшению затратного механизма по изготовлению упаковочных материалов, облегчив вес и сделав их экологически чище, стимулируя сокращение количество упаковки, поощряя справедливую конкуренцию между различными упаковочными материалами и создавая новые технологии по переработке отходов.

В 1994 году в Германии был принят закон «О хозяйственном кругообороте и отходах», по

которому производители должны были таким образом производить товары, чтобы они оказались пригодны для кругооборота, то есть товары должны быть перерабатываемыми, развитие получила концепция замкнутого цикла в хозяйственной деятельности. За счет этого закона была расширена правовая ответственность производителей товаров по их утилизации.

В систему «зеленая точка» сейчас уже входят все страны Европейского союза и присоединяются другие государства.

В 2018 году Европейский парламент принял стратегию для производителей упаковки из пластических материалов, сделав еще один шаг к циркулярной экономике. Представляя ее, первый заместитель председателя Еврокомиссии Ф. Тиммерманс отметил: «Если не изменим порядок, при котором мы производим и используем пластик, его к 2050 году будет в океанах больше, чем рыбы... Единственное долгосрочное решение заключается в сокращении пластических отходов благодаря переработке и расширенному повторному использованию» [4]. Задача стратегии заключается в том, чтобы сделать выгодной рециркуляцию (переработку) пластиковых упаковок для бизнеса и к 2030 году перерабатывать всю пластиковую упаковку, запретить использование одноразовых пластиковых изделий и так далее. Для поддержки инноваций планируют выделить 100 млн евро, также осуществляется попытка борьбы с причиной глобального загрязнения отходами, а не его следствием.

Строго контролируются законами не только производители, но и потребители. В регионах Германии устанавливаются разные штрафы за бытовой мусор: окурки, обертку или пластиковый стаканчик, выброшенные в неположенном месте. Штраф в 2019 году варьируется от 10 евро в Дрездене до 75 евро в Мангейме (земля Баден-Вюртенберг). Отследить нарушителей достаточно сложно, но, например, если мусор не отсортировали жители отдельного района, то компании по его вывозу могут отказаться забирать его или повысить тарифы по вывозу. Помимо наказаний и штрафов, используется материальный стимул, например, в цену продукта, где используется многоразовая стеклянная посуда, заложена дополнительная плата, которая возвращается, если эту тару возвращают, таким образом, прививается культура экономного потребления.

Законопослушность граждан Германии в отношении с бытовыми отходами формируется на основе солидарности и материальной ответственности. Юридические акты приобретают значение ценностей и на эмоциональном, и на интеллектуальном уровне, считаются данностью для граждан, побуждая их к использованию и охранению.

В последнее время диссонанс в систему раздельного сбора мусора в Германии вносят мигранты, не адаптированные к восприятию нового качества жизни.

Нельзя, однако, сказать, что система сортировки и утилизации отходов Германии лишена недостатков. Критике подвергается излишняя детализация в сортировке бытовых отходов, при том, что оптические и магнитные сенсоры на фабриках позволяют автоматически производить сортировку мусора. Неадекватным считается и расположение мусоросборников, находящихся на отдаленном расстоянии от места проживания. Сложной остается система администрирования по сбору отходов, порождаемая монополизацией власти DSD. Ключевым условием переработчиков отходов выступает, прежде всего, извлечение дохода, а следовательно, зачастую объективно отсутствуют стимулы по сокращению объемов реализации и уменьшению количества упаковочных материалов. Все это необходимо учитывать в отечественной практике сбора и переработки отходов, не забывая опыт по обеспечению благоприятного состояния окружающей среды и утилизации отходов, существовавший в советской действительности.

Реформа, стартовавшая в России на основе «Мусорного закона 2019», подразумевала борьбу с несанкционированными мусорными свалками, изменение системы вывоза и утилизации твердых коммунальных отходов (далее – ТКО), выбор на конкурсной основе регионального оператора по работе с ТКО на каждой территории, организацию раздельного сбора мусора, отнесение деятельности по вывозу ТКО к коммунальным услугам, расчет размера оплаты, который осуществляется по установленным муниципальными властями нормативам, оплата услуг производится собственниками домов, участков.

Однако новая схема обращения с отходами, де-юре стартовавшая в январе 2019 года,

де-факто не получила должной реализации. Уже в мае 2019 года была принята вынужденная мера по возможности использования незаконных свалок еще четыре года, подписан соответствующий указ Минприроды ввиду нехватки узаконенных полигонов. Не прошли конкурсные процедуры по выбору региональных операторов. Не проводился местными органами власти мониторинг накопления отходов на конкретных контейнерных площадках или полигонах данных с учетом сезонных изменений для определения периодичности вывоза мусора.

Подобные явления стали закономерными, так как не была создана инфраструктура раздельного сбора мусора, не построены соответствующие предприятия по его переработке, не создан гарантированный рынок сбыта вторсырья, не проведена разъяснительная работа с населением. И последняя названная причина является далеко не последней в определении действенности реформы, так как не сформировано положительное отношение человека к правовым явлениям и восприятию его содержания по мусорной реформе, установленное властями позитивное право не получило должного морального подкрепления.

При этом поступило предложение заместителя председателя комитета по природным ресурсам Госдумы России, сделанное в апреле 2019 года, полностью запретить полиэтиленовые пакеты, начиная с 2025 года. В России ежегодно производится 26 млрд одноразовых пакетов, которые априори становятся мусором, поэтому проблема очевидна. Более того, другие страны уже отказались от полиэтиленовых пакетов, например, в Грузии с 1 апреля 2019 года введен запрет на использование, производство, а также импорт полиэтиленовых пакетов, штраф предпринимателям составляет 500 лари (около 165 евро).

Реформа по преодолению неблагоприятных эндогенных процессов накопления отходов опирается на следующие законодательные акты, предшествующие мусорной реформе:

1. Советский период. Постановление Совета Министров РСФСР от 26.12.1951 № 1661 «О мероприятиях, обеспечивающих обезвреживание и утилизацию мусора, вывозимого на свалки и сельскохозяйственные поля в окрестностях Москвы, Ленинграда и городов республиканского (РСФСР) подчинения».

2. Начало рыночной трансформации в России. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления».

3. Современный этап. Федеральный закон от 29.12.2014 № 458-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления”, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»; Федеральный закон от 31.12.2017 № 503-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления” и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Мусорная реформа строится и на подзаконной нормативно-правовой базе, к которой следует отнести Постановления Правительства РФ № 484 «О ценообразовании в области обращения с отходами», № 1156 «Правила обращения с ТКО», Распоряжение Правительства РФ 1589-р «Об утверждении перечня видов отходов производства и потребления, в состав которых входят полезные компоненты, захоронение которых запрещается» и другие.

Реализация новых норм утилизации отходов зависит от объективных свойств и ценностей естественного права, выступающего в виде должного образца, но и от правоустанавливающей власти. Реформа обращения с твердыми коммунальными отходами столкнулась с проблемами, связанными с непроработанной законодательной базой.

Прежде всего, как в законах, так и подзаконных актах, не определяются конкретные меры, которые позволят предотвратить образование отходов и максимально использовать сырье и материалы, превалирует акцент на приобретение сортировочных заводов и в дальнейшем утилизацию за счет сжигания мусора.

Существующее законодательство по изменению мусорной стратегии не прошло публичных обсуждений, были нарушены нормы позитивного взаимодействия населения и правительства, что привело к росту социальной напряженности, несанкционированным митингам, направленным против роста тарифов по сбору мусора, при отсутствии улучшения сервиса по его сбору; против строительства объектов по рекультивации отходов рядом с населенными пунктами; против вырубки зеленых

насаждений под контейнерные площадки и так далее.

У населения не сложились стимулы и возможности для уменьшения отходов и их дифференциации, так как не установлена возможность выбора учета ТКО (по нормативам или фактическим объемам).

У производителей, в свою очередь, нет заинтересованности в разбивке мусора по материалам и строительстве перерабатывающих предприятий, так как определены размеры ставок экологического сбора ниже уровня затрат на сбор и утилизацию соответствующих товаров.

Полигонная система захоронений продолжает свое существование из-за низкой ответственности за порождаемое загрязнение ввиду незначительных ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду при размещении твердых бытовых отходов (Постановление Правительства от 29.06.2018 № 758 «Ставки платы за негативное воздействие на окружающую среду при размещении твердых коммунальных отходов IV класса опасности (малоопасные)»).

Распоряжение Правительства РФ от 25.01.2018 № 84-р «Об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года» не стимулирует у производителей отказ от одноразовых товаров.

Неотрегулированным и открытым остается вопрос о налогообложении для региональных операторов в отношении налога на прибыль и налога на добавленную стоимость (НДС) как инструмента поощрения и меры ответственности за нарушения в области сбора и переработки мусора.

Инжиниринг качества сбора и утилизации отходов зависит не только от оптимальных законов, но и от их выполнения, во многом реализация в полной мере мусорной реформы затягивается в результате бюрократического подхода и искусственного лоббирования вопреки разумных решений. Спекулируя на проблеме улучшения экологии и оптимизации обращения с отходами, складывается монопольное положение отдельных региональных операторов, устанавливающих высокие цены на свои услуги. Возникает и противоположная тенденция, когда, приспособившись к условиям тен-

дера, компании, применяя демпинг, спускают цены ниже рентабельности и снижают качество оказываемых услуг.

Добиться оптимистического положительного результата прохождения мусорной реформы в России можно только комплексно решая проблемы, объединяя в единый фокус различные вопросы социально-философской, экономической и правовой направленности.

Социально-философский аспект решения проблемы затрагивает экзистенциальную задачу создания измененного экологического самосознания населения России. Необходимо формирование должного уровня эмпатии граждан к проводимым преобразованиям в отношении утилизации мусора, используя средства массовой информации, создание нетерпимого отношения к лицам, загрязняющим окружающую среду отходами, законодательно закрепить обязанность для средств массовой информации уделять внимание повышению грамотности в области гербологии. Необходимо менять сложившиеся стереотипы, сознавая, что мусорная проблема не техническая, а мировоззренческая, и следует изменить психологию «одноразовой» культуры, культуры потребления одноразовых изделий [3]. Исключая определенные крайности в отношении к мусору, например, философию фриганства, о которой говорилось выше, стимулировать осмысленное насущное потребление, вырабатывать критическое мышление, самоутверждаться не потреблением, а сбалансированным экономным удовлетворением человеческих потребностей, кардинально уменьшить количество мусора, а за счет этого уменьшить и проблемы его переработки.

Необходимо включить вопросы переработ-

ки мусора в изучение гуманитарных дисциплин и компетенции специалистов, выпускаемых учебными заведениями, формируя новую социально-философскую идеологию, проводить конкурсы с материальным вознаграждением молодых предпринимателей, предложивших необычный способ утилизации и сбора мусора, использовать массовые мероприятия, например, плоггинг-забег (одновременно с забегом происходит сбор мусора), формируя культуру потребления и утилизации отходов, активно используя социальные сети.

Обязать бюрократический аппарат обеспечить отдельный сбор мусора, сделав его системным, доступным, эстетичным, контейнеры – чистыми, вывоз – своевременным и аккуратным. Превращать мусорные свалки в объекты паблик-арта.

Правовой аспект мусорной проблемы может быть решен путем выработки системной концепции экологического права, внесения изменений в законодательные акты, обеспечивающие обезвреживание и утилизацию отходов, и усиления ответственности за нарушения природоохранного законодательства.

Следует повысить эффективность государственного регулирования, переходить на природосберегающие, информационно-интеллектуальные технологии.

В целом проблема реорганизации системы производства и потребления отходов может быть решена за счет трансформации смыслополагания человека, отказа от пресыщенного потребления, синергии усилий специалистов разных отраслей, нравственно-правового содержания позитивного права и государственной деятельности в этой сфере.

Литература

1. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера: сборник научных работ. М., 2001.
2. Мусорный вопрос. URL: <http://www.interfax-russia.ru/Moscow/view.asp?id=1009259&p=17>.
3. К. де Сильги. История мусора. От средних веков до наших дней. М., 2011.
4. Parliament seals ban on throwaway plastics by 2021. URL: <http://www.europarl.europa.eu/news/bg/press-room/20190321IPR32111/parliamentt-nalagha-zabrana-na-plastmasi-za-ednokratna-upotreba>.

Bibliography

1. Vernadsky V. I. Biosphere and noosphere: collection of scientific works. Moscow, 2001.
2. Garbage question. URL: <http://www.interfax-russia.ru/Moscow/view.asp?id=1009259&p=17>.
3. C. de Silgi. History of garbage. From the middle ages to our days. Moscow, 2011.
4. Parliament seals ban on throwaway plastics by 2021. URL: <http://www.europarl.europa.eu/news/bg/press-room/20190321IPR32111/parliamentt-nalagha-zabrana-na-plastmasi-za-ednokratna-upotreba>.

Бавсун Максим Викторович
Bavsun Maxim Victorovich

заместитель начальника (по научной работе) Омской академии МВД России доктор юридических наук, профессор.

Deputy Head (for Scientific Work) of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Professor.
E-mail: kafedramvd@mail.ru

Попов Дмитрий Владимирович
Popov Dmitry Vladimirovich

начальник кафедры философии и политологии Омской академии МВД России кандидат философских наук, доцент.

Head of Philosophy and Political Science Department of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philosophy, Associate Professor.
E-mail: dmitrivpopov@mail.ru

БИОПОЛИТИЧЕСКИЙ БЭКГРАУНД УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
Biopolitical background of criminal policy

Статья посвящена выяснению соотношения биополитики и уголовной политики. Авторами отмечается, что в рамках фуколдианской традиции биополитика понимается как властная организация жизненного пространства человека; наивысшая концентрация репрессивных средств в уголовной политике позволяет рассмотреть ее как арсенал принудительных мер обеспечения реализации биополитики. Делается вывод о том, что если биополитика представляет для уголовной политики бэкграунд, то уголовная политика является для биополитики своеобразным «задним двором» – тыльным, но системообразующим элементом.

Ключевые слова: биополитика, уголовная политика, право, государство, человек, бэкграунд, закон, антропология, наказание.

The article is devoted to clarifying the relationship between biopolitics and criminal policy. The authors note that, in the framework of the Fucoldian tradition, biopolitics is understood as a powerful organization of a persons living space, the highest concentration of repressive means in criminal policy allows us to consider it as an arsenal of coercive measures to ensure the implementation of biopolitics. It is concluded that if biopolitics represents a background for criminal politics, then criminal politics is a kind of «backyard» for biopolitics – a back but systemically forming element.

Keywords: biopolitics, criminal politics, right, state, human, background, law, anthropology, punishment.

На сегодняшний день вопрос о соотношении и взаимосвязи уголовной политики и биополитики ни в одной из сфер научных знаний практически не рассматривался. Между тем уголовная политика стоит на страже биополитических интересов государства, подчеркнем, как бы они не понимались и какие бы гуманные либо откровенно циничные и бесчеловечные формы они не принимали. В определенном смысле слова «уголовная политика есть низший предел или определенный минимум биополитики»*. Если биополитика представ-

ляет для уголовной политики бэкграунд (background – фон, задний план, контекст), то уголовная политика является для биополитики своеобразным «задним двором» (backyard) – тыльным, не афишируемым, но крайне важным, системообразующим элементом.

В сущности, политика как явление представляет собой властное утверждение политического союза, то есть объединения людей, состоящих в родственных (свойских, приятельских) отношениях, на добровольной или (и) принудительной основе, подчиненных еди-

* Напомним, В. С. Соловьев считал, что «право есть низший предел или определенный минимум нравственности» [13, с. 448]. Данный тезис, как никакой другой, подходит к постановке самой идеи соотношения биополитики и уголовной политики.

ной системе управления. Политический союз имеет территорию, население, организационные структуры, ту или иную форму идеократии. Несмотря на то, что современный Ватикан включает тысячу граждан, население Науру составляет около 10 тыс. человек, а самопровозглашенное П. Р. Бейтсом княжество Силленд вовсе состоит из 27 подданных, политический союз предполагает масштабирование. История знает примеры малочисленных политических союзов, однако они – исключения из правил, в идее политического союза заложено его разрастание. Появившись в рамках аграрной цивилизации, политический союз рассчитан на рост, как на рост рассчитана и сама аграрная цивилизация, производящая избыток пищи. Общество охотников и собирателей вело иную экономику и, как следствие, не имело аналогов современных государств. Государство по своей сути предполагает экспансию.

Начиная с XVIII века идея непрерывного усиления государства становится центральной для европейских правителей. Очень быстро приходит осознание прямой связи между мощью государства и количественными и качественными характеристиками населения. Рождается биополитика, становящаяся арсеналом средств как регуляции численности населения, так и улучшения важнейших жизненных параметров индивидов – «единиц» населения. Биополитика оформляется как «научное, рационально-техническое и бюрократическое управление биологической жизнью людей, объективированных в качестве “населения”» [19, с. 271].

Биополитика становится властной формой организации жизни индивида. Биополитика вездесуща, она использует юридические инструменты для регуляции тех общественных отношений, которые возникают между людьми уже в качестве субъектов правоотношений. Юридическая ткань социальной жизни становится проводником биополитических императивов постольку, поскольку качественный сдвиг в жизни населения мыслится как следствие упорядочивания общественных отношений правовыми инструментами. Уголовная политика, известная издревле, становится уголовной биополитикой. Являясь частью биополитики, уголовная биополитика в ее максимально широком понимании стала незаменимым инструментом обеспечения самых сложных (и прежде всего, пограничных в отношении дихотомий жизнь/смерть, свобода/несвобода) аспектов реализации биополитических стратегий. При этом уголовная политика в кон-

тексте (бэкграунде) биополитики – не самоцель, а средство достижения цели. И если цели и средства уголовной политики вполне осмыслены в современной юридической науке, то подлинные (биополитические) цели и мотивы почти всегда скрыты.

Безусловно, отдельные их проявления мы можем видеть непосредственно в тексте законов. Скрытая («подводная») часть биополитического проекта укоренена в идеократической сфере общества. Именно поэтому уголовная политика и выступает «задним двором» (backyard) биополитики. Не выставленная напоказ, скрытая на «заднем дворе» биополитики, уголовная политика предстает системой жестких элементов несущих конструкций биополитического проекта.

Биополитика представляет собой явление утилитарного порядка. С точки зрения политического союза, и в первую очередь властвующей элиты, биополитика целесообразна потому, что усиливает политический союз, обеспечивает его жизнеспособность, повышает вероятность его долговременного существования. В выборе средств выживания, как показывает история, государство не останавливается ни перед чем. Долговременность существования политического союза – маркер успеха в борьбе за существование – должна быть обеспечена конкретными средствами. Уголовная политика выступает в роли арсенала средств, обеспечивающих «выживание» политического союза. Императив, сформулированный в свое время еще Г. В. Ф. Гегелем, согласно которому «если государство требует жизни, то индивидуум должен ее отдать» [5, с. 127], все еще востребован в наше время. А. Мбембе характеризует власть с позиции ее возможности определять, кто может жить, а кто должен умереть: «Окончательное выражение суверенитета состоит в значительной степени во власти и способности диктовать, кто может жить и кто должен умереть» [12, с. 93]. Мы и сегодня сталкиваемся едва ли не с социал-дарвинистскими рассуждениями о жизни и смерти. Без определения биополитического бэкграунда подобных воззрений не обойтись – высказывания о жизни и смерти и есть биополитика. И на первое место, если исходить из подобных представлений о влиянии государства на личность, выходят как раз средства реализации данной стратегии. То, как решать вопрос о высшем благе человека и лишении его этого блага, все чаще оказывается в центре внимания в последние десятилетия.

Безусловно, можно поднять вопрос о том, насколько воззрения подобного рода вообще имеют право на существование. Казалось бы, в современном мире вопрос о приоритете защиты жизни человека решен однозначно. Однако, гуманистический дискурс фрагментарен. Например, размышления Ф. Фукуямы о слабости сильных государств и угрозе свободе личности в странах с демократическими началами приводят к кощунственным выводам о потребностях либеральной демократии в защите, в том числе с использованием средств вроде бомбежки Дрездена или Хиросимы [18, с. 14]. Подобные выводы свидетельствуют о зыбкости идеи приоритета прав и свобод личности. Практика, подтверждающая именно жесткость и целенаправленность государства в решении вопроса контроля над жизнью и смертью практически любого человека, не оставляет шансов теории верховенства личности. Уголовная политика в этом отношении – далеко не крайняя мера. Однако именно уголовно-правовые отношения обеспечивают требуемый фон, в том числе и для того, что находится за его пределами и регулируется на уровне чрезвычайного законодательства. Разница между ними заключается лишь в том, что уголовный закон пока еще пытается сохранить иллюзию соответствия конституционным принципам (законности, гуманизму, справедливости и так далее), в то время как чрезвычайные нормы цинично их игнорируют. И если одни меры (чрезвычайные) способны напрямую влиять на количественные и качественные составляющие населения, то вторые (уголовно-правовые) участвуют в этом процессе опосредованно, действуя как предпосылки для иной формы регулирования.

Одним из ярких примеров такого сосуществования (причем именно в ролях) является ст. 37 УК РФ и ч. 2 ст. 7 ФЗ «О противодействии терроризму». Первая, основываясь на конституционных принципах и являясь при этом исторически обусловленной и общепризнанной в мировой практике нормой, создает предпосылки для появления и существования второй нормы, новой уже не по времени ее принятия, а по существу. В ней нет ни исторической обусловленности, ни общего признания, ни конституционности. Ее происхождение, как, впрочем, и применение, чрезвычайно, и именно она доминирует. В свою очередь, ее существование не было бы возможно без соответствующих предпосылок, одну часть которых составляют вполне конкретные события, а другую – предшествующий появлению нормативный материал, а также сопутствующие ему доктринальный подход и теоретическая база. В своей совокуп-

ности они дали столь необходимое в подобных случаях обоснование безальтернативности именно такого выхода из ситуации. Находясь на заднем плане решения вопроса о жизни и смерти, уголовная политика выполнила роль предшественника с наработанной практикой применения и требуемого осознания.

Необходимо отметить, что биополитика в первую очередь принимает в расчет весь политический союз, все население. Отсюда преобладание в биополитике регуляторов, направленных на все население. Например, статистика – основа основ биополитики – знание о ведении дел во всем государстве. Эпидемические мероприятия носят широкомасштабный характер; образовательная политика, создание рабочих домов, зерновая полиция – программы, охватывавшие (охватывающие) все население. Масштабирование для биополитики приоритетно. Именно масштабные программы дают максимальный эффект в рамках всего социума. Однако ни один по-настоящему масштабный проект не может обходиться без уголовно-правовой составляющей, реализующей охранительную функцию. Если признавать сам факт существования биополитики, то ее уголовно-правовой элемент неизбежен.

В то же время подобная политическая целесообразность сочетается с индивидуальными целями людей, составляющих население. Каковы ее цели, таковы и меры обеспечительного характера, таково наполнение уголовной политики. В этом состоит бэкграунд биополитики. Принцип полезности – краеугольный камень утилитаризма И. Бентама – это «принцип, утверждающий в качестве единственно правильной и справедливой цели правительства наибольшее счастье наибольшего числа людей» [3, с. 14]. С позиций бентамовского утилитаризма заинтересованное в процветании политического союза правительство должно принимать в расчет индивидуальные чаяния и надежды граждан. Только инклюзивная политика, вовлекающая граждан в экономическое, образовательное, здравоохранительное, правовое пространство, позволяет увеличить мощь государства, увеличив совокупное счастье населения. Обратим внимание на эту взаимосвязь процветания политического союза и индивидуального счастья гражданина. При этом следует оговориться: ни Бентам, ни Кант, ни Соловьев, ни Фуко, ни кто-либо другой не утверждают возможности достижения в масштабах общества безоблачного состояния максимального счастья. Значение имеет вектор максимизации состояния благополучия индивида. Стремление

обустроить жизненное пространство индивида одновременно утилитарно (выгодная инвестиция в население) и гуманно (улучшает положение человека). Процесс максимизации счастья бесконечен и представляет собой плавание в безбрежном океане без возможности достичь желанного берега (П. И. Новгородцев). Это модель системы правительственного «управленчества» (*gouvernementalite*, М. Фуко) – некий паттерн деятельности государства вообще. Представляется, что этот паттерн – инвариант конфирмантропных (человекоутверждающих) биополитических стратегий [11].

В биополитическом проекте можно различить «биополитику среды» и «биополитику наследственности». Биополитика среды исходит из представления о прямой связи между улучшением жизни индивида и положительными изменениями в среде его обитания. Подобное воззрение в современном мире выглядит самоочевидным, оно составляет основание социального государства и воплощается в той или иной форме «экологии разума» (Г. Бейтсон).

Биополитика наследственности основана на изменении самого человека. Это возможно как за счет воздействия традиций и обычаев, так и в ходе преднамеренных действий и практик, охватывающих науку, технику, технологию, медицину, статистику, демографию. Данная селективная стратегия не столь очевидна и транспарентна в отношении как методов, так и результатов. Однако биополитика наследственности может стать трендом ближайшего будущего. Отметим, что это существенно трансформирует уголовную политику в части регуляции целого комплекса социальных отношений, связанных с генетикой человека. Вероятно, от норм-запретов уголовная политика может перейти к нормам-дозволениям, обеспечивая пространство для прорывных биотехнологий.

Например, один из проектов современности, масштаб которого предстоит оценить в будущем, находит свое воплощение в идее генетического проектирования. Н. Бостром отмечает, что уже сегодня процедура экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) предваряется генетической диагностикой, позволяющей выявить предрасположенность к ряду заболеваний, грозящих человеку в зрелые годы. Генетическая диагностика позволяет сконструировать пол будущего ребенка, заложить возможность донорства стволовых клеток еще не рожденного ребенка. В ближайшие десятилетия спектр моделируемых параметров возрастет, а затраты на генотипирование и секвенирование генома уменьшатся. В обозримой пер-

спективе появится реальная возможность конструирования тела и даже личностных качеств ребенка. «Приятие ЭКО постепенно начнет возрастать, если станут понятны преимущества этой процедуры, и прежде всего основная – фактическая гарантия, что ребенок окажется очень одаренным и лишенным генетической предрасположенности к болезням. В поддержку генетического отбора будут говорить невысокие затраты на медицинские манипуляции и ожидаемые в дальнейшей жизни высокие доходы. По мере того как процедура начнет пользоваться все большей популярностью, особенно среди элитарных слоев общества, может произойти культурный сдвиг в нормах воспитания – в результате выбор в пользу ЭКО станет свидетельством ответственного отношения людей к своим родительским обязанностям. В конечном счете даже скептики поддадутся моде, чтобы их дети не оказались в проигрышном положении по сравнению с улучшенными чадами их друзей и коллег» [4, с. 50–52]. Стоит биополитике воспринять генетический отбор как потенциальное расширение возможностей государства (военная мощь, безопасность, экономическое процветание, интеллектуальный взрыв), как трансформируется уголовная политика: под защиту будут поставлены процедуры генетического конструирования человека, а не факт вмешательства в процесс появления жизни на свет.

Данный Н. Бостромом прогноз содержит указание на возможные формы положительной и отрицательной евгеники ближайшего будущего. Следует подчеркнуть, что евгеника – настойчиво возобновляемый, но потенциально крайне опасный путь трансформации человека. «Ведь именно извращенное понимание евгеники – “науки об улучшении породы людей” как науки о неравенстве рас и “чистоте крови” лежало в основе человеконенавистнических теорий Гитлера и его последователей и в конечном счете проложило путь к Холокосту» [10, с. 35–36]. Нацистский радикальный расовый проект обязывает помнить, что так «сложилась судьба евгеники, что при упоминании о ней, по образному выражению лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине П. Медавара, всегда будет стоять “нестерпимый запах газовой камеры”» [10, с. 35].

Геноломброзианство (В. С. Овчинский) – высокотехнологичное расширение учения Ч. Ломброзо о наследственных дефектах, определяющих судьбу человека. Долгое время в рамках евгенических проектов наследственность абсолютизировалась. Евгеника – «рели-

гия» наследственности. Так, на основании анализа ряда эмпирических данных (например, сравнительного исследования генеалогических деревьев аристократического рода Дж. Эдвардса и бродяги Джуки) Л. Стоддард [14] выстраивал свой евгенический проект неоаристократии как последней надежды цивилизации против бунта *underman* – людей с дефектной наследственностью, численность которых, следуя Стоддарду, неуклонно растет. Стоддард воспринимал социальные революции буквально как бунт против цивилизации, лавкрафтианское вторжение иномерных, инородных, разрушительных сил, фатальное по своей природе.

Редактирование генома в теории мыслится как обладающее конструктивным потенциалом, оно потенциально обращено к каждому и обещает избавление от нежелательных генетических мутаций для потомства каждого человека. Первые практические (скандальные) шаги этого евгенического проекта уже сделаны. Так, профессор-генетик Хэ Цзянькуй заявил о рождении в конце 2018 года двух детей с отредактированным геномом. По словам Хэ Цзянькуя, благодаря вмешательству генетиков девочки-близнецы Лулу и Нана обладают врожденным иммунитетом к заражению ВИЧ [23].

Вместе с тем следует принимать во внимание, что потенциал редактирования генома амбивалентен. Очевидно, что столь высокая технология не может и не будет применяться повсеместно. Избирательное применение технологии может привести к стремительному расслоению. Следует приглядеться к современной научной фантастике, проигрывающей возможные сценарии применения новейших биотехнологий. Например, в кинофильме «Остров» гигантская корпорация выращивает точные копии толстосумов – страховочных биоидов, предназначенных для аварийной пересадки органов и тканей состоятельным клиентам компании в случае необходимости. Биоиды появляются на свет взрослыми со восторженными воспоминаниями и ложными представлениями о мире, позволяющими удерживать их в повиновении. В мире «Луны 2112» главный герой добывает полезные ископаемые на безжизненной поверхности безвестной луны, полагая, что он работает по контракту ради своей семьи, с которой вскоре воссоединится. Однако обнаруживается, что он – один из множества однотипных клонов с однотипной псевдоисторией, которые активируются поочередно – каждый следующий после смерти каждого предыдущего из-за сложнейших условий работы. Сырьевая компания таким

образом получает прибыль, используя форму высокотехнологического рабства.

Своеобразный евгенический проект обнаруживается в романе К. Исигуро «Не отпускай меня». В мире, где трансплантология достигла небывалых успехов, сходятся линии положительной и отрицательной евгеники. Людям из привилегированных сословий медицинские технологии позволяют существенно увеличить продолжительность жизни. Достигается этот эффект за счет потомков людей из низших слоев. Дети воспитываются в специальных интернатах, где им дается утонченное образование. Однако предназначение всех до единого выпускников – стать донорами органов для высших классов общества. По достижению совершеннолетия каждый выпускник специнтерната, сколь бы талантлив он ни был, после трех-четырех выемок органов умирает, безропотно принимая свою судьбу, изменить которую невозможно в силу молчаливого согласия общества с подобной выгодной практикой. На вопрос, зачем воспитанники интерната занимались искусством, звучит страшный ответ: «Мы потому забирали ваши работы, что они, как мы надеялись, должны были выявить ваши души. Или, точнее говоря, доказать, что у вас есть души» [6, с. 191]. Талант невыгодно замечать, если это препятствует благополучию и долголетию той части населения, которая обладает выбором – замечать или не замечать. «Внезапно открылась масса новых возможностей; многие болезни, с которыми врачи до тех пор не могли бороться, стали излечимыми. Это было первое, что мир увидел, первое, чего он хотел. И люди долго предпочитали думать, что все эти человеческие органы являются ниоткуда – в лучшем случае выращиваются в каком-то вакууме. Дать задний ход не было никакой возможности. Как потребовать от мира, уже привыкшего считать рак излечимым, чтобы он отказался от этого лечения и добровольно вернулся к старым мрачным временам? Нет, назад пути не было. Как бы ни было людям совестно из-за вас, главное, о чем они думали, – чтобы их дети, супруги, родители, друзья не умирали от рака, заболеваний двигательных нейронов, сердечных заболеваний. Поэтому вас постарались упрятать подальше, и люди долго делали все возможное, чтобы поменьше о вас думать» [6, с. 193]. «Высшие» (в терминологии Стоддарда) живут и увеличивают свою долю в обществе, «низшие» – с пользой для «высших» ликвидируются. Учитывая вложения в образование будущих доноров, общество полагает, что ведет себя гуманно, заключая взаимовыгодную сделку.

Человечество, давно идущее по пути биополитики среды, продолжит идти по нему дальше. Биополитика наследственности в условиях технологического прогресса – соблазн, мимо которого человечество вряд ли пройдет. С большой долей вероятности можно утверждать, что технократическое будущее человечества будет сочетать оба пути, которые найдут свое законодательное закрепление, в том числе уголовно-правовую защиту. Сдвиг биополитической парадигмы с необходимостью повлечет трансформацию уголовной политики.

Биополитика как властная организация жизненного пространства человека – одна из необходимых сторон политической жизни человека, в рамках которой ее уголовно-правовая составляющая выполняет строго определенную функцию – охранительно-обеспечивающую. Уголовная политика представляет собой часть идеократической сферы политического союза. Как часть правовой сферы жизни общества она основывается на системе норм, регулирующих жизнь населения политического союза. Особенность уголовной политики состоит в том, что именно нормы уголовного права подкрепляются всей мощью организационной структуры государства. Государство готово преследовать преступившего уголовный закон безотлагательно, беспрестанно, безжалостно. Именно уголовный закон в первую очередь требует неотвратимости наказания. Уголовная политика прежде всего требует возмездия и восстановления справедливости. Каков же биополитический смысл уголовной политики?

Уголовная политика утилитарна в той же мере, что и биополитика. Биополитика властно организует жизненное пространство человека. Ее цель – усиление политического союза, ее ресурс – благополучное население. Но организовать жизненное пространство человека, не гарантировав насколько возможно саму жизнь, нельзя. Уголовная политика в первую очередь призвана выполнить минимальную, базовую, фундаментальную задачу – сохранить жизнь человека, создать условия, при которых покушение на жизнь и даже сама мысль о нем станут неприемлемы. Без гарантий личной безопасности ни один конфирмантропный биополитический проект (негантропная биополитика и тем более некрополитика базируются на политически утверждаемой практике негарантированности жизни out-группы – части населения, выбранной для эксплуатации или истребления) не жизнеспособен. Уголовная политика направлена на действенную защиту «голой жизни» (Дж. Агамбен) [1],

«плоти» (Э. Сантнер [15], А. G. Weheliye [21]). «Голая жизнь» – не личность, но и личность без «голой жизни» – труп, не человек. Важная роль уголовной политики в биополитическом проекте состоит в создании «силового поля», защищающего жизнь. Заметим, в рамках конфирмантропных биополитических стратегий уголовная политика создает силовое поле для каждого индивида и населения в целом; негантропная биополитика создает частокол уголовных норм, защищающих избранную часть общества (властвующую элиту, олигархию) в условиях асимметричного толкования закона и асимметричной реальной защиты прав и свобод граждан политического союза.

Последовательная уголовная политика – сфера сохранения «голой жизни» (жизни и здоровья индивида) – непреложное условие самой возможности реализации биополитического проекта. Однако «голая жизнь», не имеющая ничего, кроме собственной оболочки, не может усилить политический союз. Значит, уголовная политика также является силовым полем защиты собственности – основы материального существования «голой жизни». Но тогда уголовная политика – это минимальный предел биополитики; то, без чего нет возможности увеличить совокупное счастье населения и усилить политический союз.

По мере усложнения биополитического проекта усложняется и уголовная политика. Развитие социальные отношения, развитая экономика, инклюзивные политические институты масштабируют биополитические задачи и существенно усложняют задачи уголовной политики. «Не убий» и «не укради» многократно преломляется в сложноорганизованном социуме. Утилитарная задача максимизации совокупного счастья по Бентаму сочетается с изменением планки нижнего предела нравственности по Соловьеву. Уголовная политика детализируется по мере развития общества и решения поставленных задач. Конечный бенефициар – политический союз – усиливается в условиях осуществления действенной биополитической стратегии.

Возможна и иная связь: извращенная биополитика порождает извращенную уголовную политику. Негантропный биополитический проект, нашедший свое описание выше, в случае его реализации будет требовать и соответствующих, не менее негантропных средств защиты. Нацистская некрополитика опиралась на ст. 48 Веймарской Конституции, предоставляющую в спорных случаях рейхспрезиденту

всю полноту власти в случае объявления чрезвычайного положения, что привело к приостановке действия гражданских прав. Это, в свою очередь, позволило ввести в действие в 1935 году Закон о гражданстве рейха и Закон о защите немецкой крови и немецкой чести (так называемые Нюрнбергские законы), ставшие юридическим фундаментом для Холокоста. В последнем случае маховик репрессий в уголовной сфере работал на биополитические приоритеты. Биополитический эксперимент, исходивший якобы из интересов населения, оказался проектом аутофагии общества, пожирающим одного за другим в лагере или на фронте собственных граждан.

Таким образом, между биополитикой и уголовной политикой существует прямая и обратная связь. Идеократические приоритеты порождают биополитическую стратегию и определяют то, что защищает уголовная политика. В свою очередь, эффективность уголовной политики определяет успешность биополитического проекта. Уровень репрессивности уголовной политики задается параметрами биополитического проекта. Превенция, приоритеты в выборе наказаний, строгость наказаний, универсальное или избирательное отношение к гражданам – все это определяется приоритетами биополитики, выступающей передаточным механизмом подлинной, недекларированной идеократической модели политического союза. Законодательство и неформальные требования, исходящие от властвующей элиты, определяют направление как уголовной политики, так и биополитики в целом. Той же моделью определяется и отношение к технологическим инновациям в медицине (от абортов и противозачаточных средств до трансплантации органов, эвтаназии, генного редактирования, клонирования), экономике (робототехника, искусственный интеллект, наносемблеры и т. п.), политике (психометрия, микротаргетинг, безусловный базовый доход и пр.). Идеократическая матрица политического союза определяет цели широкомасштабного биополитического проекта и выбирает приоритеты, цели и инструментарий уголовной политики, от успеха которой зависит эффективность проводимой биополитики.

Встроенность уголовной политики в биополитический проект может быть выражена языком экономики. Так, утилитаризм в уголовной политике может проявить себя в форме распространения экономической оценки поведения человека как преступника с точки зре-

ния общества как инвестора. В этой перспективе «утверждение закона – это совокупность действенных инструментов на рынке преступления, противопоставляющая предложению преступления отрицательный спрос» [17, с. 319]. Тогда уголовная политика в рамках биополитического проекта сводится к проблематике эффективной аллокации – распределению недостаточных ресурсов в зависимости от поставленных целей.

Экономическая целесообразность в отношении уголовной политики заставляет оценивать преступность прагматично, не только в рамках риторики неизбежного зла, но также и в рамках точного расчета ущерба от этого социального явления. Тогда «существенный для уголовной политики вопрос заключается не в том, как наказывать за преступления. И даже не в том, какие действия надо считать преступлениями. Но: какое преступление надо терпеть? Или: чего стерпеть нельзя? Таков вопрос уголовной системы» [17, с. 321].

Г. Беккер, идеи которого развивает Фуко, высказывается предельно рационально: «Какой объем средств и какие меры наказаний следует использовать для обеспечения ответственности различных видов законов? Или, если сформулировать то же самое иначе... какое число преступлений следует признать допустимым и какое число преступников следует оставить безнаказанными?» [2, с. 282]. Беккер проводит математическими средствами скрупулезный анализ, направленный на выявление «потерь (loss) общества от совершаемых преступлений» и определения объемов «расходов и меры наказаний, минимизирующих эти потери» [2, с. 282]. Доказывая, что «оптимальная мера расходов на обеспечение действительности законов зависит, помимо всего прочего, от издержек по поимке нарушителей и установлению их вины, от вида наказания – например от того, применяются ли штрафы или лишение свободы – и от реакции преступников на изменения в правоохранительной системе» [2, с. 282], Беккер осуществляет точный подсчет удовольствий и страданий в терминологии Бентама, предлагая бизнес-проект успешной уголовной политики.

Но тогда уголовная политика становится мерилем, определяющим низший предел или определенный минимум допустимой безнаказанности (безнравственности). Одновременно уголовная политика определяет низший предел или определенный минимум допустимого ущерба, наносимого преступностью обществу.

Экономическая целесообразность, исходя из экономии общественных ресурсов, определяет, что «хорошая уголовная политика никоим образом не стремится к пресечению преступления, она стремится к равновесию между кривыми предложения и отрицательного спроса на преступление. К тому же общество не нуждается в бесконечной конформности. Общество нисколько не нуждается в том, чтобы повиноваться всеохватной дисциплинарной системе. Общество платит определенную цену за беззаконие, и оно оказалось бы очень дурным, если бы пожелало бесконечно снижать эту цену беззакония» [17, с. 320–321].

Заметим, что в точке реалистичной оценки преступности как неизбежного социального зла смыкаются идеализм (этизация права) В. С. Соловьева и утилитаризм (юридизация морали) И. Бентама. Максимальное счастье Бентама упирается в минимальную нравственность Соловьева в силу неизбежности делинквентности части населения. В свете осуществляемой государством биополитики совершенно резонным выглядит стремление оптимизировать пространство уголовного правоприменения ради максимизации обеспечения безопасности индивидуума и населения вообще. Защищенная жизнь воздается сторицей государству, инвестирующему в уголовную политику. В то же время бесконечное вложение средств в меры, направленные на искоренение преступности, потенциально бесперспективное с точки зрения достижения конечной цели, не является оправданной мерой в рамках распределения инвестиций во все сферы жизни, слагающие биополитический проект. Минимум безнравственности – оборотная сторона минимума нравственности – порог целесообразного инвестирования, за которым начинается убывание конфирмантропной интенции биополитики.

Вместе с тем, несмотря на рациональность математических выкладок, существует граница, которую ни уголовная политика, ни биополитика не должны переходить. Это как раз та граница, которая разделяет конфирмантропный и негантропный биополитический проекты. Безусловно, экономический подход к уголовной политике предполагает прагматику: необходима видимая эффективная борьба с преступлениями, несущими угрозу жизни, здоровью, собственности и общественной безопасности, но в то же время ограниченность ресурсов позволяет закрывать глаза на то, что не дает эффекта даже при значительных инвестициях.

Поиск оптимума в соотношении выгод и затрат может привести к соблазну получения экономической выгоды от самой преступности. Можно зайти очень далеко и заняться конструированием самой преступности. «Н. Кристи останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. Преступность – продукт культурных, социальных и ментальных процессов. А отсюда, казалось бы, парадоксальный вывод: “Преступности не существует” (Crime does not exist)» [7, с. 50].

Конструирование преступности – процесс разнонаправленный. Так, Фуко отмечал, что государству выгодно иметь подконтрольную среду делинквентов, а тюрьмы в такой ситуации становятся фабриками по производству агентуры государства в склонных к криминальному поведению общественных классах. «Тюрьма вполне преуспела в производстве делинквентности особого типа, политически и экономически менее опасной – а иногда и полезной – формы противозаконности; в производстве делинквентов, казалось бы маргинальной, но на самом деле централизованно контролируемой среды; в производстве делинквента как патологического субъекта. Успех тюрьмы в борьбе вокруг закона и противозаконностей состоит в том, что она устанавливает “делинквентность”» [16, с. 406–407].

Формирование делинквентности дает государству инициативу в управлении преступностью. Учет делинквентов, маргинализация делинквентности, надзор за делинквентами дает неоспоримые преимущества. Вместо неконтролируемой массы склонных к криминальному поведению людей «образуется довольно небольшая и замкнутая группа индивидов, которых удобно держать под постоянным надзором», в том числе «посредством выслеживания людей, внедрения в группы, организации взаимного доноительства» и других методов [16, с. 408]. Прирученная преступность менее иррациональна и более управляема – зло неизбежное, но сидящее на цепи.

Логика конструирования преступности может завести еще дальше. Преступность может приносить экономическую выгоду. Новак, комментируя развитие пенитенциарной системы США в послевоенное время, отмечает: «Количество заключенных определялось не уровнем преступности, не потребностями общественного контроля или эффективностью полицейских функций, но желанием сделать преступность источником дохода для правительства и для сотрудников частных фирм» [9, с. 110]. Война

(Кляйн Н. «Доктрина шока»), школа (Иллич И. «Освобождение от школы») и тюрьма (Кристи Н. «Борьба с преступностью как индустрия») могут стать сверхдоходными предприятиями. В такой ситуации «современные институты борьбы с преступностью содержат определенные потенциалы их перерастания в Гулаг западного образца» [9, с. 13], в котором сочетается отсутствие крайней жестокости, образцовая ухоженность и экономическая целесообразность. Сознательный выбор в пользу получения прибыли от войны и тюрьмы напрямую ведет к торжеству негуманных биополитических проектов. Тогда «в современном обществе главная опасность преступности состоит не в преступлениях, а в том, что борьба с преступностью может столкнуть общество на тоталитарный путь развития» [9, с. 14].

На этом основании Т. Матиссен провозглашает задачу сделать заключенных видимыми для общества [20, с. 166]. Формирование непреодолимой дистанции между обществом и отчуждаемой категорией его граждан – условие для успешной реализации негуманного проекта. Поэтому «именно невидимость заключенного позволяет поддерживать идеологические функции тюрьмы. Видимость – ахиллесова пята этих функций» [20, с. 166].

Бэкграунд конфирмантропной биополитики сказывается на уголовной политике различным образом, в том числе в форме наказаний за чудовищные преступления. Д. В. Евсюков отбывает пожизненное лишение свободы в колонии «Полярная сова» Ямало-Ненецкого АО, расположенной за Северным полярным кругом. А. Брейвик отбывает срочное лишение свободы и содержится в одиночной камере площадью 24 кв. м, состоящей из трех комнат: спальни, кабинета и спортзала. Подобное отношение к людям, совершившим безусловное (людодерское) злодеяние, вызывает споры. Представляется, что ценно не то, что им

сохранена жизнь, а то, что общество не позволило себе их линчевать. В этом заключается конфирмантропный бэкграунд на заднем дворе уголовной политики. В такой ситуации есть основания полагать, что «задний двор» уголовной политики останется там, где он и должен быть, а общество не превратится в «задний двор» уголовного суда.

Конструирование преступности должно быть не реактивным, как мультипликация репрессии в ответ на разрастание и качественную трансформацию самого общества, а проактивным, как последовательное внедрение конфирмантропных биополитических начал во все сферы жизни, включая уголовную политику. Конфирмантропная биополитика в конечном итоге – выражение определенных ценностных приоритетов. Конфирмантропная биополитика сближает людей, снимает социальное напряжение, позволяет личности состояться, самореализоваться. «Наказание – это физическое зло, которое, хотя бы оно как естественное следствие, и не было связано с чем-то морально злым, должно быть связываемо с ним как следствие согласно принципам некоторого нравственного законодательства» [8, с. 357].

Такой бэкграунд уголовной политики ведет к уменьшению ее репрессивности на основном фоне повышения благополучия населения. Максимальное счастье максимального числа людей неизбежно связано с задачей очеловечивания самого человека, повышения его минимума нравственности. Холодный математический расчет выгод и издержек до определенной степени эффективен, но латентно способствует расчеловечиванию человека, прокладывая дорогу негуманному биополитическому бэкграунду, «на заднем дворе» уголовной политики оборачивающемуся повышенной репрессивностью, а в масштабах общества – увеличением суммы страданий.

Литература

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011.
2. Беккер Г. С. Человеческое поведение. Экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003.
3. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998.
4. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М., 2016.

Bibliography

1. Agamben Dzh. Homo sacer. Sovereign power and naked life. Moscow, 2011.
2. Bekker G. S. Human behavior. Economic approach. Selected works on economic theory. Moscow, 2003.
3. Bentham I. Introduction to the foundations of morality and legislation. Moscow, 1998.
4. Bostrom N. Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies / transl. from English by S. Filin. Moscow, 2016.

5. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.
6. Исигуро К. Не отпускай меня. М., СПб., 2007.
7. Исмайылов Р. Н. Криминология в обществе постмодерна. СПб., 2018.
8. Кант И. Сочинения в шести томах. М., 1965. Т. 4. Ч. I.
9. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца. М., 2001.
10. Овчинский В. С. Криминология и биотехнологии. М., 2005.
11. Попов Д. В. Амбивалентность биополитики в современном мире // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 4.
12. Попов Д. В. Кризис реципрокности: трансформация биополитики в некрополитику // Философия права. 2019. № 1 (88).
13. Соловьев В. С. Сочинения в 2-х т. М., 1988. Т. I.
14. Стоддарт Л. Бунт против цивилизации. М., 2016.
15. Травма: пункты: сборник статей. М., 2009.
16. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
17. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010.
18. Фукуяма Ф., Бродель Ф. Триумф глобализма. Конец истории или начало? М., 2018.
19. Яркеев А. В. Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект. Екатеринбург, Ижевск, 2018.
20. Mathiesen Th. Prison on trial. 3rd English edition. Winchester, 2006.
21. Weheliye A. G. Habeas viscus: racializing assemblages, biopolitics, and black feminist theories of the human. Durham and London, 2014.
22. Principality of Sealand. URL: <https://www.sealandgov.org/>.
23. Гениальный ученый или опасный авантюрист? Что мы знаем о профессоре Хэ Цзянькуе. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-46963840>.
5. Hegel G. V. F. Philosophy of law. Moscow, 1990.
6. Isiguro K. Never let me go. Moscow; St. Petersburg, 2007.
7. Ismajylov R. N. Criminology in postmodern society. St. Petersburg, 2018.
8. Kant I. Writings in 6 volumes. Moscow, 1965. Vol. 4. Part I.
9. Christie N. Fighting crime as an industry. Forward to the Gulag of the Western model. 2nd ed. Moscow, 2001.
10. Ovchinskij V. S. Criminology and biotechnology. Moscow, 2005.
11. Popov D. V. Ambivalence of biopolitics in the modern world // Bulletin of Omsk state pedagogical University. Humanitarian studies. 2018. № 4.
12. Popov D. V. The crisis of reciprocity: the transformation of biopolitics in necropolitics // Philosophy of law. 2019. № 1 (88).
13. Soloviev V. S. Writings in 2 volumes. Moscow, 1988. Vol. 1,
14. Stoddard L. Revolt against civilization. Moscow, 2016.
15. Trauma: points: collected articles. Moscow, 2009.
16. Foucault M. Supervise and punish. The birth of the prison. Moscow, 1999.
17. Foucault M. The birth of biopolitics. Course of lectures given at the College de France in 1978–1979 academic year. St. Petersburg, 2010.
18. Fukuyama F., Brodel F. The triumph of globalism. The end of history or the beginning? Moscow, 2018.
19. Yarkeev A. V. Ontological foundations of evil in modern society: philosophical-hermeneutic aspect. Ekaterinburg, Izhevsk, 2018.
20. Mathiesen Th. Prison on trial. 3rd English edition. Winchester, 2006.
21. Weheliye A. G. Habeas viscus: racializing assemblages, biopolitics, and black feminist theories of the human. Durham and London, 2014.
22. Principality of Sealand. URL: <https://www.sealandgov.org/>.
23. A brilliant scientist or a dangerous adventurer? What do we know about Professor He Jiankui. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-46963840>.

Козаев Нодар Шотаевич
Kozaev Nodar Shotaevich

профессор кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России
доктор юридических наук, доцент.

Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.
E-mail: nkosaev@mail.ru

Рясов Дмитрий Алексеевич
Ryasov Dmitry Alekseevich

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ставропольского филиала Краснодарского университета
МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: ryasov_dmitriy@mail.ru

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
В СФЕРЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННЫХ ИЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

**Criminal-legal policy of Russia in the sphere of restriction of undesirable activities
of foreign or international non-governmental organizations**

В статье на основе юридического анализа нормы уголовного права, закрепленной в статье 284¹, проведен анализ юридико-технического описания признаков объективной стороны ее состава. Рассматриваются особенности уголовно-правовой регламентации установления ответственности за организацию или участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании ее деятельности нежелательной на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: неправительственная организация, уголовно-правовая политика, уголовно-правовая ответственность, преступление, нежелательность деятельности.

In the article on the basis of the legal analysis of the criminal law norm fixed in article 284¹ the analysis of the legal and technical description of signs of the objective party of its structure is carried out. The article deals with the peculiarities of criminal legal regulation of establishing responsibility for the organization or participation in the activities of a foreign or international non-governmental organization, in respect of which a decision was made to recognize its activities as undesirable in the territory of the Russian Federation.

Keywords: non-governmental organization, criminal law policy, criminal liability, crime, undesirability of activities.

Активно реализуемая государством уголовно-правовая политика в области охраны основ конституционного строя и безопасности государства обусловила появление новых и изменение уже действующих норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающих ответственность за посягательства на безопасность государства.

Наряду с уголовным законодательством существенно изменились бланкетные нормы законодательства, имеющие иную (не уголовно-правовую) отраслевую принадлежность, но со-

ставляющие правовую основу противодействия современным угрозам безопасности государства и основам его конституционного строя.

Данное обстоятельство обусловило возникновение непростой ситуации, связанной с определением правового статуса иностранной или международной неправительственной организации (далее – НПО), а также разработкой механизма правового регулирования их деятельности.

Несмотря на очевидную полезность деятельности неправительственных организаций,

представляющих собой универсальную площадку реализации инициатив гражданского общества в решении узкого спектра проблем общественной и политической жизни, данная организационно-правовая форма является удобной «ширмой», обеспечивающей прикрытие деятельности, представляющей угрозу основам конституционного строя и государственной безопасности России.

В последние десятилетия мировая история пополнилась множеством примеров деятельности иностранных (международных) НПО, основу которой составляет стратегия «мягкой силы», способствующая последовательному продвижению и культивированию общественной идеологии, несущей угрозу основам конституционного строя и безопасности государства.

Реагируя на подобные угрозы национальной безопасности Российской Федерации [1], приняты законодательные инициативы, в результате которых Особенная часть УК РФ была дополнена нормой, закрепившей правовой институт нежелательности деятельности на территории России иностранных и международных неправительственных организаций [2].

Нормативный правовой акт, дополнивший редакцию Особенной части УК РФ статьей 284¹, установил в ее составе основание для уголовной ответственности за осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании осуществляемой ею деятельности нежелательной на территории Российской Федерации.

Введение нового, ранее не известного российскому уголовному законодательству института нежелательности деятельности на территории России иностранных и международных организаций целиком укладывается в контекст реализуемой государством уголовно-правовой политики в области ограничения деятельности иностранной или международной НПО, представляющей угрозу безопасности государства.

Следует отметить некоторое сходство мер государственного реагирования на нежелательную деятельность в пределах территории России иностранных и международных неправительственных организаций с мерами, предпринимаемыми в рамках международно-правового института *persona non grata*, получившего закрепление в ст. 9 Венской конвенции о дипломатических сношениях (1961 года) [3], согласно которой принимающее государство наделено полномочиями «в любое время и без

необходимости объяснения причин» объявить любого члена дипломатического корпуса *persona non grata*. В сложившейся международной практике статус *persona non grata* означает официальное признание государством нежелательности дальнейшего пребывания на его территории лица в силу вполне конкретных обстоятельств, как правило, связанных с ранее осуществляемой им деятельностью, представляющей угрозу основам конституционного строя и безопасности государства.

Роднит данные правовые институты и основания объявления лица *persona non grata*, как правило, осуществление деятельности, представляющей объективную угрозу безопасности государства, территориальной целостности либо обороноспособности, наряду с этим такое решение возможно и как символ выражения недовольства.

Используемый законодателем при конструировании ст. 284¹ УК РФ термин «неправительственная организация», определяющий форму осуществления деятельности международной или иностранной организации, представлен в качестве одного из признаков объективной стороны данного состава преступления. Поскольку уголовный закон не раскрывает используемые в статье 284¹ понятия, а их уяснение требует обращения к нормативным правовым актам иной отраслевой принадлежности, это указывает на бланкетный характер диспозиции анализируемой статьи УК РФ.

Первое упоминание термина «неправительственная организация» появилось сравнительно недавно – в 1945 году после подписания Устава Организации Объединенных Наций. В ст. 71 Главы 10 Устава ООН было впервые сформулировано понятие «неправительственная организация», использованное в контексте взаимодействия с Экономическим и социальным советом ООН. Однако до настоящего времени данное понятие не унифицировано в международных правовых институтах, а в национальном законодательстве России определены формы организации и осуществления деятельности «иностранной некоммерческой неправительственной организации», в то время как правовой статус международной некоммерческой неправительственной организации не определен ни в международной, ни в национальных правовых системах (в том числе России).

Данный законодательный пробел порождает распыленность в уяснении понятия «неправительственная организация».

В целях установления специфических особенностей разнообразных национальных и межнациональных НПО изобретаются такие аббревиатуры, маркирующие определенные сферы деятельности, как BINGOs, где первые две буквы обозначают big international (крупная международная неправительственная организация), GONGOs – governmentoperated (управляемая правительством), QUANGOs – quasiautonomous (полуавтономная), ENGOS – environmental (относящаяся к окружающей среде) и даже TANGOs – technical assistance (техническое содействие).

Международно признанный термин «неправительственная организация» (nongovernmental organization, NGO, НПО) употребляется в целях определения всех форм реализации права человека на свободу объединения в универсальной и европейской системах защиты прав человека. Деятельность и статус НПО в Европе регламентированы решением Комитета министров Совета Европы, законодательно закрепившим «Отношения между Советом Европы и неправительственными организациями (НПО)» [4].

В российском законодательстве, определяющем особенности гражданско-правового положения некоммерческих организаций, их организационно-правовые формы, виды и типы, а также возможные формы поддержки, основным нормативным правовым актом является ФЗ «О некоммерческих организациях» [5].

Таким образом, исходя из перечисленных выше признаков, можно заключить, что для целей ст. 284¹ УК РФ, НПО представляет собой общественное объединение, действующее без регистрации в качестве юридического лица, созданное по инициативе физических и юридических лиц без участия государства в какой бы то ни было форме, осуществляющее свою деятельность на юридически закреплённой основе, получившее признание хотя бы одним иностранным государством или обладающее консультативным статусом при международных или межправительственных организациях, то есть учреждённое на основании межправительственного соглашения.

Определяя характер общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 284¹ УК РФ, следует отметить особенности его объекта. В доктрине уголовного права встречаются различные подходы к уяснению содержания признаков родового объекта группы общественно опасных деяний, предусмотренных нормами главы 29 УК РФ, общим для кото-

рых является сложившаяся в государстве система общественных отношений, обеспечивающих стабильность и нормальное функционирование государственной власти как целостной системы, так и ее отдельно взятых институтов и органов.

Основными элементами, составляющими содержание родового объекта преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, являются:

- основы конституционного строя и безопасность государства;
- установленный порядок деятельности институтов государственной власти, государственной службы и органов муниципального самоуправления;
- законодательно определенный порядок функционирования судебной ветви государственной власти;
- установленный порядок управления.

Данные элементы определяют качественные особенности видовых объектов однородных преступлений, составляющих содержание главы 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Правовое регулирование данной системы общественных отношений обеспечивается нормами различных отраслей права, таких как Федеральные законы «О безопасности» [6], «О Государственной границе Российской Федерации» [7], «О противодействии экстремистской деятельности» [8] и другие.

Необходимо отметить, что в настоящее время отсутствует законодательное закрепление категории «конституционный строй», в связи с чем в юридической литературе сложились различные подходы к ее пониманию. Анализ доктринальных источников в части уяснения правовой сущности конституционного строя государства позволяет систематизировать авторские позиции относительно двух основных подходов: юридический (широкий) и аксиологический (узкий). Конституционный строй в узком его смысле следует рассматривать как систему экономических, социальных, культурных, политических и иных отношений, закреплённых в Конституции РФ и гарантируемых ею [9; 10; 11; 12].

В широком понимании конституционный строй наряду с формально закреплёнными в Конституции РФ положениями, определяющими государственное устройство, предполагает подчиненность государства праву, то есть соблюдение прав и свобод человека и граждани-

на, осуществление государственного управления в строгом соответствии с Конституцией РФ и так далее [13; 14].

Конституционный строй лежит в основе построения взаимоотношений между человеком, обществом и государством. В законодательстве Российской Федерации основы конституционного строя перечислены в гл. 1 Конституции РФ, которая имеет соответствующее название «Основы конституционного строя». В качестве одной из основ в ст. 3–4 Основного закона РФ назван суверенитет, являющийся качественным признаком государства.

Обороноспособность, обеспечивая содержание основ конституционного строя государства, определяет надлежащий уровень экономического, военного, социально-нравственного потенциала, достаточного для обеспечения надежной защиты суверенитета государства и его территории от любой формы интервенции извне.

Территориальная неприкосновенность государства находится в тесной связи с надлежащим уровнем его обороноспособности, поскольку любые военные вторжения извне преследуют изменение территориальных границ государства. В свою очередь, территориальная целостность Российской Федерации предполагает нерушимость государственных границ (сухопутных, водных и воздушных).

Видовым объектом преступления, закрепленного в нормах ст. 284¹ УК РФ, является безопасность государства.

В уголовно-правовой доктрине устоявшимся является понимание безопасности как составного, комплексного либо многоаспектного явления, охватывающего наиболее важные сферы жизни общества и государства, которые тесно взаимосвязаны между собой [15].

Понимание безопасности государства применительно к определению видовой группы преступлений, составляющих содержание главы 29 УК РФ, в уголовно-правовой доктрине не является однозначным. Отдельные авторы предлагают рассматривать безопасность государства как комплекс мер, обеспечивающих защиту от общественно-опасных посягательств на конституционный строй государства, правовое положение личности в государстве, системы экономических отношений, реализуемых на государственном уровне и государственной политической системой [16]. Согласно другой точке зрения, безопасность государства представляет собой состояние стабильности и защищенности конституционного строя от существующих источников опасности [17].

В соответствии с Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1] стратегическими целями государственной и общественной безопасности являются: защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Следует отметить, что большинство из указанных в Указе Президента РФ угроз нашли отражение в видовой группе преступлений, в содержание которой входит ст. 284¹ УК РФ. Тем не менее стремительно меняющаяся геополитическая обстановка как в стране, так и в мире, требует системного научного осмысления юридической конструкции указанных норм в целях повышения их эффективности в противодействии современным угрозам конституционному строю и безопасности государства.

Под безопасностью государства в контексте рассматриваемых вопросов следует понимать состояние защищенности государства от угроз внутреннего и внешнего характера, а также поддержание надлежащего состояния, обеспечивающего реализацию конституционных положений, гарантирующих соблюдение прав и свобод человека и гражданина, общества и органов государственной власти. Безопасность государства обеспечивается системой общественных отношений, складывающихся в области обороноспособности, экономического и политического суверенитета, обеспечения территориальной целостности Российской Федерации.

Рассматривая состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 284¹ УК РФ, принимая во внимание признаки его видовой группы, следует предположить, что его основным объектом является совокупность общественных отношений, складывающаяся по поводу охраны безопасности Российской Федерации, защищенности жизненно важных интересов государства, то есть конституционного строя, суверенитета, обороноспособности и территориальной неприкосновенности России от внешних и внутренних угроз.

Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется совершением одного из альтернативно определенных действий: а) руководство деятельностью на тер-

ритории Российской Федерации иностранной или международной НПО, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации; б) участие в такой деятельности.

С учетом формальной конструкции объективной стороны рассматриваемого состава преступления логичным было отметить момент окончания данного преступления, указав на фактическое совершение одного из альтернативно определенных признаков общественно опасного деяния, однако, принимая во внимание особенности законодательной конструкции ч. 1 ст. 284¹ УК РФ, а именно возможность привлечения к уголовной ответственности лица, ранее в течение года подлежащего административной ответственности за аналогичное деяние, момент окончания преступления юридически отсутствует. При повторном совершении в течение года административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, возникает возможность привлечения лица к уголовной ответственности. Это обусловлено особенностями административной преюдиции. Иными словами, данное деяние становится уголовно наказуемым в случае его совершения повторно лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.33 КоАП РФ, либо когда содеянное образует признаки деяния, предусмотренного квалифицированным составом (ч. 2 ст. 284¹ УК РФ).

Дополнение УК РФ нормой об ответственности за совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение, является устоявшимся трендом уголовно-правовой политики, направленной на гуманизацию уголовного законодательства и экономию репрессии [6]. Вместе с тем расширение института административной преюдиции в уголовном законодательстве все чаще становится поводом острой дискуссии в вопросах обоснованности и целесообразности существования в УК РФ данного правового института, что способствует расколу в уголовно-правовой доктрине, разделяя ее представителей на два противоположных лагеря.

Противники административной преюдиции выступают за исключение данного правового института из уголовного права, обосновывая это тем, что данный правовой институт является

прямым нарушением принципа виновной ответственности, кроме того, авторы видят в административной преюдиции риск возрождения концепции «опасного состояния личности», а также указывают на отсутствие юридического основания (ст. 8 УК РФ) уголовной ответственности [7].

Сторонники рассматриваемого института административной преюдиции отмечают преимущества преюдиции в части решения задач предупреждения преступности и частично декриминализации деяний [8].

С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает противоправный характер совершаемых им действий, официально разъясненных ему ранее, в связи с их юридической оценкой на этапе привлечения виновного к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ст. 20.33 КоАП РФ, в связи с чем ему было разъяснено об уголовной ответственности в случаях повторного совершения в течение одного года противоправных действий.

Субъект преступления – специальный, им является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16-ти лет, ранее привлекавшееся к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года.

Предусмотренное в примечании к ст. 284¹ УК РФ императивное основание освобождения от уголовной ответственности свидетельствует о стремлении государства к поиску компромисса в урегулировании возможного уголовно-правового конфликта, возникающего в связи с совершением рассматриваемого преступления.

В заключение следует вспомнить о гуманизации и либерализации современной уголовно-правовой политики России. Относительно ограничения деятельности иностранной или международной НПО, признанной в установленном законом порядке, это выражается в установлении административной преюдиции, позволяющей реагировать на такую деятельность нормами административного законодательства. Неоднозначно воспринимаемый как уголовно-правовой доктриной, так и правоприменительной практикой, институт административной преюдиции, служит официальным предостережением лиц, осуществляющих деятельность иностранных или международных НПО в нарушение российского законодательства. Кроме того, законодательно закрепленное императивное основание освобождения от уголовной ответственности лиц, осуществляю-

щих запрещенную законом деятельность, свидетельствует о стремлении государства к экономии репрессии и поиску компромисса в уре-

гулировании возможного уголовно-правового конфликта, возникающего в связи с совершением рассматриваемого преступления.

Литература

Bibliography

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Ч. II. Ст. 212.

2. Федеральный закон от 23.05.2015 № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 21. Ст. 2981.

3. Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18.04.1961) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 18. Ст. 221.

4. Отношения между Советом Европы и неправительственными организациями. Решение Комитета министров Совета Европы, 837-ое заседание. Страсбург, 16 апреля 2003. URL: <http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/cdcj/ONG/Principes%20version%20russe.pdf>.

5. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (в ред. ФЗ РФ от 29.07.2018 № 260-ФЗ) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

6. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

7. Федеральный закон от 01.04.1993 № 4730-1 (в ред. от 29.07.2018 № 270-ФЗ) «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 17. Ст. 594.

8. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

9. Румянцев О. Г., Додонов В. Н. Юридический энциклопедический словарь. М., 1996.

10. Конституционное (государственное) право России: учебник / под общ. ред. В. П. Сальникова. М., 2005.

11. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 1998.

12. Конституционное право России: учебник / под ред. А. Е. Постникова. М., 2008.

13. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. 6-е изд., изм. и доп. М., 2007.

1. Decree of the President of the Russian Federation of 31.12.2015 № 683 «On the national security Strategy of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. № 1. Part II. Art. 212.

2. Federal law of 23.05.2015 № 129-FL «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2015. № 21. Art. 2981.

3. Vienna convention on diplomatic relations (concluded in Vienna 18.04.1961) // Vedomosti Supreme Soviet of the USSR. 1964. № 18. Art. 221.

4. Relations between the Council of Europe and non-governmental organizations. Decision of the Committee of ministers of the Council of Europe, 837th meeting. Strasbourg, 16 April 2003. URL: <http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/cdcj/ONG/Principes%20version%20russe.pdf>.

5. Federal law of 12.01.1996 № 7-FL (as amended by Federal law of 29.07.2018 № 260-FL) «On non-profit organizations» // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 3. Art. 145.

6. Federal law of 28.12.2010 № 390-FL «On safety» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Art. 2.

7. Federal law of 01.04.1993 № 4730-1 (as amended from 29.07.2018 № 270-FL) «On the State border of the Russian Federation» // Vedomosti Congress of people's deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. № 17. Art. 594.

8. Federal law of 25.07.2002 № 114-FL «On countering extremist activity» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3031.

9. Romyantsev O. G., Dodonov V. N. Legal encyclopedic dictionary. Moscow, 1996.

10. Constitutional (state) law of Russia: textbook / ed. by V. P. Salnikov. Moscow, 2005.

11. Big encyclopaedic dictionary / under ed. of A. Ya. Sukharev, V. D. Zorkin, V. E. Krutskikh. Moscow, 1998.

12. Constitutional law of Russia: textbook / ed. by A. E. Postnikov. Moscow, 2008.

13. Baglay M. V. Constitutional law of the Russian Federation: textbook. 6th edition, amended and supplemented. Moscow, 2007.

-
-
14. Конституционное право России: учебник для студентов вузов / под ред. А. С. Прудникова, В. И. Авсенко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
15. Кузнецов В. Н. Социология безопасности: учебное пособие. М., 2007.
16. Григорьева Л. В. О научном подходе к уголовно-правовой оценке действий экстремистской направленности // Современное право. 2015. № 7.
17. Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999.
18. Хлебущкин А. Г. Уголовно-правовые и административно-правовые меры противодействия экстремистской деятельности: вопросы экономики репрессии // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, профессора В. Д. Сорокина. СПб., 2014.
19. Ямашева Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном праве России // Журнал российского права. 2009. № 10.
20. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3.
21. Кибальник А. Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2.
22. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005.
23. Колосова В. И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 1.
24. Малков В. П. Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3.
25. Пикуров Н. И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками. М., 2009.
14. Constitutional law of Russia: textbook for university students / ed. A. S. Prudnikov, V. I. Avsenko. 2nd ed., revised and completed. Moscow, 2006.
15. Kuznetsov V. N. Sociology of security: a training manual. Moscow, 2007.
16. Grigorieva L. V. On the scientific approach to the criminal-legal assessment of actions of extremist orientation // Modern law. 2015. № 7.
17. Dyakov S. V. State crimes (against the foundations of the constitutional system and the security of the state) and state crime. Moscow, 1999.
18. Khlebushkin A. G. Criminal-legal and administrative-legal measures of counteraction to extremist activity: issues of economic repression // Actual problems of administrative and administrative-procedural law: materials of the annual all-Russian scientific-practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of the honored worker of science of the Russian Federation, Professor V. D. Sorokin. St. Petersburg, 2014.
19. Yamasheva E. V. To the question of the restoration of the institution of administrative prejudice in criminal law of Russia // Journal of Russian law. 2009. № 10.
20. Lopashenko N. A. Administrative prejudice in criminal law – no! // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation. 2011. № 3.
21. Kibalnik A. G. Inadmissibility of administrative prejudice in criminal law // The forensic library. Scientific journal. 2013. № 2.
22. Klepickij I. A. System of economic crimes. Moscow, 2005.
23. Kolosova V. I. Administrative prejudice as a means of crime prevention and improvement of criminal legislation // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2011. № 1.
24. Malkov V. P. Administrative prejudice: pros and cons // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation. 2011. № 3.
25. Pikurov N. I. Qualification of crimes with blank signs. Moscow, 2009.

Максимов Павел Викторович
Maksimov Pavel Viktorovich

заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук.

Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.
Тел.: +7 (938) 531-86-55.

**ПРИЗНАКИ БАНДИТИЗМА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ДО КОДИФИКАЦИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВА (ДО 1922 ГОДА)**

**Signs of banditry in the legislation of the Soviet state in the period before
the codification of criminal law (till 1922)**

В статье рассматриваются особенности законодательного регулирования признаков состава бандитизма как общественно опасного деяния в правовых актах советского государства в период до принятия первого Уголовного кодекса РСФСР. Автор анализирует юридические акты, в которых регулировалась ответственность за бандитизм. Отмечается, что первоначально бандитизм отграничивался от иных преступных действий, которые позже будут входить в его состав, что можно объяснить чрезвычайно напряженной военно-политической и социально-экономической обстановкой в стране, в которой советская власть стремилась использовать жесткое наказание за бандитизм в своих целях. По этой же причине признаки бандитизма регулировались в сравнительно небольшом объеме и во многом повторяли аналогичные уголовно-правовые нормы в законодательстве Российской империи.

Ключевые слова: бандитизм, признаки, вооруженные нападения, декрет, советская власть, шайка, уложение, наказание, банда.

Features of legislative regulation of signs of banditism as a socially dangerous act in legal acts of the Soviet state in the period prior to the adoption of the first Criminal Code of the RSFSR (1922) are considered. Analyzed legal acts, which regulated the responsibility for banditry. It is noted that initially banditry was delimited from other criminal acts that would later become part of it, which can be explained by the extremely tense military-political and socio-economic situation in the country in which the Soviet authorities sought to use harsh punishment for banditry for their own ends. For the same reason, the signs of banditry were regulated in a relatively small volume and in many respects repeated similar criminal law norms in the legislation of the Russian Empire.

Keywords: gangsterism, signs, armed attacks, decree, Soviet power, crew, code, punishment, gang.

Бандитизм как самостоятельный состав преступления первоначально был обозначен советским законодателем в Декрете СНК от 13 июля 1918 года «О суде», где, в частности, указывалось: «На Местные Народные Суды возложить рассмотрение всех уголовных дел о преступлениях и проступках, за исключением дел о посягательствах на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции, рассмотрение которых отнести к ведению Окружных Народных Судов» [1]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что данный акт был издан в критический пе-

риод существования советского государства и вряд ли составители этого закона со всей тщательностью прорабатывали его текст. Тем не менее состав бандитизма включен в этот перечень и отграничен от преступлений, совершение которых часто сопровождается бандитскими нападениями (убийство, разбой, изнасилование), но в современном понимании бандитизма. А тогда бандитизм, как можно предположить, исходя из данного акта и крайне напряженной общественно-экономической и военной обстановки (гражданская война, острое противоборство политических структур, экономический кризис, криминогенный взрыв),

включал в себя несколько инос. И в этой связи указанное ограничение перечисленных в Декрете составов преступлений от бандитизма представляется не случайным – оно связывалось, вероятно, с необходимостью противодействия нападениям, совершаемым вооруженными группами, прежде всего, на организации и физических лиц с целью дестабилизации социального порядка и извлечения выгод политико-властного и связанного с ним имущественного характера.

И таких вооруженных нападений было очень много, что находит вполне логическое объяснение, если учесть наличие в стране нескольких сотен тысяч военнослужащих, когда-то мобилизованных на Первую мировую войну и влившихся после возвращения с фронта в вооруженные подразделения многочисленных квазигосударственных структур или организовавшихся в отдельные никому не подконтрольные вооруженные отряды на местах, как правило, в районах своего постоянного проживания. Нападения этих и им подобных вооруженных формирований стали представлять для советской власти серьезную опасность, не намного уступающую опасности от прямых посягательств на большевиков как на государственную власть со стороны их политико-классовых противников.

Такое явление было для России в переживаемый исторический момент совершенно новым, и соответствующие социально опасные деяния нужно было как-то обозначать. Так, видимо, и появилось понятие бандитизма, за которое с самого начала предусматривалось строгое наказание, вплоть до расстрела [2, с. 169]. Однако, как уже отмечалось, на бандитизме тогда акцента сделано не было, о чем свидетельствует, в частности, статья видного революционного деятеля, правоведа, одного из создателей правовой советской системы П. И. Стучки, который, оценивая спустя тринадцать лет этот закон, отмечал, что его сутью была цель ликвидировать прежний суд и прежнюю законодательную основу в целом [3, с. 27], а вовсе не бандитизм.

И только спустя год, когда ситуация в стране несколько стабилизировалась, советская власть озаботилась содержательным наполнением введенного в законодательный оборот состава бандитизма. Это было сделано, хотя только лишь несколькими штрихами, в Дек-

рете ВЦИК от 20 июня 1919 года «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» [4], в котором давалось разъяснение «права непосредственной расправы», предоставляемого ВЧК и губернским чрезвычайным комиссиям, за совершение некоторых видов преступлений, совершаемых в местностях, которые объявлены на военном положении в соответствии с постановлением ВЦИК от 17 февраля 1919 года [5]. В числе указанных видов преступлений как раз и значился бандитизм (п. 7 Декрета). Состав бандитизма как социально опасного деяния раскрывался здесь следующим образом: «Участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество и укрывательство такой шайки».

Это и есть исходная законодательная позиция советской власти по вопросу об объективной стороне бандитизма. При этом нужно отметить, что объем правового регулирования очень мал, фактически речь идет только об одном предложении. Указанная формулировка состава бандитизма явно заимствована из законодательства Российской империи, несмотря на стремление П. И. Стучки и других революционеров-радикалов одновременно отвергнуть все прежние государственно-правовые институты, этого сделать не удалось. Так случилось и с бандитизмом. Советские политики и правоведы на начальной стадии развития состава бандитизма так и не нашли подходящей формулировки, чтобы обозначить бандитизм в тех формах, которые имели место в послереволюционное время, соответственно, пришлось обратиться к опыту законодательства Российской империи. В этой связи нужно заметить, что российский законодатель монархического периода в уголовном законодательстве использует такие понятия, как «бунт», «скопище», «шайка». «Банда» как уголовно-правовой термин не фигурировал, это не означало, что данный термин вообще не был известен в монархической России. В частности, в известном словаре Брокгауза и Ефрона можно увидеть, что под «бандой» (отрядом) (*banda, bande* – от лат. *bandum* или от нем. *band*) понимались «отряды рыцарской и другой конницы, а иногда – и пехоты феодальных армий; также и те бродячие наемные дружины, предлагавшие свои услуги всякому, кто им платил или обещал добычу» [6]. Словарь

Брокгауза и Ефрона указывает также, что в нашей стране термин «банда» был введен в общий оборот со времени польского восстания 1863 года, где «повстанцы именовали свои отряды “партиями” или “бандами”, которые нападали на подразделения российской армии. В смысле юридического термина слово “банда”, употребляемое некоторыми западными законодательствами, например, французским, соответствует нашему термину “шайка”» [6, с. 308].

Если иметь в виду монархическое законодательство, то термин «шайка» появляется в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [7]. Здесь интерес представляет ряд разделов и, прежде всего, раздел 3 «О преступлениях государственных», который делится на ряд глав. Например, глава «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлений» о наказуемости такого деяния, как «составление злонамеренных шаяк и вступление в оные», что предусмотрено ст. 1146 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. И далее раскрываются разновидности «шаяк» и «сообществ», имевших преступный характер, в частности, указывается на «составление сообщества для преступлений государственных», участие в этом сообществе и недонесение о нем властям (ст. 1147). Согласно ст. 1148 предусматривалась ответственность за «составление шайки для разбоев или зажигательств»; здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что наказание следовало за само создание такой шайки, даже если «составленная шайка не учинила еще никакого преступления», что является прообразом одного из признаков объективной стороны будущего, уже советского, состава бандитизма, и одновременно эти нормы определяли позицию законодателя о соучастии [8; 9].

Поскольку Уложение о наказаниях уголовных и исправительных не давало толкования понятию «шайка», это делалось на уровне доктринальных моделей. Так, в середине XIX века существовала точка зрения, согласно которой главный признак шайки заключался в целеполагании, то есть цель шайки – «цельный ряд в отдельности еще не определенных, однородных или разнородных преступлений, кои они решаются совершать совокупными силами ... различие шайки от сообщества обыкновенных

заговорщиков заключается не в большем количестве преступников, но в неопределенности числа и предмета предполагаемых преступлений» [10, с. 120–121]. Но уже с конца XIX века шайка рассматривается в основном как вид преступного соучастия [11, с. 108; 12, с. 99–103]. В следующем императорском уголовном законе – Уголовном уложении 1903 года [13] сводный состав бандитизма также отсутствует, а отдельные его элементы включены в составы иных преступлений. Так, в ст. 100 говорится о «насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленных Законами Основными образа правления или порядка наследия Престола...». В ст. 102 указывается на «участие в сообществе, составившемся для учинения тяжкого преступления, статьею 100 предусмотренного». Составы указанных преступлений были включены в главу 3 Уложения «О бунте против Верховной власти и о преступных деяниях против Священной особы императора и Членов Императорского Дома».

Как видно из монархического уголовного законодательства, советская власть для первоначального раскрытия понятия бандитизма использовала дореволюционное понятие шайки, при этом обозначались основные объекты преступных посягательств: государственный строй и собственность. Тем самым, по сути, была predetermined дифференциация советского бандитизма в первые годы после Октябрьской революции на политический и уголовный бандитизм. Вместе с тем нельзя не отметить парадоксальное явление, которое заключается в том, что советское государство, впервые раскрывая в законе от 20 июня 1919 года понятие бандитизма («участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество и укрывательство такой шайки»), ограничивается только уголовной составляющей, в то время как логичнее было включить по опыту законодательства Российской империи также и политическую (антигосударственную) составляющую в преступной деятельности шайки. Кроме того, при таком подходе лишалось смысла и изменение названия «шайка» на «бандитизм», то есть бандитизм как термин вообще был бы не нужен.

Однако, более внимательный анализ данной правовой ситуации показывает, что совет-

ский законодатель действовал все же по определенной логике. Прежде всего, обратим внимание на то, что сам перечень тяжких преступлений в Декрете от 20 июня 1919 года, за совершение которых ЧК наделялась правом «непосредственной расправы», выстроен в определенной иерархии – от более опасных деяний к менее опасным: «1. Принадлежность к контрреволюционной организации и участие в заговоре против Советской власти. 2. Государственная измена, шпионаж, укрывательство изменников, шпионов. 3. Соккрытие в контрреволюционных целях боевого оружия. 4. Подделка денежных знаков, подлог в контрреволюционных целях документов. 5. Участие в контрреволюционных целях в поджогах и взрывах. 6. Умышленное истребление или повреждение железнодорожных путей, постов и других сооружений, телеграфного и телефонного сообщения, складов воинского вооружения, снаряжения, продовольственных и фуражных запасов. 7. Бандитизм (участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество и укрывательство такой шайки). 8. Разбой и вооруженный грабеж. 9. Взлом Советских и общественных складов и магазинов с целью незаконного хищения. 10. Незаконная торговля кокаином» [4].

Очевидно, что политическая составляющая вполне отражена, причем однозначно в четырех составах преступлений (это 50 % преступлений от всех, включенных в рассматриваемый перечень), а уголовная составляющая в Декрете усилена, именно бандитизмом охватываются также и убийства, чего не предусматривали императорское Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Уголовное уложение, в связи с чем сохранение только лишь термина «шайка» было бы не совсем правильным шагом. И все-таки возникает вопрос о том, почему же в дальнейшем и довольно быстро, практически сразу, бандитизм, помимо уголовной составляющей, получил также политическую, причем довольно основательную? Полагаем, что советский законодатель недооценил количественных масштабов банд (шак), их вооруженности и социальных ценностей, на которые они посягали, и в целом уровень правового нигилизма был очень высоким [14, с. 4–9]. Ранее указывалось, что никому не подчиняющихся вооруженных групп на всей территории России было очень

много, а успехи Красной Армии в Гражданской войне только лишь увеличивали их число, поскольку отступавшие войсковые подразделения, уже по определению ставшие врагами советской власти, разбрасывались на широких ареалах и далеко не всем удавалось бежать за границу или легализоваться, и участие в бандах было, по сути, формой их выживания; соответственно, даже если они при нападении совершали всего лишь грабеж, то получалось, что это делали «контрреволюционеры», то есть деятельность бандитов получала с неизбежностью политический окрас.

Шайки по прежнему законодательству не имели вооруженности как обязательный признак (имел место толькоотячающий вина признак). Но в советской России в силу сложившихся обстоятельств, на что ранее указывалось, оружия было очень много, и вряд ли в те годы орудовали банды (шайки), не имевшие его. Таким образом, вооруженность де-факто стала обязательным признаком банды (шайки). Кроме того, советская власть предпринимала жесткие меры по национализации экономики, весьма чувствительно затрагивая интересы бывших собственников, включая мелких (крестьян, лавочников и другие).

Отказываясь принимать новые правила коммунистического бытия, многие из них, оказавшись в бандах (шайках), совершали целенаправленные нападения на органы власти и должностных лиц, что также являлось политическим деянием; такие действия можно было, конечно, квалифицировать как контрреволюционные и относить к иным составам преступлений в указанном выше перечне преступлений в Декрете от 20 ноября 1919 года, однако преступления банд (шак) имели ярко выраженную специфику: устойчивость преступной группы, вооруженность, применение дерзкого насилия (нападение), что в совокупности создавало опасность самим фактом создания такой банды (шайки).

Полагаем, что именно по указанным причинам советская власть, сначала восприняв шайку как форму преступного соучастия, в процессе борьбы за власть сделала переоценку специфики преступной деятельности шак с учетом складывавшейся в России военно-политической обстановки. И уже в Постановлении СТО от 6 декабря 1920 года «О мерах борьбы с бандитизмом и об управлении войсками

внутренней службы на Украине» указывалось: «...очищение Украины от бандитизма и тем самым обеспечение в ней устойчивого советского режима является вопросом жизни или смерти для Советской Украины и вопросом исключительной важности для всей Советской Федерации и ее международного положения, а сама борьба с бандитизмом представляет большую и самостоятельную стратегическую задачу...» [15]. Как видно, такая оценка вывела бандитизм за пределы банальной уголовщины и делала это деяние политико-уголовным преступлением, а термин «шайка» позже вышел из оборота.

Довольно активно в те годы использовались такие термины, как «калединская банда», «корниловская банда», «хулиганская банда», «деникинские банды», «красновские банды», «шпионские банды», «белогвардейские банды», «банды зеленых», «банда Антонова», что со всей очевидностью показывает приоритет политических (военно-политических) оценок бандитизма над сугубо уголовно-правовы-

ми характеристикам. И в целом термин «банда» явно пришелся к месту для большевиков. Уже в УК РСФСР 1922 и 1926 годов бандитизм рассматривался, прежде всего, как преступление контрреволюционного характера (этот состав включался в главу «Государственные преступления»). В указанных кодексах имел место единый подход к регулированию состава бандитизма, значительно более совершенный, чем ранее в разрозненных актах. В литературе справедливо указывается, что в этих кодексах бандитизм впервые получил системное регулирование и был определен как преступление с усеченным составом, когда уголовная ответственность наступает за сам факт создания банды, даже если она не совершила ни одного нападения [16, с. 7–11]. Тем самым был определен вектор дальнейшего развития состава бандитизма, которое плавно приведет к составу бандитизма, предусмотренного в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации.

Литература

1. Декрет СНК РСФСР от 13.07.1918 № 3 «О суде» // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.
2. Упоров И. В. Институт уголовного наказания в советском государстве начального периода // Журнал российского права. 2000. № 11.
3. Стучка П. И. Революционная роль советского права. М., 1931.
4. Декрет ВЦИК от 20.06.1919 «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 27. Ст. 301.
5. Постановление ВЦИК от 17.02.1919 «О Всероссийской Чрезвычайной Комиссии» // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 12. Ст. 130.
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (утверждено императором 15.08.1845 г.) // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. № 19283. СПб., 1846.
8. Грошев А. В., Упоров И. В. Уголовное право России. Общая часть: краткий учебный курс. Ростов н/Д, 2006.

Bibliography

1. Decree of the Council of people's commissars of the RSFSR of 13.07.1918 № 3 «On the court» // Assembly of laws of the RSFSR. 1918. № 52. Art. 589.
2. Uporov I. V. The institute of criminal punishment in the Soviet state of the initial period // Journal of Russian law. 2000. № 11.
3. Stuchka P. I. The revolutionary role of Soviet law. Moscow, 1931.
4. Decree of the all-Russian Central Executive Committee of 20.06.1919 «On exemptions from general jurisdiction in areas declared martial law» // Collection of laws of the RSFSR. 1919. № 27. Art. 301.
5. Resolution of the all-Russian Central Executive Committee of 17.02.1919 «On the all-Russian emergency Commission» // Collection of laws of the RSFSR. 1919. № 12. Art. 130.
6. Brockhaus and Ephron encyclopedic dictionary. St. Petersburg, 1890.
7. The code of criminal and correctional punishments (approved by the Emperor 15.08.1845) // The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection the second. № 19283. St. Petersburg, 1846.
8. Groshev A. V., Uporov I. V. Criminal law

9. Турицын И. В., Упоров И. В. Виды государственного принуждения, применяемого правоохранительными органами, и принципы его реализации // *Право и практика*. 2013. № 4.
10. Жиряев А. С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850.
11. Конспект по уголовному праву и процессу, составленный по лекциям профессоров Фойницкого, Случевского, Сергеевского и др. Одесса, 1898.
12. Сальников А. В. Исторический генезис понятий «шайка» и «банда» как разновидностей соучастия особого рода в отечественном законодательстве // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2016. № 7.
13. Уголовное уложение (утвержденное императором от 22.03.1903 г.) // *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье*. № 22704. СПб., 1846.
14. Упоров И. В. Историко-ментальные причины правового нигилизма в России и условия его трансформации в правовой позитивизм // *Право и практика*. 2013. № 4.
15. Постановление СТО от 06.12.1920 «О мерах борьбы с бандитизмом и об управлении войсками внутренней службы на Украине» // *Декреты Советской власти*. М., 1986. Т. 12.
16. Краснова К. А., Волкова М. А. Исторический аспект развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за бандитизм // *История государства и права*. 2011. № 20.
- of Russia. General part: short training course. Rostov-on-Don, 2006.
9. Turitsyn I. V., Uporov I. V. Types of state coercion used by law enforcement agencies, and the principles of its realization // *The law and practice*. 2013. № 4.
10. Zhiryayev A. S. On the confluence of several criminals in the same crime. Derpt, 1850.
11. Abstract on criminal law and procedure, compiled from the lectures of professors Foyntsky, Sluchevsky, Sergeevsky, etc. Odessa, 1898.
12. Salnikov A. V. Historical genesis of the concepts «gang» and «band» as varieties of complicity of a special kind in the domestic legislation // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2016. № 7.
13. Criminal code (approved by the Emperor of 22.03.1903) // *Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection the third*. № 22704. St. Petersburg, 1846.
14. Uporov I. V. Historical-mental causes of legal nihilism in Russia and the conditions of its transformation in the legal positivism // *The law and practice*. 2013. № 4.
15. Decision of the Council of labor and defense dated 06.12.1920 «On measures to combat banditry and on the management of internal service troops in Ukraine» // *Decrees of the Soviet government*. Moscow, 1986. Vol. 12.
16. Krasnova K. A., Volkova M. A. The historical aspect of the development of domestic legislation on criminal liability for banditry // *History of state and law*. 2011. № 20.

Москаленко Сергей Григорьевич
Moskalenko Sergey Grigorievich

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат исторических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in History, Associate Professor.

E-mail: moscalenko1963@mail.ru

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ДОМИНАНТА
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ:
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Russian statehood as dominant of civilizational identification:
political and legal analysis

В статье анализируется российская государственность как основа адекватной методологической концептуализации исторической эволюции российской цивилизации в ее политико-правовых аспектах.

Ключевые слова: цивилизация, политико-правовая идентификация, нарратив, ценностная доминанта, этническая идентификация.

The article analyzes Russian statehood as the basis of an adequate methodological conceptualization of the historical evolution of the Russian civilization with its policy and legal aspects.

Keywords: civilization, policy and legal identification, worldview axiology, personal identification, ethnic identity.

Проблемы индивидуальной и коллективной, этической и эстетической, правовой и политической, цивилизационной и универсалистской идентификации граждан давно перестали быть сугубо академическими и захватили как объекты усиленного внимания сферу массмедиа, образования, политико-правовой и общегуманитарный общественный нарратив.

Индивидуальное сознание граждан, с одной стороны, и государственные институты, с другой, – имеют устойчивую и очень выраженную потребность в идентификации с тем культурно-историческим типом развития, к которому по своей глубинной сути они принадлежат.

Еще в 1866 году Н. Я. Данилевский [1] с исчерпывающей и беспрецедентной в мировой мысли полнотой обосновал невозможность прямолинейного «европоцентризма» для объяснения всего многообразия всемирно-исторической фактографии. Классифицируя культурно-исторические типы развития (всего выделив 13), на которые распадается лишь внешне и односторонне воспринимаемый как единый и целостный исторический процесс, выдающийся русский ученый, биолог, историк, юрист и государственный деятель использует

государственность, выраженное наличие его элементов как признак и основание для формирования феномена культурно-исторического типа развития (цивилизации).

Без государства самостоятельный тип культурно-исторического развития невозможен. Более того, государственность в рамках данного культурно-исторического типа развития должна по генетическим признакам коррелировать с другими системообразующими цивилизацию основаниями. Так, для древнеегипетской цивилизации была характерна жесткая связка характера политеистической религиозности со всеми аспектами культурно-исторической жизни, определяющее влияние египетского политеизма наблюдается в каждом «атоме» интеллектуальной, юридической, социальной жизни.

В таких цивилизационных условиях никакая иная идентификация, кроме религиозной, связанной с сакрализацией власти фараонов, была невозможна. Игнорирование специфики этого системообразующего фактора разрушит саму возможность корректной реконструкции древнеегипетской гражданской и политико-правовой идентификации.

Античная цивилизация выработала в условиях греческих полисов преимущественно интеллектуально-эстетическую идентификацию, опираясь на которую древние греки воспринимали «ойкумену» в качестве некоторой определенной, обладающей ясными признаками цивилизационной целостности, уникальным миром, противостоящим антиинтеллектуальному и антиэстетическому миру варваров. Греческая религиозность, мифология, философия, правовые понятия и структуры перенасыщены эстетикой. Этого сверхзапаса эстетического потенциала хватило и самим греческим полисам, и целым культурно-историческим типам, пришедшим им на смену. Вне античной эстетики останутся за скобками многие структуры и смыслы не только романо-германской, но и российской цивилизации.

Римская цивилизация дополнила преимущественно эстетическую идентификацию греков политической и юридической идентификацией, характерной для Рима как периода республики, так и периода империи.

Греческая античная образованность, римская юридическая практика и политические технологии сводили сведения великого разнообразия к универсальным принципам и разработанным на их основе нормативным механизмам регулирования социальных процессов.

Классические (греко-римские) типы идентификации в течение веков после их материального разрушения отнюдь не стали банально интересным, хотя и неактуальным, мертвым наследием, уделом беспристрастного научного изучения. Классические подходы до сих пор будоражат мысль, питают эмоции большинства современных людей, сформировавшихся в рамках иных культурно-исторических типов развития.

Признаки античной идентификации включены К. Н. Леонтьевым (вторым по значимости исследователем цивилизационной специфики России после Н. Я. Данилевского) в число важнейших элементов романо-германской цивилизации [2, с. 118–119].

В фундаментальной работе «Византизм и славянство» К. Н. Леонтьев подчеркивает значение таких элементов, как «античная образованность» (греческое интеллектуальное и эстетическое начало) и «римский диктаториальный цезаризм» вместе с «римским муниципальным началом» как оснований для возник-

новения культурно-исторического «микса», известного нам в качестве романо-германской цивилизации.

Западноевропейский тип идентификации играл и играет до сих пор огромную роль в исторических масштабных процессах во всем мире, в том числе и в России. Из Европы в Россию на волнах культурного влияния XVII–XVIII веков пришли античная греческая эстетика и основы интеллектуальной культуры, римское юридическое мышление и римский категориальный аппарат для обозначения и анализа политико-правовых процессов. Вместе с византийским православием эти элементы вошли как интегральные части в признаки российского культурно-исторического типа развития, определили в главном тип правовой, политической и культурной идентичности, характерный для России.

Адекватное восприятие, понимание и включение в аксиологический комплекс присутствующего российской цивилизации типа идентичности не будет корректным, если не удастся реконструировать соответствующие фазы генезиса, предшествовавшие зрелым, сложившимся формам идентичности, так как они во многом определяют их.

Российский культурно-исторический тип и выработанные в его рамках формы государственности и соответствующей ей идентификации характеризуются в первую очередь тем, что России удалось по историческим меркам быстро пройти фазу племенной идентификации. Последствия этого серьезного обстоятельства, над которым еще размышляют ученые, отразились на всех аспектах российского политико-правового развития.

О племенном делении и соответствующей ему идентификации мы не слышим ничего уже с XI–XII веков. Несколькоими летописными строчками, упоминавшими племена полян, древлян, радимичей, вятичей, дреговичей и так далее актуальность племенной фазы в отечественной истории и исчерпывается. В то время как в западной Европе племенное деление и соответствующие ему типы идентификации просуществовали как актуальная реальность гораздо дольше и легли в основу различных форм «племенного национализма» или шовинизма в новейшее время.

Уже в Древней Руси государственность, представленная в те эпохи княжескими кла-

нами и их администрациями, уверенно вытеснила племенную идентификацию из социальной среды. В дальнейшем абсолютное преобладание государственной идентификации над любыми иными вариантами стало бросающейся в глаза доминантой российской истории.

Следует особо отметить преобладание политико-правовой и государственной идентификации над любыми формами племенной (этнической) и конфессиональной идентификации в отечественной истории. Это объясняет загадочное для европейского наблюдателя отсутствие в истории России религиозных и этнически мотивированных войн.

Российский тип цивилизации начинался и упрочивался на основе доминирования государства как главного элемента всей культурно-исторической конструкции. Прочность и долговечность приобретали только те элементы цивилизационного строительства, которые были инициированы или непосредственно связаны с государством. Академик С. Ф. Платонов подчеркивал выраженно военный характер территориальной, административной, социальной и юридической конструкции Московского государства, достигшего стадии доминантного цивилизационного признака в конце XV столетия.

Для культурно-исторического самосохранения российское государство было вынуждено принять форму военной организации уже на иррегулярном этапе эволюции. Просуществовав в рамках этой организации и порожденных ею форм политико-правовой жизни почти четыре столетия, русский народ стал самым государственно ориентированным народом мира.

В культурно-исторический генетический код народа оказалось вшито самим ходом исторического процесса убеждение в безусловном приоритете государственного над частным, сословного над индивидуальным, государственного права над гражданским.

Характерная для российской цивилизации и выработанных ею правовых категорий строго вертикальная сословная структура определялась в своем генезисе все тем же военным характером цивилизационного формирования.

Процесс юридического «закрепощения» сословий по критерию отношения к государственной службе форсировано усилил политико-правовую идентификацию социально-субъ-

ектного населения с вертикально-сословным типом государственного строительства, при котором правовые привилегии не воспринимались как несправедливые, если они приобретались в связи с несением важных государственных повинностей, среди которых военная служба с большим отрывом занимала приоритетное место.

Когда началось так называемое раскрепощение сословий с 1785 года, то первым социально активным сословием в сферах гражданско-правового регулирования стали дворяне – наиболее загруженное военно-служебными обязанностями в предшествующие эпохи сословие. Формирование слоя свободных граждан, включенных в механизм дворянского демократического самоуправления с правом осуществления местной власти и контроля профессиональной администрации, не изменило оснований в структуре их политико-правовой идентичности.

Государство оставалось центральным пунктом идентификации и высшей политико-правовой аксиологической величиной. Инерция военной организации и порожденных ею особенностей государствоцентричных вариантов идентификации сохранялась до самой октябрьской революции 1917 года. Получив от государственной власти самый демократический в Европе вариант организации ведущего государственного и социально активного сословия, российское дворянство, как и раскрепощенное в 1861 году крестьянство, продолжали оставаться носителями данного типа идентификации.

И никакие симпатии к радикалам, парламентарным формам государственной организации не могли поколебать генетической уверенности в априорной ценности централизации в государственном управлении и справедливой, пусть даже и самой контрастной вертикальной социальной, структуризации.

Непримиримость февральской и октябрьской революций образованными слоями российского общества объяснялось не стремлением революционеров к созданию централизованной модели государства, формированию номенклатурной социальной структуры, не к идеологии «осажденного лагеря» – все эти обстоятельства так или иначе сопровождали историю российской цивилизации на протяжении четырехсот лет. Непримиримость вызывали явления, не

вызванные напрямую военной необходимостью, а диктовавшиеся злонамеренной волей внешних акторов либо идеологическими соображениями новых революционных лидеров, курс на стимулирование гражданской войны и распространение ее за пределы страны.

Данный тип цивилизационной идентификации с доминированием государства, а не этнических или конфессиональных ценностей формировался исторически с решающим по влиянию участием малороссийского образованного слоя с XVII века. Указанное обстоятельство превращает в абсолютный фантом внедряемую в советский и постсоветский периоды «украинскую» идентичность, претендующую на замещение и вытеснение «московской» цивилизационной идентичности.

Вхождение Малороссии в состав Московского государства де-факто превратило его в империю с границей с Польшей не в Смоленске, а по реке Днепр. Казачья элита, перейдя на сторону Москвы, резко и экспонентно усилила московское государство не только политически и административно, но и идентификационно.

Вместе с казачьей элитой вклад в идентификационную модель с доминированием централизованного сословного государства внесли малороссийские интеллектуалы: И. Гизель, создавший «Синописис», содержащий основную информационную матрицу для всех без исключения российских историков от Ф. Эмина до В. Ключевского; Ф. Прокопович, сформировавший саму идеологию имперской российской государственности, взятую на вооружение Петром I.

Не будет преувеличением утверждение, что малороссийская элита играла куда более видную роль в формировании российского типа цивилизационной идентичности, чем это принято считать на уровне обыденного сознания.

В XVIII столетии с 1785 года казачья элита Малороссии была постепенно полностью инкорпорирована в состав сформировавшегося уже к эпохе Екатерины II имперского российского дворянства.

Симптоматично, что, войдя в состав российской дворянской элиты, казачья элита легко согласилась на ликвидацию гетманщины, то есть некоего подобия дуалистического федеративного устройства империи с 1654 года и распространения на Малороссию централи-

зованного государственного унифицированного управления с адекватной ему моделью правового регулирования.

Серьезных угроз формирующейся российской цивилизационной идентичности с мощной малороссийской составляющей ни в XVIII, ни в XIX столетиях не было. Когда в Европе началась эпоха романтической эстетики, во всех европейских странах начали появляться книги, на все лады трактующие проблему «возрождения национальностей», всячески раздувавших остроумно изображенный К. Н. Леонтьевым пресловутый «племенной национализм», в Малороссии появились кружки интеллигенции, попавшей под влияние романтизма и в имитационном по отношению к Западной Европе порыве пожелавшей «возродить» украинскую нацию. В этой среде книжный племенной национализм рассматривался как более предпочтительный вариант идентичности, чем российская имперская идентичность.

В течение всего XIX столетия малороссы никогда не преследовались в Российской империи только за то, что они малороссы. Их полностью включили в российскую идентификационную конструкцию как своих. Малороссийский язык, если он использовался для локальных нужд, также никто и никогда не ограничивал и не ущемлял.

Ограничение было одно – запрет на сепаратизм и поддержку польских шляхетских планов на «возрождение Речи Посполитой». Полагали также, что русский язык как язык высокой культуры, в частности, развитой блестящей литературы, сформировался при активнейшем и плодотворном участии малороссийских деятелей не в меньшей степени, чем великорусских.

Процессы, протекавшие в УССР и современном украинском государстве, являются самой масштабной попыткой тотальной дискредитации и прямого уничтожения массовой российской культурно-исторической идентичности в пределах существующих политических границ. Немалую роль в этом процессе играла политика создавших СССР лидеров большевизма.

В 20-е и 30-е годы XX века была осуществлена мощная кампания по деконструкции малороссийского субварианта идентичности, входившего как органическая интегральная часть в общероссийскую цивилизационную идентич-

ность, и замене его на украинско-советский вариант идентичности, что только усложнило картину малороссийской идентификации.

Если до революции 1917 года малоросс мог эволюционировать в идентификационном смысле и становиться либо русским, либо поляком либо сохранять обычную идентичность, то после революции в условиях СССР деконструированная малороссийская идентичность оказалась вытесненной польским вариантом украинской идентичности и советским вариантом украинской идентичности.

Оба последних варианта и теоретически, и практически, и даже эстетически слабее, чем дореволюционный и традиционный для России малороссийский вариант, но в современных условиях в первый из перечисленных вариантах осуществлены и продолжают осуществляться грандиозные материальные и информационные инвестиции заинтересованных европейских государств, а во второй сделаны не менее масштабные вложения ресурсов в советский период истории России.

Сформировавшаяся российская цивилизационная идентичность по своему во многом уникальному созидательному потенциалу является наиболее желательным фактором укрепления устойчивости и стабильности государственности и социальной структуры страны.

В поддержку этого варианта идентичности свидетельствует подавляющий массив реальной фактографии. Богдан Хмельницкий не

знал понятия «Украина», говорил и писал только о «земле Русской». Иннокентий Гизель в своем беспрецедентном «Синописе» отстаивает идею о том, что Московская и Киевская земли – это один народ, одна религия, культура и один язык. Для современной Украины остается весьма актуальным выбор идентификации – малороссийского варианта, согласно которому и малороссы и великороссы – это один народ, или польского или австро-венгерского варианта, в соответствии с которым украинцы и русские рассматриваются чуть ли не как разные расы.

Созидательные тенденции должны победить хотя бы потому, что российский цивилизационный вариант идентификации основывается на исторических реалиях, а противостоящие ему разрушительные варианты основаны на исторических фальсификациях и исторических нонсенсах.

Цивилизационная идентичность российского типа с ценностным доминированием централизованного и унифицированного государственного управления, с определяемой государственными статусными параметрами ранговой социальной структурой еще может играть созидательную объединительную роль на постсоветском пространстве, ее потенциал далеко не исчерпан для дальнейшей оптимизации политико-правового развития Российской Федерации и сопредельных с ней новых национальных государств.

Литература

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
2. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М., 2016.
3. Миллер О. Славянство и Европа. М., 2012.
4. Патриотизм как идеология возрождения России: сборник докладов конференции. М., 2014.
5. Кавелин К. Д. Государство и община. М., 2013.
6. Миллер А. Украинский вопрос в Российской империи. Киев, 2013.

Bibliography

1. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. Moscow, 1991.
2. Leontjev K. N. Byzantinism and Slavdom. Moscow, 2017.
3. Miller O. Slavdom and Europe. Moscow, 2012.
4. Patriotism as ideology of revival of Russia: conference proceedings. Moscow, 2014.
5. Kavelin K. D. Government and community. Moscow, 2013.
6. Miller A. The Ukraine problem in the Russian Empire. Kiev, 2013.

Тишкин Дмитрий Николаевич
Tishkin Dmitriy Nikolayevich

заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала
Ростовского юридического института МВД России.

Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training of the Volgodonsk Branch of the Rostov Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: dntishkin@list.ru

Крицкая Анна Александровна
Kritskaya Anna Alexandrovna

доцент кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
кандидат политических наук.

Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics of the South Russian Institute
of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
PhD in Politics.
E-mail: enigmaann@bk.ru

**АНАЛИЗ ГЕНЕЗИСА УГРОЗ, ПРОДУЦИРУЕМЫХ СОЧЕТАНИЕМ
ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, ТЕРРОРИЗМА
И «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» В ЕДИНОМ МЕХАНИЗМЕ
ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ
ПО ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ**

**Analysis of the genesis of threats produced by a combination of organized crime,
terrorism and «color revolutions» in a uniform hybrid war mechanism
and possible political and legal measures to their neutralize**

В статье анализируются такие негативные явления, как гибридная война, «цветные революции», организованная преступность, пятая колонна, экстремизм, терроризм и его идеология, дается оценка их влияния, взаимодействия и взаимопроникновения. Авторами предлагаются определенные политико-правовые меры, нацеленные на обеспечение национальной безопасности России и обеспечивающие организацию эффективного противодействия указанным угрозам.

Ключевые слова: политический процесс, геополитика, политическая элита, идеология, транснациональные корпорации, национальная безопасность, гражданское общество, организованная преступность, гибридная война, «цветные революции», пятая колонна, терроризм, идеология терроризма, экстремизм, международные отношения.

The article analyzes such negative phenomena as the hybrid war, «color revolutions», organized crime, the fifth column, extremism, terrorism and its ideology, and their influence, interaction and interpenetration are assessed. The authors propose certain political and legal measures aimed at ensuring the national security of Russia and ensuring the organization of effective counteraction to these threats.

Keywords: political process, geopolitics, political elite, ideology, transnational corporations, national security, civil society, organized crime, hybrid war, «color revolutions», fifth column, terrorism, ideology of terrorism, extremism, international relations.

На современном историческом отрезке можно выделить различного рода динамические изменения международной обстановки, которые связаны с рядом важных факторов для каждого государства. Например, с масштаб-

ным переделом сфер мирового влияния, развитием и внедрением в политическую реальность новых геостратегий ведущих держав, с борьбой за материальные, духовные, информационные ресурсы, с выходом на мировую

арену новых политических акторов, сменой власти и так далее.

Политическая наука наряду с психологией, социологией и конфликтологией не менее подробно изучает природу, сущность и особенности различного рода конфликтов между социальными группами, общественными институтами, государствами и даже целыми цивилизационными кластерами. Исследованием этих областей социальной реальности в политологии занимается геополитика, являющаяся одним из интеллектуальных и очень влиятельных направлений научной мысли, в исследовательское поле которой попадают военно-политические и внешнеполитические государственные стратегии, принятие долгосрочных стратегических решений, прогнозирование на базе анализа конфликтов, начиная от локальных и заканчивая международными. В связи со сложностью объекта изучения данной общественной науки ученые так и не пришли к ее единому общепринятому определению, принимая при этом за базис положение о том, что это научное мировоззрение, отражающее влияние на политику географического фактора.

По мнению доктора военных наук К. В. Сивкова, «в структуре деятельности общества геополитика занимает высшее по иерархии место», формируя стабильное и устойчивое общество, «задавая длительно действующие цели-ориентиры для других более частных по отношению к ней областей – политики, экономики, науки» [1].

Но не стоит забывать, что весь смысл геополитики, а также геополитического обоснования какого-либо явления либо процесса, например, терроризма, сводится к определенному дуализму – фундаментальной основе существования политической реальности – полюсам атлантизма и евразийства. Эти понятия намного шире обычных политических полюсов, под которыми подразумеваются сверхдержавы и в некоторых случаях мощные региональные державы. Атлантизм и евразийство – это основная, первоначальная ступень разделения современных цивилизационных кластеров.

З. К. Бжезинский озвучивал позицию о том, что в этом разделении и кроется одна из главных причин международного терроризма, параллельно в других высказываниях раскрывая сущность глобальной политики (лоббируемой

транснациональными корпорациями), им открыто декларировалось стремление построить «новый мировой порядок против России, за счет России и на обломках России» [2].

К. В. Сивков, заложив в базис своих исследований существование в геополитике таких основополагающих понятий, как «морская и континентальная цивилизации», доминантой существования первой выделяет преобладание идеологии власти денег во всех сферах общества, а во второй – преобладание созидательных и общинных ценностей, при этом выводом основной геополитический закон о «противоположности фундаментальных основ жизни морской и континентальной цивилизаций, исключаяющей возможность их взаимопроникновения – конвергенции» [1].

Известный ученый-геополитик Л. Г. Ивашов приходит к выводу о том, что, опираясь на латентные клубы людей со сверхдоходами и транснациональные корпорации, сосредоточившие в своих руках огромную власть и глобальные энергоресурсы земли, мировая финансовая олигархия сумела взять под тотальный контроль цивилизации как Востока, так и Запада [3, с. 175].

В России, действующей все решительнее в отстаивании своих как национальных, так и геополитических интересов (возвращение Крыма), благодаря своему лидеру в 2015 году была принята новая Стратегия национальной безопасности (далее – Стратегия), продемонстрировавшая более жесткий и независимый подход к проблемам данной сферы государственной деятельности. В Стратегии, по сравнению с ранее действующей, четко определено положение РФ в современном мировом пространстве, обозначены и описаны источники угроз, а также дана оценка наращиванию силового потенциала Североатлантического альянса (НАТО), сопровождающегося приближением его военных инфраструктур к нашим границам и взявшего на себя глобальные мировые функции в нарушение норм международного права, создавая очаги напряженности по всему миру и активизируя миграционные процессы. Проявление политики двойных стандартов со стороны США и их союзников по отношению к различным террористическим организациям, а, в частности, Исламского государства, приводят к укреплению влияния терроризма в мире, способствуют

свержению легитимных политических режимов, обрекая на внутрисоциальную нестабильность многие страны, создавая новые «горячие точки» и одновременно превращая эти государства в плацдарм для «распространения терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды, иных проявлений экстремизма» [4].

Несмотря на очевидность указанных в Стратегии источников угроз, российская политическая элита не всегда демонстрирует четкое и ясное понимание истинных стратегических противников РФ. В этой связи экспертами отмечается тенденция по навязыванию для населения нашей страны в качестве вражеского объекта номер один и исламского фундаментализма, международного терроризма, не взирая на очевидность того, что эти негативные явления во многом искусственно выращиваются и финансируются глобальным Западом.

В русле исследования необходимо четкое понимание соотношения и взаимопроникновения такого понятия, как экстремизм, подпитывающего терроризм идейно и духовно, при этом одновременно содействуя его развитию, собственно, с самим терроризмом. В целом экстремизм произрастает из крайностей восприятия жизни общества, а терроризм, в свою очередь, является производной от крайностей экстремизма [5].

В п. 43 Стратегии к основным угрозам отнесены: деятельность как террористических, так и экстремистских организаций; деятельность общественных объединений радикального толка, «использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, направленную на...дестабилизацию ситуации в стране, включая инспирирование “цветных революций”, разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей; деятельность различного рода преступных формирований, включая транснациональные; а также коррупция» [4].

На заседании коллегии ФСБ России в рамках подведения итогов 2018 года В. В. Путин особенно отметил наличие очагов насилия и нестабильности как у границ Российской Федерации, так и в различных регионах мира, что служит базой для активности террористических объединений, распространяющих свое влияние на территорию нашей страны, а весь личный состав органов безопасности Прези-

дент нацелил на продолжение последовательной, жесткой и непримиримой борьбы с любыми проявлениями террора. В своем выступлении В. В. Путин озвучил десятилетнюю положительную динамику по сокращению количества преступлений террористической направленности (2008 год – 997, 2018 год – 9), выделив сохраняющееся относительно высокое число предотвращенных терактов (порядка 20 ежегодно), при этом акцентировал внимание на следующих существенных моментах: необходимости продолжения эффективной оперативной работы на опережение; внедрении новых форм и методов противодействия указанным угрозам; активизации превентивных действий по изобличению вербовщиков и сообщников террористов; перекрытии каналов поступления оружия и финансов, а также пресечении пропагандистской деятельности радикально-экстремистских элементов в сети Интернет. Национальный антитеррористический комитет в лице его руководства должен держать эту системную деятельность под постоянным контролем [6].

Идеология террора, как и сам террор, нашли широкое применение среди элитарных классов еще в эпоху Просвещения, становясь удобным инструментариум государственной политики. Эти традиции, институционализированные во Франции в XVIII веке, стремительно распространились по всему Европейскому континенту, явившись надежным подспорьем для властных элит того времени. Соответственно, неудивительно и весьма логично выглядит современная практика применения таких методов в качестве долгосрочных внутрисоциальных и международных манипуляций наследниками западноевропейских завоевателей Северо-Американского континента в лице либерально-демократических кланов США.

Текущий исторический момент охарактеризован безудержным стремлением США не допустить утраты своего глобального лидерства, временно достигнутого в результате холодной войны (1945–1991) и разрушения СССР, что в целом определяет современную эволюцию мировой военно-политической обстановки, давая толчок к широкому распространению новых форм ведения войн, связанных как со значительным увеличением количества субъектов войны, так и с появлением вариативных комбинаций, сочетающих в себе

вооруженные и невооруженные методы и средства насилия.

В этой связи представляется актуальной концепция так называемой гибридной войны, привлекающая внимание исследователей своей феноменальностью, заключающейся в следующих параметрах: латентном характере конфликта, сложности его внутренней структуры, интегрированности противостояния и большой длительности, а, главное, отсутствии определенного и легитимно закрепленного в международных документах статуса.

Гибридные войны, обобщенно понимая, можно охарактеризовать как принципиально новый тип организованного насилия, сочетающего в себе смесь «боевых действий, организованной преступности и массовых нарушений прав человека» [7], в которых принимают участие глобальные и локальные акторы, а также властные и негосударственные структуры. Гибридные войны в сочетании с «цветными революциями» ведутся для достижения, обеспечения и сохранения глобального доминирования Западной цивилизации, продиктованного интересами «транснациональных корпораций и частных компаний, с использованием высокоточного оружия, тактик скрытого проникновения, односторонних и незаконных мер принуждения в виде экономических санкций, киберопераций, террора и дестабилизации, “пятой колонны”, манипулирования толпой» [7] и объединенных общим замыслом по предварительному ослаблению, хаотизации «оккупированных территорий» (стран-мишеней), сопровождаемых интенсивным информационно-психологическим прессингом на сознание правящих элит и населения.

Эксперты-элитологи в связи с приведенным определением полагают, что «опасность “цветных революций” в РФ будет сохраняться до тех пор, пока доминирующими элитами не будут предложены новые практически реализуемые ценности» [8, с. 58].

Авторитетным экспертом в области обороны и безопасности генерал-майором ФСБ России в отставке А. Г. Михайловым выражена особенная точка зрения о том, что в РФ, к сожалению, элита отсутствует, так как не является продуктом длительной селекции, а лишь назначается «сверху», при этом у некоторых ее представителей полностью атрофированы такие понятия, как Родина, патриотизм, правила

поведения и этикета, при этом имеется двойное гражданство. А. Г. Михайлов в связи с арестом по подозрению в госизмене помощника полпреда по Уральскому федеральному округу А. В. Воробьева заявил, что ни один чиновник, работающий в госорганах, не должен иметь двойного гражданства. Говоря об аресте высокопоставленных сотрудников силовых структур, им выражена особенная позиция: «За коррупцию судить не надо, надо судить за государственную измену», так как наносится ущерб не материальный, а наносится сокрушительный удар по авторитету государства [9].

По мнению известного эксперта А. А. Бартоша, мощнейшим источником гибридной агрессии представляется международный терроризм, манипулируемый внешними силами, которые, в свою очередь, умело задействуют заблаговременно вскормленную пятую колонну широкого спектра – от представителей радикального ислама до экстремистско-оппозиционного населения, разделяя и стравливая граждан одной страны между собой [10]. Причем данным экспертом к числу наиболее актуальных проблем, препятствующих эффективному противодействию гибридным войнам в России, причислены такие, как «неразвитость системы сдержек и противовесов между ветвями власти, ... несовершенство и несправедливость социально-экономических отношений, отсутствие объединяющей национальной государственной идеи» [11, с. 128], а негативный разрушительный потенциал описываемого феномена многократно возрастает при применении методик стратегического прогнозирования и планирования этого процесса.

В контексте проблемы необходимо отметить высказывание знаменитого прусского политика Отто фон Бисмарка, первого канцлера Германской империи, о том, что «русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет, но можно привить ложные ценности, и тогда они победят сами себя» [12].

На стратегическом уровне противостояния операции гибридных войн охватывают все сферы жизнедеятельности страны-мишени, в первую очередь подрывая моральный дух населения и сотрудников силовых структур, обеспечивающих безопасность, навязывая ложные ценностные категории, подавляя способность нации к активному и организован-

---

ному сопротивлению, при этом действуя высокотехнологично и дистанционно (без оккупации территорий), посредством пятой колонны, то есть не просто чужими руками, а руками самой жертвы агрессии.

В целях реализации положений вышеуказанной Стратегии, а также Концепции противодействия терроризму в РФ разработан и успешно реализуется Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы, в качестве приоритетов актуализирующий такие направления, как формирование у населения антитеррористического сознания, совершенствование мер информационно-идеологического характера, оптимизация мер, способствующих повышению эффективности функционирования субъектов противодействия терроризму [13].

Экспертным сообществом дается положительная оценка советского периода в части несостоятельности вербовочных мероприятий террористической направленности в молодежной среде, а в зеркальном отражении находится современная ситуация в России, связанная с сознательным разрушением советской идеологической парадигмы и до сих пор не выработанной стратегией эффективного просветительского и воспитательного процесса становления молодежи [14], позволяющая эффективно проводить подобные вербовки.

В качестве еще одного положительного примера проявления активной жизненной позиции подрастающей советской молодежи можно привести институт так называемых оперативных отрядов и комсомольского прожектора, формировавшихся на базе комсомольских организаций в каждом вузе СССР, опыт которых будет полезен и в настоящее время. Суть этих подразделений сводилась к тому, что из активистов-комсомольцев выбирали и назначали стажерами в качестве кандидата в члены «оперативного отряда» или «комсомольского прожектора» (стажерский стаж доходил до одного года) наиболее подготовленных, обладающих высокими морально-деловыми качествами студентов, способных в свободное от учебы время выполнять общественную работу. Численность «оперативного отряда» составляла около 50 человек, а штаба «комсомольского прожектора» около 10–12 человек. При этом членам штаба «комсомольского прожектора» выдавались соответствующие

удостоверения, предоставляющие право полного контроля учебной, административной и хозяйственной деятельности вуза, а членам «оперативного отряда» – удостоверения внештатных сотрудников милиции по линии уголовного розыска или отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (аналог нынешних подразделений экономической безопасности). Студенты-активисты, входящие в указанные организации, гласно привлекались к охране общественного порядка, помогая милиции пресекать правонарушения и преступления, а также в случае служебной необходимости (в основном по собственной инициативе) участвовали в оперативно-розыскных мероприятиях, проводимых оперативными подразделениями как МВД, так и КГБ СССР, являясь одновременно достоверными источниками получения различной информации. Подобные мероприятия доставляли множество хлопот коррупционерам того времени, приводя многих в места лишения свободы, так как террористические проявления были неактуальны.

В настоящее время во многих учреждениях имеются отдаленно напоминающие вышеуказанные формирования – народные дружины, но они не обладают ни полномочиями советского периода, ни, самое главное, идеологической мотивацией, присущей молодежным активистам Советского Союза.

Для системного и оптимально эффективно противодействия комплексу угроз, продуцируемых гибридными войнами, а также ее составными частями – терроризмом с его идеологией, организованной преступностью и «цветными революциями» – необходимо также обратить внимание на мнение исследователей, полагающих, что «метод индикаторов может быть успешно применен в современных условиях для прогнозирования различных видов угроз» [15, с. 40], поэтому применительно к исследуемой проблеме целесообразно, усилив взаимодействие правоохранителей различных сфер с институтами гражданского общества и научно-экспертной средой, при ведении борьбы с вышеуказанными негативными явлениями использовать метод индикаторов, повысив его эффективность за счет умелого сочетания результатов, прогнозов, всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий и главное – профессионально подготовленной агентуры.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что с целью обеспечения национальной безопасности России, а также парирования угроз, продуцируемых сочетанием организованной преступности, терроризма и «цветных революций» в едином механизме гибридной войны, возможно принятие следующих политических решений: утверждение и легитимизация объединяющей национально-государственной идеи; «создание госструктур, объединяющих усилия всех органов государственной власти, задействованных в противодействии угрозам, продуцируемым гибридными технологиями» [16, с. 101]; максимальная мобилизация «усилий всего социума и силового блока, обеспечивая эффективную информационную и кадровую политику, базирующуюся на патриотическом воспитании населения РФ» [17, с. 68]; ужесточение уголовной ответственности для госслужащих,

имеющих двойное гражданство; восстановление института «оперативных отрядов» на правовой базе Федерального закона Российской Федерации от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» и приказа МВД России от 10.01.2012 № 8 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции», но значительно расширив круг полномочий. Целесообразно также при принятии стратегических решений использование метода индикаторов как источника наиболее достоверного прогнозирования, усилив при этом сотрудничество между спецслужбами и экспертным сообществом, умело сочетая результаты прогнозов, весь комплекс оперативно-розыскных мероприятий, а главное – профессионально подготовленную агентуру.

Литература

1. Сивков К. В. Основные направления геополитического развития Российской Федерации на период до 2050 года. URL: <http://www.ozakaz.ru/index.php/articles/n-15-06-2007/154-n2011-03-26-1622>.
2. Збигнев Бжезинский – «Новый мировой порядок будет строиться против России, на руинах России и за счет России». URL: <https://www.politforums.net/other/1437933628.html>.
3. Ивашов Л. Г. Радикальная доктрина Новороссии. М., 2014.
4. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 31 декабря.
5. Воронцов С. А. О слабых звеньях в системе предупреждения экстремизма и терроризма // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 9 (100).
6. Заседание коллегии Федеральной службы безопасности. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59978>.
7. Бартош А. А. Гибридная война – угроза третьей ступени. Россия и Запад остановились на поворотном пункте // Военно-промышленный курьер. 2019. Вып. № 27 (790). URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/51453>.
8. Артюхин О. А., Крицкая А. А., Рожок С. Н., Вергуш А. В. «Цветные револю-

Bibliography

1. Sivkov K. V. The main directions of the geopolitical development of the Russian Federation for the period up to 2050. URL: <http://www.ozakaz.ru/index.php/articles/n-15-06-2007/154-n2011-03-26-1622>.
2. Zbignev Bzhezinskij – «The new world order will be built against Russia, on the ruins of Russia and at the expense of Russia». URL: <https://www.politforums.net/other/1437933628.html>.
3. Ivashov L. G. The radical doctrine of New Russia. Moscow, 2014.
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 31.12.2015 № 683 «On the national security Strategy of the Russian Federation» // Russian newspaper. 2015. December 31.
5. Vorontsov S. A. On the weak links in the system of preventing extremism and terrorism // Science and education: farming and economics; entrepreneurship; law and management. 2018. № 9 (100).
6. Meeting of the board of the Federal security service. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59978>.
7. Bartosh A. A. Hybrid warfare is a third-level threat. Russia and the West stopped at a turning point // Military-industrial courier. 2019. Issue № 27 (790). URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/51453>.
8. Artyukhin O. A., Kritskaya A. A., Rozhok S. N., Vergush A. V. «Color revolutions»

ции» как угроза гражданскому единству: элитологический подход // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4 (95).

9. Рычкова Е. Генерал ФСБ Александр Михайлов: «Коррупция – это тоже государственная измена». URL: <https://www.nakanunc.ru/articles/115297/>.

10. Бартош А. А. Гибридная война – переход от неудач к победе. URL: https://vpk.name/news/217343_gibridnaya_voina__perehod_ot_neudach_k_pobede.html.

11. Бартош А. А. Туман гибридной войны. Неопределенности и риски конфликтов XXI века. М., 2019.

12. Цитаты. Отто фон Бисмарк. URL: <http://tsitaty.com>.

13. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы (утвержден Президентом Российской Федерации 28.12.2018 № Пр-2665). URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site15/notmativnye_akty_2017/Kompleksnyy_plan_protivodeystviya_ideologii_terrorizma_2019-2023.pdf.

14. Воронцов С. А., Понеделков А. В., Усманов Р. Х. О «слабых звеньях» в системе противодействия идеологии терроризма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 2 (51).

15. Власова М. Г. Прогнозирование в разведке: метод индикаторов в современных условиях // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3.

16. Тишкин Д. Н., Митин А. И., Солдатов Н. Ф. Историко-институциональный подход к принятию Российской Федерацией ответных политических мер для противодействия угрозам, продуцируемым «гибридными технологиями», в системе международных отношений // Философия права. 2019. № 3 (90).

17. Зубенко В. В., Тишкин Д. Н., Шувалов А. П. Историко-институциональный подход к принятию политических решений в сфере противодействия РФ различным формам организованной преступности в системе международных отношений // Философия права. 2019. № 2 (89).

as a threat to civil unity: an elitological approach // Science and Education: farming and economics; entrepreneurship; law and management. 2018. № 4 (95).

9. Rychkova E. FSS General Alexander Mikhailov: «Corruption is also high treason». URL: <https://www.nakanunc.ru/articles/115297/>.

10. Bartosh A. A. Hybrid war – the transition from failure to victory. URL: https://vpk.name/news/217343_gibridnaya_voina__perehod_ot_neudach_k_pobede.html.

11. Bartosh A. A. Fog of hybrid warfare. Uncertainties and risks of conflicts of the 21st century. Moscow, 2019.

12. Quotes. Otto von Bismarck. URL: <http://tsitaty.com>.

13. A comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2019–2023 (approved by the President of the Russian Federation 28.12.2018 № Pr-2665). URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site15/notmativnye_akty_2017/Kompleksnyy_plan_protivodeystviya_ideologii_terrorizma_2019-2023.pdf.

14. Vorontsov S. A., Ponedelkov A. V., Usmanov R. Kh. On the «weak links» in the system of counteracting the ideology of terrorism // Caspian region: politics, economy, culture. 2017. № 2 (51).

15. Vlasova M. G. Forecasting in intelligence: the method of indicators in modern conditions // Bulletin of the peoples friendship University of Russia. Series: International relations. 2015. Vol. 15. № 3.

16. Tishkin D. N., Mitin A. I., Soldatov N. F. The historical and institutional approach to the adoption by the Russian Federation of reciprocal political measures to counter the threats posed by «hybrid technologies» in the system of international relations // Philosophy of law. 2019. № 3 (90).

17. Zubenko V. V., Tishkin D. N., Shuvalov A. P. Historical and institutional approach to political decision-making in the field of countering the Russian Federation to various forms of organized crime in the system of international relations // Philosophy of law. 2019. № 2 (89).

Федоренко Святослав Петрович
Fedorenko Svyatoslav Petrovich

доцент кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of Theory of State and Law Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: fsp018@yandex.ru

Кодзов Анзор Борисович
Kodzov Anzor Borisovich

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Senior Lecturer of Tactical and Special Training Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.
E-mail: anzorkodzov@gmail.ru

Бураева Людмила Александровна
Buraeva Lyudmila Aleksandrovna

доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России
кандидат физико-математических наук.

Associate Professor of the Department of the Activity of Law Enforcement Agencies in Special Conditions of the North Caucasus Institute of Advanced Training (Branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Physico-Mathematical Sciences.
E-mail: luda_n1@mail.ru

**ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
КАК ИНДИКАТОР ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ЭВОЛЮЦИИ**

**The periodization of the development of the domestic statehood as an indicator
of the evolution regularities**

В статье рассматривается периодизация отечественной государственности как результат воплощений закономерностей развития государственных и правовых институтов. Авторами выдвигается научная гипотеза о симметрии структуры периодизации России. За основу периодизации берутся значимые изменения в системе органов государственной власти, но при этом подчеркивается важность правового обеспечения этого процесса. Определяются значимые этапы основных периодов при соответствующей государственно-правовой логике хронологизации. Указывается, как при анализе периодизации подчеркнуть специфику формирования отечественной государственности.

Ключевые слова: *российская государственность, государственно-правовой период, государственно-правовой этап, закономерности исторического развития государства, особенности эволюции основных государственных и правовых институтов России, закономерности развития основных отечественных государственных и правовых институтов.*

The article considers the periodization of the national statehood as a result of the implementation of the laws of development in state and legal institutions. The author puts forward a scientific hypothesis about the symmetry of the periodization structure of Russia. The periodization is based on significant changes in the system of state authorities, but at the same time emphasizes the importance of legal support for this process. Significant stages of the main periods are determined with the corresponding state-legal logic of chronology. It is indicated how, in analyzing periodization, to emphasize the specifics of the formation of national statehood.

Keywords: *Russian statehood, state-legal period, state-legal stage, regularities of the historical development of the state, features of the evolution of the main state and legal institutions of Russia, regularities of the development of the main domestic state and legal institutions.*

Российская государственность прошла сложный путь развития, и современное состояние структуры органов государственной власти, принципов их взаимодействия, идеологической концепции, положенной в основу их функционирования, режимы взаимодействия государственных механизмов и эффективность самого аппарата – это результат исторического развития. Оно насчитывает более чем тысячелетнюю историю, и те исторические периоды и этапы, которые прошла Россия в ходе своей эволюции, не только отражают закономерности и причинно-следственные связи возникновения, функционирования и отмирания тех или иных органов государственной власти, политических институтов, систем права, но и демонстрируют совокупность условий, позволяющих добиться расцвета государственности или, наоборот, влекущих ее упадок и кризис [1, с. 22–23].

Изучая периодизацию развития отечественной государственности, мы не только реализуем гносеологическую и эвристическую научные функции, но и обогащаем одну из основных научных функций – прогностическую. Вся система и хронология периодизации показывают закономерности перехода от одного этапа развития к другому, принципы смены государственно-правовых парадигм. Это дает представление не только государоведам о сущности и предназначении государства, но и открывает новые когнитивные горизонты для понимания правоведами сущности и предназначения права.

При исследовании хронологии развития российского государства и права возникает ряд вопросов существенного научно-теоретического значения. Они могут выступать в качестве научных гипотез, в том числе откровенно дискуссионного характера, и должны быть сформулированы таким образом, чтобы создать возможность получения ответа на вопросы о том, как развивалась отечественная государственность и в чем заключаются особенности и закономерности ее исторического развития? Какой фактор развития доминировал, что больше повлияло на государственные и правовые реформы – объективные условия и процессы или субъективные предпочтения выдающихся правителей, таких как Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Иван IV Грозный, Петр I

Великий, Екатерина II Великая, В. И. Ленин, И. В. Сталин, М. С. Горбачев?

В науке не сложилось единой общепризнанной периодизации истории государства и права России. Так, исследователь Ю. Н. Арзамаскин отмечает, что методологическая путаница при рассмотрении данного вопроса может доходить до того, что научная составляющая полностью нивелируется. Тем не менее ученый указывает, что важной отправной точкой в дифференциации периодов является диалектика, законы которой обуславливают историческое развитие и исторический процесс [2, с. 82]. С одной стороны, соглашаясь с данным автором, необходимо подчеркнуть, что различные периодизации возникают исходя из тех целей, которые ставят перед собой исследователи, причем это необязательно политические цели [2, с. 83]. Даже не смотря на государственно-правовые исследования, это могут быть цели различного характера, например, правовая антропология или правовая этнология [3, с. 28]. Цель исследования во многом зависит от той научной школы, которую представляет автор, а от цели, в свою очередь, зависит научно-методологический инструментарий.

Также не стоит забывать и о проблеме взаимосвязи и взаимодействия двух периодизаций: периодизации государства и периодизации права. Они во многом повторяют друг друга, тесно между собой связаны. Могут выступать друг для друга в качестве и причины, и следствия, но они полностью не совпадают, и, на наш взгляд, совпадать не могут. В данной работе большее внимание уделяется периодизации государства, тем не менее отметим, что каждый новый период государственного развития получает соответствующее правовое обеспечение и правовое регулирование. Типичным примером выступает Конституция РСФСР 1918 года, принятая большевиками, которые, оттолкнувшись от периода империи и периода буржуазно-демократической республики, перешли к процессу легализации и узаконили захваченную власть с помощью нового советского законодательства. Таким образом, новый период обусловил создание новой правовой системы, основанной и функционирующей на совершенно новых принципах относительно имперской парадигмы.

Анализ периодизации произошедших событий подчеркивает исторические факты, оказавшие наибольшее влияние при формировании отечественной государственности, вплоть до перехода исторического процесса в современную реальность [4, с. 54]. Эта связь прошлого с настоящим помогает формировать понимание процессов обновления и реформации государственной и правовой систем и ставить задачи политического и правового развития.

Научная гипотеза данной работы заключается в том, что, исходя из анализа периодизации, можно обнаружить баланс форм правления и видов правления в истории государства России. За основу периодизации необходимо брать кардинальные изменения в государственном строительстве. Таким образом, можно выделить следующие части схемы: вся история России делится на два периода: монархический и республиканский. Первый период (862–1917), в свою очередь, делится на три этапа: княжеский (862–1547), царский (1547–1721) и имперский (1721–1917). Затем монархический период заканчивается и начинается республиканский. Здесь можно выделить три этапа развития республиканской формы правления: первый этап – буржуазно-демократическая республика (с февраля – по октябрь 1917), второй этап – советская республика (с октября 1917 по декабрь 1991), и третий современный – либерально-демократическая республика (с декабря 1991 по настоящее время). Таким образом, имели место две формы правления: монархическая и республиканская, каждая из которых делится на три элемента. Можно отметить, что в настоящее время наблюдается баланс в количестве структурных элементов между монархической формой и республиканской. Конечно, в хронологическом аспекте эти виды растянуты в разные пропорции. Так, монархическая государственность насчитывает 1055 лет (с 862 года, когда Рюрик пришел в Новгород, по 1917, когда был свергнут последний монарх Николай II), а республиканская – всего 102 года.

Российская государственность начинает формироваться при раннефеодальной княжеской монархии. Она берет свое начало в соответствии с официальной историографией России в 862 году с прибытием Рюрика в новгородские земли. Этот период продлился

до 1547 года, когда Иван IV Грозный стал официально именоваться царем, несмотря на то, что до этого Иван III Великий фактически сконцентрировал царские полномочия и реализовывал статус царя. Тем не менее этот период с 862 по 1547 год является княжеским. Он характеризовался такими этапами, как Древнерусское государство, феодальная раздробленность (после смерти Мстислава Великого, 1132 год), золотоордынское нашествие (поход хана Батыея, 1237 год) и создание русского централизованного государства (стояние на реке Угре, 1480 год).

В этот период были сформированы основы русского государственного аппарата и приняты первые источники права, которые в дальнейшем стали исторической основой для формирования всего русского права (Русская правда, Белозерская судная грамота, Псковская судная грамота, Судебник Ивана III Великого 1497 года).

Следующий этап монархического периода – царский (с момента венчания на царство в 1547 году Ивана IV Грозного до получения статуса императора в 1721 году Петром I Великим). В этот период российская государственность из практической моноэтнической превращается в многонациональную. Иван Грозный присоединил остатки Золотой Орды, а именно Казанское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство, в которых проживали народы, имеющие самобытную историю, культуру, традиции, религию, правовую систему и государственный аппарат. Эти народы были включены в общую российскую государственность, в которой спустя чуть менее 500 лет продолжают оставаться.

На данном этапе была сформирована соборная русская государственность – это один из уникальных самобытных государственно-правовых феноменов, который представляет научно-исследовательский интерес. И в настоящее время представительные органы власти являются основными в государственном аппарате, поскольку они издают законы, которые регулируют общественные отношения и прямо влияют на жизнь всех членов общества. В этот период соборные органы государственной власти продемонстрировали возможность мощного развития отечественной государственности, были приняты такие источни-

ки русского права, как Судебник Ивана IV Грозного 1550 года и Соборное уложение 1649 года, ставшее своего рода правовым бестселлером. Позднее даже Уложенная комиссия Екатерины II Великой не смогла повторить этот прорыв в правовом обеспечении.

Царский период заложил основы имперской сущности России, которая и сформировалась затем в виде классической континентальной империи. Этот период характеризовался наличием нескольких правовых систем, так, например, подданным Казанского ханства разрешалось оставлять свои правовые обычаи. В частности, в сфере семейного права существовало предусмотренное исламом многоженство. И общественные отношения регулировались в соответствии с теми источниками права, которые были характерны для данного общества. Справедливы слова А. И. Герцена о том, что «Россия расширяется по другому закону, чем Америка; от того, что она не колония, не нашествие, не нашествие, а самобытный мир, идущий во все стороны, но крепко сидящий на собственной земле. Соединенные Штаты, как лавина, оторвавшаяся от своей горы, прут перед собой все. Каждый шаг, приобретенный ими, – шаг, потерянный индейцами. Россия... как вода, обходит племена со всех сторон, потом накрывает их однообразным льдом самодержавия» [5, с. 66]. Эта точка зрения созвучна позиции М. Н. Каткова, который считал: «Призыв быть членами единой русской семьи не обязывает их ни к какому насилию над собой. Их вера, их обычаи, даже их предрассудки, их хорошее и дурное – все может остаться при них. Никто не требует, чтобы они переродились и перестали походить на себя. Государственное требование, которому они призываются способствовать, нестеснительно, просто и ясно» [6, с. 234]. В рамках формирования российской государственности не был уничтожен ни один этнос, и в настоящее время Россия – одно из самых многонациональных государств планеты.

С приходом к власти Петра I система органов государственной власти, их названия, принципы взаимодействия, комплектования и функционирования резко меняются. То же самое происходит и с правом. Если обратиться к преамбуле к Соборному уложению 1649 года, то можно насчитать более десяти источников, на которые ссылается Алексей Михайлович

при принятии закона [7, с. 113–115]. И напротив, в Артикуле воинском 1715 года Петра I в толке к артикулу 20 указывается, что царь провозглашает себя единоличным правителем, единственным источником власти и права [7, с. 289]. В этом заключается существенный кардинальный переход от сословно-представительной к абсолютной монархии, который стал закономерным этапом в развитии российской государственности и создал новую систему органов государственной власти и новую систему права.

Но здесь следует отметить, что так же происходит переход от русской самобытной правовой культуры и правового менталитета к европейской правовой культуре и правовому менталитету. Основными признаками в данном случае выступают различное понимание сущности права и оценка аксиологического измерения права. Этот переход в дальнейшем складывается, в том числе и философско-правовую дискуссию между западниками и славянофилами о том, какой должен быть вектор исторического развития России: в сохранении собственной самобытной культуры либо в заимствовании западных ценностей.

После окончания Северной войны в 1721 году «...по совету в Сенате обще с Духовным Синодом, намерение воспринято, Его Величество, в показание своего должного благодарения за высокую Его милость и Отеческое попечение и старание, которое Он в благополучии Государства во все время Своего славнейшаго Государствования, и особливо во время прошедших шведских войны явить изволил и Всероссийское Государство в такое сильное и доброе состояние, и народ Свой подданной в такую славу у всего света чрез единое токмо Своё руководство привел, как то всем довольно известно, именем всего народа Российскаго просить, дабы изволил принять, по примеру других, от них титул Отца Отечества, Императора Всероссийскаго, Петра Великаго...» [7, с. 285–286]. С этого момента формально-юридически начинается имперский период, который продлился до 1917 года. В это время Россия стала одним из самых больших, мощных и влиятельных государств за всю историю. Территория Российской империи составляла около 27 млн квадратных километров, и сама империя на пике своего могущества могла контролировать даже объединенную Европу. Этот

этап стал одним из самых значимых в процессе становления отечественной государственности [8, с. 13]. В это время создается система государственных органов, повторяющая органы государственной власти европейских государств, которые Петр увидел во время Великого посольства (1697–1698). Им ликвидируются традиционные русские органы государственной власти, такие как Боярская дума и Земский собор, и по западному образцу создаются реципированные органы государственной власти: Правительствующий сенат, Коллегии, Священный синод и так далее. Россия становится на европейский путь развития и включается в гонку технологического прогресса. Борьба за лидерство на евразийском континенте в конечном итоге заканчивается поражением Российской империи, которая в 1917 году была уничтожена подрывной деятельностью большевиков-революционеров при одновременном давлении извне странами Запада во время Первой мировой войны (1914–1918).

Имперский этап монархического периода стал самым значимым в истории отечественной государственности. Позднее, при создании Советского Союза, по большому счету, коммунисты смогли лишь повторить достижения периода Российской империи, которая явила собой образец того, каким образом из крайне неоднородных территорий и этнических групп можно создать одно единое, мощное, конкурентноспособное государство. XIX и начало XX века показали, что Россия входит в перечень мировых лидеров по основным государственным показателям, а в начале XX века – даже по темпам экономического роста, что и спровоцировало западную агрессию.

Следующий этап открывает республиканский период, являясь самым коротким в периодизации России. Сработал закон диалектики, когда накопление изменений преодолевает критическую массу, происходит переход из количества в качество. Тот же процесс будет наблюдаться при развале Советского Союза.

На буржуазно-демократическом этапе не было создано ни принципиально нового государственного аппарата, ни новой системы права. Более того, Львов и Керенский проявили политическое слабование и близорукость, которые позволили большевикам укрепиться и совершить революцию. Это один из самых

проблемных этапов в строительстве государственности России [9, с. 172], которая, став на европейский путь развития, в итоге пришла к краху монархической государственности и во многом национальной самобытной культуры. Революция и гражданская война поставили страну в критическое положение, людские потери составили около 12 млн человек, общие потери в экономике превысили 50 %. С 1913 года (перед началом Первой мировой войны) по 1921 год (окончание гражданской войны) цены выросли в 16 000 000 раз. Россия была отброшена в развитии на десятилетия назад. Учитывая, что в начале XX века Россия входила в тройку передовых стран мира по темпам экономического роста.

С октября 1917 года начинается советский период, продлившийся 74 года. Этапами этого периода стали гражданская война (1918–1921), новая экономическая политика (1921–1929), коллективизация и индустриализация (1930–1939), Вторая мировая и Великая Отечественная война (1939, 1941–1945), восстановление народного хозяйства и заключительная стадия сталинизма (1945–1953), частичная либерализация общественных отношений (оттепель) (1953–1964), замедление темпов развития общественных отношений (застой) (1964–1982), перестройка (1985–1991). Эти этапы были чрезвычайно насыщены историко-правовыми и историко-государственными событиями. Только в СССР и РСФСР за это время было принято семь конституций, создана принципиально новая система органов государственной власти, действующая на новых принципах права, менялись также структура и принципы управления. Этот государственный и правовой опыт имеет большое научное значение, так как в советском политическом управлении и правовом регулировании имелось большое количество плюсов, которые можно использовать, в том числе и в современном государстве и праве России. В частности, Китай с экономикой номер два в мире использует социалистические элементы и в правовой, и в политической, и в экономической системах.

Представленная периодизация не претендует на универсальность или всеобъемлемость, что в принципе невозможно [10, с. 90–91]. Но призвана подчеркнуть необходимость научного анализа правовых и государственных кор-

ней, что позволит более глубоко осмыслить сущность и предназначение действующих государственных и паровых институтов и позволит сформулировать эффективные научные рекомендации по их формированию, развитию и повышению функциональности.

Те периоды и этапы, которые прошла в своем развитии отечественная государственность, в значительной степени объясняют сущность

и особенности функционирования многих правовых и политических институтов. Современная система органов государственной власти и законодательства Российской Федерации выступает логическим продолжением рассмотренных процессов, что во многом способствует объяснению современного состояния российского государства, права и общества и анализу выбора путей дальнейшего развития.

Литература

1. Небратенко Г. Г. История юридической науки в постсоветский период // История государства и права. 2015. № 10.
2. Арзамаскин Ю. Н. Периодизация истории России: прозрачная ясность или труднейшая головоломка? // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 2 (10).
3. Фатхи В. И. Идея правового плюрализма в контексте юридической этнологии // Философия права. 2007. № 1 (20).
4. Овчинников А. И., Федоренко С. П. Российская государственность: история и современность. Ростов н/Д, 2017.
5. Герцен А. И. Сочинения: в 9-ти т. М., 1958. Т. 7.
6. Катков М. Н. Имперское слово. М., 2002.
7. Хрестоматия по истории государства и права СССР (Дооктябрьский период) / под ред. Ю. П. Титова и О. И. Чистякова. М., 1990.
8. Смыкалин А. С. Проблемы российской государственности в юридической и исторической науке: понятия, подходы, периодизация // Российский юридический журнал. 2013. № 1 (88).
9. Васильева И. О. Проблемы периодизации правовой системы России // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистров. Симферополь, 2019.
10. Волков А. П. О некоторых подходах к периодизации отечественной истории // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 2 (10).

Bibliography

1. Abramenko G. G. History of legal science in the post-Soviet period // History of state and law. 2015. № 10.
2. Arzamaskin Yu. N. The periodization of history of Russia: transparent clear or a difficult puzzle? // Bulletin of the Samara law Institute. 2013. № 2 (10).
3. Fathi V. I. The idea of legal pluralism in the context of legal ethnology // Philosophy of law. 2007. № 1 (20).
4. Ovchinnikov A. I., Fedorenko S. P. Russian statehood: history and modernity. Rostov-on-Don, 2017.
5. Herzen A. I. Works: in 9 volumes. Moscow, 1958. Vol. 7.
6. Katkov M. N. Imperial word. Moscow, 2002.
7. Anthology of the history of state and law of the USSR (pre-October period) / ed. by Yu. P. Titov and O. I. Chistyakov. Moscow, 1990.
8. Smykalin A. S. The problem of the Russian statehood in legal and historical science: concepts, approaches, periodization // The Russian legal magazine. 2013. № 1 (88).
9. Vasilyeva I. O. Problems of periodization of the legal system of Russia // Actual problems of comparative law: proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation of the faculty, graduate students and masters. Simferopol, 2019.
10. Volkov A. P. On some approaches to the periodization of national history // Bulletin of the Samara law Institute. 2013. № 2 (10).

Чубейко Сергей Валерьевич
Chubeiko Sergey Valerievich

преподаватель кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел Ростовского юридического института МВД России кандидат технических наук.

Lecturer at the Department of Information Support of Internal Affairs Bodies of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Technical Science.
E-mail: greyc@mail.ru

Тимакина Юлия Анатольевна
Timakina Julia Anatolyevna

доцент кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел Ростовского юридического института МВД России кандидат экономических наук.

Associate Professor of the Department of Information Support of the Internal Affairs Bodies of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Economics.
E-mail: tja333@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ
СФЕРЫ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Features of legal regulation of the information sphere of foreign states
and the Russian Federation**

В статье рассмотрены особенности национального законодательства в сфере информационных технологий и информационной безопасности ряда стран в сравнении с Российской Федерацией. Авторами уделено особое внимание вопросу обращения криптовалют и их миграции в правовое пространство.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационные технологии, криптовалюта, правовое регулирование информационных технологий.

The article discusses the features of national legislation in the field of information technology and information security of a number of countries in comparison with the Russian Federation. The authors pay special attention to the issue of circulation of cryptocurrencies and their migration into the legal space.

Keywords: information security, information technology, cryptocurrency, legal regulation of information technology.

Информационные технологии являются одним из наиболее динамично развивающихся направлений в современном мире. Распространение широкополосного доступа в Интернет, появление новых технологий эмиссии цифровых денег, big data и Интернет вещей обусловили прорыв в области программного обеспечения, искусственного интеллекта и экспертных систем. Такие достижения науки внедряются во все сферы современного информационного общества и при этом возникает потребность в создании соответствующей нормативной базы, регламентирующей применение и использование новых информационных технологий, а также обеспечение информационной безопасности. Если рассматривать другие сферы деятельности, то в боль-

шинстве случаев нормативная база сформирована, и по мере необходимости идет процесс ее совершенствования. В области современных информационных технологий дело обстоит сложнее: сначала появляется и внедряется новая технология, а затем создается соответствующая законодательная база.

С возросшей популярностью социальных сетей и видеохостинговых сайтов происходит перераспределение информационных потоков в сторону интернет-сообществ. При этом пользователь становится не только потребителем, но и источником информации.

Человека, публикующего посты на своей странице, принято называть блогером. В России принят Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 97-ФЗ «О внесении изменений в

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» [1]. Данные поправки заключались в определении блогера как лица, владеющего сайтом или отдельной его страницей с посещаемостью в сутки 3 000 человек и более и в обязанности которого входит регистрация в реестре Роскомнадзора. Данное определение являлось достаточно спорным, поскольку не все владельцы сайтов технически могли предоставить данную информацию, а также при кратковременной популярности встает вопрос о целесообразности регистрации блогера.

Вышеуказанная ситуация явилась одной из причин повторной актуализации Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2] в части касающейся деятельности блогеров в России. Так, с 29 июля 2017 года в Федеральном законе № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» утратили силу законодательные нормы, регулировавшие деятельность блогеров. Признаны утратившими силу ст. 10.2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и п. 2 ст. 1 Федерального закона от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» [3]. При этом отменено ведение страниц владельцев сайтов в реестре Роскомнадзора. В связи с чем данная сфера нуждается в новой законодательной базе, поскольку на текущий момент нет действующих нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность блогеров.

Помимо перераспределения информационного трафика, развитие телекоммуникационных сетей послужило развитию цифровой валюты, основанной на блокчейн-технологии. В настоящее время наиболее распространенными криптовалютами являются bitcoin, ethereum, dash, monero и litecoin. Однако их общее количество превышает несколько сотен и постоянно растет. Для правомерного и грамотного их исполь-

зования нужно понимать принцип действия блокчейн-технологий, а также необходима четко прописанная законодательная база как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах, без возможности ее двоякой интерпретации.

На данный момент в России операции с криптовалютой не регламентированы на законодательном уровне, однако уже подготовлен законопроект «О цифровых финансовых активах» [4], позволяющий систематизировать и определить правовой статус электронных денег, основными особенностями которых являются обезличенность при совершении транзакции и возможность создания неограниченного количества «кошельков», то есть определенного рода счетов, на которых аккумулируются взаиморасчеты.

В нашей стране ведется большая работа по пресечению преступной деятельности, а использование цифровых капиталов может привести к дополнительным возможностям бесконтрольного финансирования различных противоправных действий, в том числе терроризма и экстремизма. Если вопрос идентификации расчетов будет решен на законодательном уровне, тогда можно говорить о правомерном использовании криптовалют.

Подход к использованию цифровой наличности очень сильно отличается в различных странах. В некоторых государствах криптовалюту принимают на уровне с обычными фиатными деньгами, а в ряде государств они запрещены или не регламентированы.

Япония – одна из первых стран, которая разрешила в 2016 году взаиморасчеты в криптовалюте bitcoin. В Китайской Народной Республике цифровые деньги разрешены для использования только физическими лицами [8].

Высшая инстанция Суда Европейского союза (Европейский суд) в 2015 году постановила, что операции обмена криптовалюты bitcoin на фиатные валюты освобождаются от налога на добавленную стоимость (НДС). Тем самым операции с криптовалютой bitcoin были отнесены к платежным операциям с валютами, которые, в свою очередь, не облагаются НДС [9]. Налоги для государства является важным элементом доходов, поэтому многие страны пытаются определить сферу цифровой наличности именно в этом направлении. В таблице 1 представлены основные страны, которые определились с отношением к криптовалютам в области налогообложения.

Налогообложение цифровых валют в различных странах

№	Государство	Отношение к цифровым валютам в области налогообложения
1	Израиль	Облагается налогом как актив
2	Болгария	Облагается налогом как финансовый актив
3	Швейцария	Облагается налогом в иностранной валюте
4	Дания	Облагается подоходным налогом и убытки вычитаются
5	Великобритания	Юридические лица (корпорации) платят корпоративный налог, предприятия без образования юридического лица платят подоходный налог, физические лица платят налог на прирост капитала
6	Аргентина	Облагается подоходным налогом
7	Испания	Облагается подоходным налогом

Ряд стран имеют свое понимание учета цифровых финансовых активов. Так, например, Хорватия к данному вопросу подошла не так демократично, как Япония, и объявила законным платежным средством только хорватскую куну, однако использование и торговля цифровой монетой bitcoin не является неправомерной, то есть не запрещается, но при этом не обязывает использовать криптовалюту для взаиморасчетов [10].

В Эстонии, основываясь на угрозе информационной безопасности, в 2017 году были внесены изменения в закон «О противодействии отмыванию денег и финансированию терроризма» [5], который предусматривает возможность оказывать услуги, связанные с криптовалютой только на основании лицензии, выданной полицией Эстонии.

Страны Карибского бассейна разделились в вопросе отношения к электронным деньгам на два лагеря. Одна часть стран (Содружество Доминики, Сент-Люсия, Ангилья, Антигуа и Барбуда, Гренада, Монтсеррат, Сент-Китс и Невис, Сент-Винсент и Гренадины) имеют единую валюту. Общим денежным органом этих стран является Восточно-карибский центральный банк, который начал участвовать в пилотном проекте по созданию собственной цифровой валюты на основе блокчейн-технологий [11]. Остальные страны Карибского бассейна не готовы использовать данные технологии в финансовой сфере.

Большинство стран еще не определились

на государственном уровне в вопросе использования криптовалюты как законного платежного средства, в связи с чем не имеют соответствующей нормативной базы. К таким странам можно отнести Финляндию, Ирландию, Францию, Содружество Багамских Островов, Барбадос, Британские Виргинские острова и многие другие. Однако большинство стран единогласны в вопросе необходимости создания нормативной базы для удаления пробелов в законодательстве, регламентирующем вышеуказанную сферу деятельности.

Когда на телекоммуникационных сетях лежит задача передачи цифровой валюты либо другого рода информации, носящей конфиденциальный характер или материальную выгоду, возникает вопрос ее сохранности и надежности, на что необходимо обращать особое внимание как отдельным пользователям, так и государству в целом. При этом необходимо совершенствовать методы защиты информации как средствами аппаратного и программного обеспечения, так и на законодательном уровне.

В Российской Федерации определена основная стратегия развития в области информационной безопасности, однако, учитывая современные реалии, данные нормы необходимо постоянно совершенствовать. Так, с 1 ноября 2019 года вступил в силу Федеральный закон № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» [6], рег-

ламентирующий работу в сети Интернет. Данные нововведения касаются как операторов связи, так и обычных пользователей. Рассмотрим основные проблемы, которые затрагивает данный закон. Во-первых, при изменении внешнеполитической обстановки Россия должна быть готова к различным кибератакам и другим воздействиям на российский сегмент Интернета, а также к предотвращению возможности отключения от Всемирной сети. Во-вторых, из-за большого потока неотфильтрованной информации необходимо принять меры по предотвращению попадания недопустимого контента, запрещенного на уровне законодательства. В связи с чем для повышения информационной безопасности со стороны операторов связи необходима установка дополнительного оборудования для противодействия угрозам. Данные технические средства должны предотвратить возможность отключения российского сегмента Интернета от Всемирной сети. Это длительный и ресурсозатратный процесс, поэтому соответствующий закон вступает в силу только через полгода с момента его подписания. При этом государство берет на себя централизованное управление, данная функция по обеспечению бесперебойной работы поручена Роскомнадзору. Основным принципом заключается в том, что весь поток трафика должен проходить исключительно по каналам связи на территории государства. При возникновении каких-либо внешних угроз или кибератак Роскомнадзор сможет блокировать трафик без участия операторов связи.

Для бесперебойной работы государственных органов в штатном режиме необходимо следить за тем, чтобы все сервера находились на территории Российской Федерации, следует также учитывать местонахождение серверов при использовании облачных технологий.

Данные технологии достаточно хорошо защищают пользователей с точки зрения информационной безопасности, однако на другую чашу весов встает вопрос о доступности информации, что также немаловажно. При решении таких важных вопросов в области информационных технологий нужно соблюдать баланс всех потребностей пользователей.

Для более целостной картины необходимо проанализировать законодательство в области информационной безопасности других стран. Одним из факторов принятия Федерального закона от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О свя-

зи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» послужило утверждение в 2018 году новой стратегии кибербезопасности Соединенных Штатов Америки [12]. В данном документе упомянуты Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Исламская Республика Иран и Корейская Народно-Демократическая Республика как страны, от которых возможны киберугрозы. Основные принципы данной стратегии США заключаются в защите американских интересов, процветании страны, поддержании мира силой и распространении американского влияния. Управление рисками кибербезопасности для повышения надежности и устойчивости информационных систем, в том числе на критически важных объектах, является основной задачей рассматриваемого документа. Повышенное внимание в данной стратегии уделяется улучшению кибербезопасности на транспортной и морской инфраструктуре, а также в космосе.

Еще одним важным элементом политики, обозначенным в стратегии кибербезопасности США, является изменение законодательства в области электронной слежки и компьютерных преступлений. Предполагается обновление нормативных документов о компьютерных преступлениях для расширения возможностей правоохранительных органов по законному сбору необходимых доказательств преступной деятельности и проведения дальнейших оперативно-следственных и судебно-процессуальных действий. Сбор необходимой информации может происходить и за пределами США. Если ранее для осуществления подобной деятельности использовались так называемые соглашения о взаимной правовой помощи, реализуемые в том числе в рамках Будапештской конвенции по противодействию киберпреступности, то сейчас правоохранительные органы имеют расширенные полномочия по получению информации, хранящейся на тех серверах американских компаний, которые находятся за пределами США. Таким образом, заключение соглашений и соответствующее уведомление государств о проведении следственных мероприятий на их территории больше не требуются.

В стратегии национальной кибербезопасности США содержатся указания правоохранительным органам уменьшать технологические барьеры, такие как технологии анонимизации и шифрования, что нацелено на возможность контроля со стороны государства.

Рассмотрим законодательства ряда других стран для получения наиболее полной картины в сфере мирового информационного пространства.

Одним из самых ярких примеров государственного регулирования сети Интернет является Китайская Народная Республика. На территории страны доступ к иностранным сайтам ограничен. Все сайты проходят фильтрацию по основным ключевым словам, определенным в рамках государственной безопасности, также имеется список заблокированных для доступа на территории страны сайтов [7]. Крупные поисковые системы (Google, Microsoft BingSearch, Yahoo) для того, чтобы остаться на рынке Китая, добавили соответствующие фильтры [13]. Сайты, базирующиеся на территории КНР, не могут ссылаться и публиковать новости, взятые из зарубежных новостных лент, без специального разрешения.

Широкое распространение социальных сетей и возможность публиковать любую информацию в Интернете порождает новые вопросы в области государственного регулирования. Например, в Германии 30 июня 2017 года был принят закон «О мерах в отношении социальных сетей» [14]. Закон обязывает крупные сетевые платформы, такие как Facebook, Instagram, Twitter и YouTube, оперативно удалять незаконный контент. Речь идет о широком круге высказываний: от оскорбления представителей власти до прямых призывов к насилию.

В Индии существует закон «Об информационных технологиях» [15], который обеспечивает правовую основу для электронного управления, признавая электронные записи и цифровые подписи. Он также дает определение киберпреступлениям и предписывает им

наказания. В 2008 году в приведенный Закон внесена ст. 66А, предусматривающая уголовную ответственность за отправку оскорбительных сообщений. Также добавлен раздел 69, который дает власти возможность перехвата, мониторинга или дешифрования любой информации через любой компьютерный ресурс.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что государственная политика в области информационной безопасности различных стран нацелена в большей или меньшей степени на повышение уровня защищенности и уменьшение киберугроз.

На законодательном уровне любое государство пытается защитить граждан своей страны от различного рода информационных угроз, тем самым ограничивая в той или иной степени потребление информационных ресурсов.

В целом сравнительно-правовое исследование позволяет выделить два подхода к регулированию правовых отношений в области информационных технологий. Первый подход – европейский, отличающийся демократичными принципами и свободой пользования сетью. Второй подход – азиатский, отличающийся стремлением установить полный контроль информационных потоков в национальном сегменте сети Интернет.

В заключение отметим, что информационные технологии в современном мире играют огромную роль в жизни общества и для их легитимного использования и уменьшения неопределенности в данной сфере необходимо четкое и своевременное правовое сопровождение, которое должно идти параллельно с развитием и совершенствованием новых современных технологий.

Литература

1. Федеральный закон Российской Федерации от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162586/.

2. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите ин-

Bibliography

1. Federal law of the Russian Federation of 05.05.2014 № 97-FL «On amendments to the Federal law “On information, information technologies and information protection” and certain legislative acts of the Russian Federation on streamlining the exchange of information using information and telecommunication networks». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162586/.

2. Federal law of the Russian Federation of 27.07.2006 № 149-FL «On information, information technologies and information protection». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

- формации». URL: <http://www.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=322880&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8961416744376383#06278188942715617>.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 29.07.2017 № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221230/.
  4. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах)». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/57223.html>.
  5. Закон о противодействии отмыванию денег и финансированию терроризма (Эстония). URL: <https://www2.politsei.ee/dotAsset/364086.pdf>.
  6. Федеральный закон Российской Федерации от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/.
  7. Струкова П. Э. Великий китайский интернет. URL: <https://magazeta.com/internet/>.
  8. Japan officially recognizes bitcoin and digital currencies as money. URL: <https://cointelegraph.com/news/japan-officially-recognizes-bitcoin-and-digital-currencies-as-money>.
  9. The exchange of traditional currencies for units of the Bitcoin virtual currency is exempt from VAT. URL: curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-10/cp150128en.pdf.
  10. Croatian National Bank. URL: <https://www.hnb.hr/currency>.
  11. Regulation of cryptocurrency around the world. URL: <https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/world-survey.php>.
  12. National cyber strategy of the United States of America. URL: <http://csef.ru/media/articles/8665/10828.pdf>.
  13. Google to censor China web searches. URL: <https://www.cnet.com/news/google-to-censor-china-web-searches>.
  14. Act to improve enforcement of the law in social networks. URL: bmjv.de/SharedDocs/Gesetzgebungsverfahren/Dokumente/NetzDG_engl.pdf?__blob=publicationFile&v=2.
  15. The information technology act. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/185999>.
3. Federal law of the Russian Federation of 29.07.2017 № 276-FL «On amendments to the Federal law “On information, information technologies and information protection”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221230/.
4. Draft Federal law № 419059-7 «On digital financial assets and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation (on digital financial assets)». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/57223.html>.
5. Anti-money laundering and terrorist financing act (Estonia). URL: <https://www2.politsei.ee/dotAsset/364086.pdf>.
6. Federal law of the Russian Federation of 01.05.2019 № 90-FL «On amendments to the Federal law “On communications” and the Federal law “On information, information technologies and information protection”». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/.
7. Strukova P. E. The great Chinese Internet. URL: <https://magazeta.com/internet/>.
8. Japan officially recognizes bitcoin and digital currencies as money. URL: <https://cointelegraph.com/news/japan-officially-recognizes-bitcoin-and-digital-currencies-as-money>.
9. The exchange of traditional currencies for units of virtual currency bitcoin is exempt from VAT. URL: curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2015-10/cp150128en.pdf.
10. Croatian National Bank. URL: <https://www.hnb.hr/currency>.
11. Regulation of cryptocurrency around the world. URL: <https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrencies/world-survey.php>.
12. National cyber strategy of the United States of America. URL: <http://csef.ru/media/articles/8665/10828.pdf>.
13. Google to censor China web searches. URL: <https://www.cnet.com/news/google-to-censor-china-web-searches>.
14. Act to improve enforcement of the law in social networks. URL: bmjv.de/SharedDocs/Gesetzgebungsverfahren/Dokumente/NetzDG_engl.pdf?__blob=publicationFile&v=2.
15. The information technology act. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/185999>.

Александрова Анна Викторовна
Aleksandrova Anna Viktorovna

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of the State Law Disciplines Department of the Penza State University, PhD in Law,
Associate Professor.

E-mail: ann-alexandrova@mail.ru

ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

The Fourth industrial revolution and the concept of development of social legislation

В статье рассматривается эволюция концептуальных основ социального законодательства в связи с технологическим развитием, а именно изменениями, именуемыми промышленными революциями. Особое внимание уделяется Четвертой промышленной революции и ее влиянию на социальную сферу. Формулируются выводы относительно основных направлений развития социального законодательства в современных условиях перехода к цифровой экономике и информационному обществу.

Ключевые слова: общество, промышленная революция, социальное законодательство, человек, социальное обеспечение, характер труда, социальная солидарность.

The article considers the evolution of the conceptual foundations of social legislation in connection with technological development, namely, changes called industrial revolutions. Particular attention is paid to the Fourth Industrial Revolution and its impact on the social sphere. The conclusions are formulated regarding the main directions of development of social legislation in modern conditions of transition to the digital economy and the information society.

Keywords: society, industrial revolution, social legislation, people, social security, nature of labor, social solidarity.

В настоящее время вопросы повсеместного внедрения информационных технологий (цифровизации) привлекают особое внимание исследователей, представляющих различные сферы научного знания, в том числе гуманитариев. Широко обсуждается так называемая Четвертая промышленная революция – ее влияние на общественную жизнь, развитие государственных институтов, правовой системы и пр. В последние годы в России проводятся международные конференции, посвященные данной тематике: например, X Санкт-Петербургские социологические чтения «Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы» (апрель 2018 года), VI Московский юридический форум «Российская правовая система в условиях Четвертой промышленной революции» (апрель 2019 года) и ряд других.

В настоящей статье предпринимается попытка определить вектор развития социального законодательства под влиянием Четвертой промышленной революции.

Социальное законодательство, как никакая другая отрасль законодательства, тесно связано с технологическим (промышленным) развитием. Само его возникновение и последующая эволюция обусловлены изменениями в характере труда, происходившими на определенных этапах развития общества. Концепции социального законодательства и промышленное развитие общества находятся в тесной взаимосвязи и взаимодействии.

Необходимо отметить, что термин «социальное законодательство» может толковаться по-разному (как указывал советский исследователь В. И. Усенин, «само понятие социального законодательства является скорее социологическим, чем правовым») [1, с. 24]. Многие авторы используют широкий подход к пониманию данного термина, включая в него, по сути, всю совокупность нормативных актов, направленных на реализацию конституционных социальных прав (в том числе права на труд, социальное обеспечение, жилище, образование и пр.) [2, с. 7].

Другие ученые и практики опираются на узкую трактовку данного термина, приравнивая социальное законодательство к социально-обеспечительному и не включая в него трудовое, жилищное и иное законодательство [3, с. 21; 4, с. 52]. В Российской Федерации издается «Бюллетень трудового и социального законодательства». Аналогичная трактовка встречается и в учебной литературе по истории государства и права [5, с. 585, 626, 673].

В рамках настоящего исследования позволим себе использовать второй из представленных выше подходов, рассматривая социальное законодательство в узком смысле.

Прежде чем обратиться к Четвертой промышленной революции и ее влиянию на концепцию социального законодательства, необходимо кратко охарактеризовать предшествующие этапы, то есть выявить основные направления его развития в условиях трех предыдущих промышленных революций.

Как известно, первые законодательные положения, направленные на государственную поддержку некоторых категорий граждан (вдов, сирот, увечных воинов), появляются еще на ранних этапах развития государства (свидетельством тому являются древнейшие памятники права – Законы Хаммурапи, Законы Ману и другие).

Одной из исторически первых форм социальной поддержки являлась благотворительность, известная еще государствам Древнего Востока (церковная, публичная – в форме поддержки голодающих в период неурожая, раздачи милостыни и пр.). В античных государствах (Древней Греции и Древнем Риме) встречались элементы общественного призрения.

Поскольку в эпоху Древнего мира и Средневековья статус человека во многом определялся его сословным происхождением, свое развитие на данных этапах получили сословные меры социальной поддержки (общинная взаимопомощь крестьян, цеховое страхование ремесленников и т. п.).

В целом же следует отметить, что в доиндустриальную эпоху законодательные меры социальной поддержки носили точечный характер и касались лишь некоторых категорий лиц: например, инвалидов войны, нетрудоспособных нищих, детей-сирот, вдов. В отношении трудоспособных нищих, как известно, применялись меры репрессивного характера

(штрафы, тюремное заключение, каторжные работы, битье кнутом). Основными формами социальной защиты выступали общинная, семейная взаимопомощь, церковная благотворительность, содержание как особая привилегия для лиц, состоявших на государственной и военной службе. Меры социальной политики выступали проявлением некоего морального долга со стороны общества по отношению к нуждающимся. Государство не ставило перед собой цели обеспечения достойного уровня жизни для всех своих граждан, принимая меры лишь в отношении отдельных лиц в целях недопущения крайней бедности.

Первая промышленная революция, знаменовавшая собой переход от ручного труда к машинному производству, происходила в течение XVIII–XIX веков. Она повлекла за собой не только существенное увеличение производительности труда, но и изменения в организации труда, а соответственно, и в структуре общества. Промышленная революция сопровождалась процессами индустриализации, урбанизации, трансформации большой семьи в малую, изменениями в характере рабочей силы. Она привела к формированию рабочего класса – слоя населения, для которого единственным ресурсом, позволяющим заработать на жизнь, является собственная рабочая сила. Соответственно, утрата трудоспособности создает для такого трудящегося и членов его семьи угрозу лишения средств к существованию. К числу социальных рисков – событий, способных повлечь такую угрозу, относятся профессиональные заболевания, несчастные случаи на производстве, безработица и другое.

В условиях отсутствия каких-либо законодательных ограничений работодатели стремились извлечь из производства максимальную прибыль, в том числе и посредством эксплуатации трудящихся (использования труда малолетних детей, женщин, труда в ночное время и пр.). Известно, что условия труда рабочих на большинстве предприятий были очень тяжелыми. В XIX веке необходимость государственного вмешательства в данную сферу становится очевидной как с точки зрения гуманистических ценностей (возведенных в ранг конституционных принципов в эпоху буржуазных революций), так и из чисто экономических соображений, в целях обеспечения вос-

производства населения, восстановления ресурсов рабочей силы.

В связи с этим появляются законодательные акты, направленные на ограничение наиболее вопиющих форм эксплуатации (например, английский закон 1803 года о запрете ночного труда детей в текстильной промышленности; французский закон 1941 года о запрете труда детей младше 8 лет и другие).

Правящие круги приходят к пониманию необходимости государственного регулирования социальной сферы постепенно. Большую роль в этом сыграли рабочее и революционное движения XVIII–XIX веков.

В качестве временных границ Второй промышленной революции обычно называют вторую половину XIX – начало XX века, связывая ее с переходом к производству высококачественной стали, распространением электричества, железных дорог и химикатов, массовым внедрением поточного производства. Выполнение человеком определенной функции в рамках конвейерного производства делает его своего рода винтиком в экономическом процессе. Размышляя о разделении общественного труда, французский социолог Э. Дюркгейм приходит к выводу о необходимости социальной солидарности: разделение труда увеличивает зависимость каждого гражданина от общества в целом, поскольку отдельные индивиды выполняют в общественном производстве взаимодополняющие функции. Такую взаимосвязь членов общества Дюркгейм назвал «органической» солидарностью [6, с. 55–104]. В отличие от механической солидарности первобытного общества органическая солидарность рождается вследствие дифференциации индивидов, разделения их функций в общественном производстве.

Юридическим выражением принципа солидарности в сфере социальной защиты становится законодательство о социальном страховании. Система финансирования социального страхования, как известно, строится на взносах социальных партнеров (работников и работодателей) при субсидиарном участии государства. Пробразом государственной системы социального страхования явились добровольные страховые кассы рабочих, появившиеся в зарубежных странах еще в XVII веке.

Примером государственного регулирования сферы социального страхования для мно-

гих становится германское законодательство, принятое в годы правления канцлера Отто фон Бисмарка. В 1880-е годы в Германии были приняты законы о медицинском страховании работников на случай болезни (1883), страховании от несчастных случаев на производстве (1884), пенсионном страховании (1889). В 1890–1900 годы аналогичные законы были приняты в Великобритании, Франции и иных европейских странах; в начале XX века они появляются в России.

Таким образом, «капиталистический способ производства стал основой для возникновения не только трудовых прав, но и права на социальное обеспечение как структурно-сложного права, реализация которого основана на принципах сочетания государственной социальной помощи и социального страхования» [7, с. 101]. Именно на данном этапе формируются национальные системы социального страхования.

Циклическое развитие свободной, нерегулируемой рыночной экономики неизбежно приводит к кризисам, которые в условиях капиталистического способа производства приобретают масштабный характер и создают угрозу социально-политической стабильности государства. В связи с этим в XX веке в зарубежных странах происходит изменение социальной роли государства, активизация его вмешательства в экономическую сферу, в частности, разработка государственных программ занятости, социальной защиты безработных и другое. После Второй мировой войны во многих странах предпринимаются попытки создать национальные системы социального обеспечения, основанные на принципах всеобщности и универсальности (не во всех странах это удалось сделать).

Социальное государство возводится в ранг конституционного принципа. В развитых зарубежных странах государство всеобщего благоденствия (всеобщего социального обеспечения) достигает своего апогея в 1960-е годы.

Третью промышленную революцию обычно связывают с массовой автоматизацией и компьютеризацией производства, переходом от использования полезных ископаемых к возобновляемым источникам энергии, возрастанием роли информационных технологий. Исследователи, обращая внимание на отдельные аспекты происходящих в экономике фундамен-

тальных изменений, именуют эту революцию постиндустриальной, цифровой, мультимедийной, менеджерской и пр. [8, с. 12].

Считается, что термин «постиндустриальная революция» впервые употребил социолог Дэниел Белл [19] для обозначения процесса перехода к новому типу общества, основанному на знаниях.

Основными сущностными характеристиками постиндустриального общества, согласно концепции Д. Белла, выступают: преобладание сферы услуг над сферой производства, появление новых видов услуг («гуманитарные – образование, здравоохранение, социальные службы, и профессиональные услуги – анализ и планирование, дизайн, программирование и т. д.»), возрастание роли теоретических знаний в производстве товаров и услуг, а следовательно, повышение ценности образования [9, с. 73].

Большинство исследователей постиндустриального общества указывают, что процесс его становления происходил с начала 1970-х до конца 1980-х годов, хотя отдельные тенденции (например, динамика занятости, обеспечивавшая доминирование сферы услуг над материальным производством) стали формироваться сразу после Второй мировой войны.

На рубеже XX–XXI веков социальное законодательство под влиянием Третьей промышленной революции, а также иных факторов (демографический кризис, глобализация, снижение темпов промышленного роста) претерпевает серьезные изменения.

Индивидуализация трудовых отношений приводит к кризису коллективных форм защиты интересов трудящихся, а также кризису принципа солидарности как такового. Основной тенденцией развития социального законодательства становится возложение значительной доли ответственности в области социальной защиты на самого индивида. Речь идет, в том числе и о финансовом бремени – о развитии добровольных систем социального страхования, накопительных программ (с привлечением к этому процессу частных организаций и фондов). Параллельно происходит снижение государственных гарантий в сфере социального обеспечения (ограничение периода выплаты пособия по безработице, сужение перечня лекарств и медицинских услуг, предоставляемых по программам медицинского страхования; увеличение возраста выхода на

пенсию и требуемого страхового стажа, возрастание размеров страховых взносов и пр.). Особое внимание уделяется адресным формам социальной поддержки: социальные выплаты предоставляются с учетом материального положения лица, алиментных обязательств его родственников и т. п.

В 2008 году председатель Фонда социального страхования РФ доктор экономических наук Калашников С. В. указывал на девальвацию, деструкцию фундаментальных основ социального страхования (которые обеспечивали его успешное функционирование в течение 150 лет). Он, в частности, подчеркивал неспособность социального страхования справиться с рядом социальных рисков, если они приобретают массовый характер и происходят одновременно: глобальные экономические кризисы (массовая безработица), техногенные катастрофы и т. п. Также отмечалась неспособность социального страхования дифференцировать объективные и субъективные социальные риски; трансформация горизонтального распределения средств в вертикальное и другое [10, с. 26–27].

На рубеже XX–XXI веков исследователи говорят о кризисе социального государства. Высказываются предположения о его отмирании либо трансформации в своего рода «трудолюбивое государство», «государство, благоприятствующее труду» [11, с. 186].

Переход к постиндустриальному обществу, как представляется, еще не завершен (далеко не во всех странах наличествуют его основные элементы), однако в настоящее время активно обсуждается Четвертая промышленная революция, которую связывают с повсеместным использованием Интернета, цифровизацией всех сфер общественной жизни и внедрением «киберфизических систем» в заводские процессы: «целые этапы производства будут происходить без участия человека» [12]. Данную революцию исследователи рассматривают как «симбиоз новых технических систем, интеллектуальных компьютерных технологий и человеческого ресурса» [13, с. 119].

Изменение системы социальных отношений в современном обществе связано со скачком в росте «оцифрованного» мира: «это и информационная экономика, и виртуальный бизнес, и оцифрованный ресурс социальной памяти, и компьютеризированное делопро-

изводство, и менеджмент, и информатизированные телекоммуникации, и виртуальная культура» [14, с. 43].

По мнению президента Всемирного экономического форума Т. Шваба, самостоятельность Четвертой промышленной революции (ее обособленность от революции Третьей) обусловлена, во-первых, темпами развития (не линейными, а экспоненциальными), во-вторых, шириной и глубиной, и в-третьих, системным характером воздействия на общественные отношения [15, с. 11].

В связи с этим каким может быть влияние Четвертой промышленной революции на социальное законодательство и социальную сферу в целом?

Очевидно, что многие профессии (те, в которых человека может заменить машина) будут отмирать, причем не только связанные с физическим, но и с интеллектуальным трудом (бухгалтер, редактор и другие). Поэтому наверняка мир столкнется с проблемой роста безработицы (которая и сейчас имеет серьезные масштабы), а также с вопросами социального обеспечения безработных. Повышение пенсионного возраста, происходящее в большинстве стран в последние десятилетия, с одной стороны, позволяет несколько смягчить кризисные явления в сфере пенсионного страхования, но с другой стороны, негативно влияет на проблему занятости (особенно занятости молодежи, поскольку рабочие места оказываются занятыми пожилыми работниками). Очевидно, традиционная модель социального страхования с такого рода вызовами справиться не способна, так как снижение доли занятых приведет к снижению уплачиваемых социальных взносов.

В то же время отчетливой тенденцией последних лет стало стремление законодателя поддерживать работников, имеющих семейные обязанности, и обеспечивать им возможность сочетания трудовой деятельности с воспитанием детей и т. п. Отказ многих людей от рождения детей в принципе и стремление к самореализации также составляют серьезную проблему для государства, в связи с чем необходима реализация продуманной политики в сфере стимулирования рождаемости.

Одним из ответов на социальные вызовы современной эпохи может быть предложенная группой европейских экспертов концеп-

ция «профессионального состояния личности» [20, р. 560], которая предусматривает обеспечение преемственности социального статуса трудящегося, несмотря на различие задач, которые он осуществляет в течение всей профессиональной жизни. Современное право должно регулировать не только традиционные формы наемного труда, но и труд самозанятых работников; труд, посвященный приобретению или совершенствованию своих знаний; труд по воспитанию детей и уходу за нетрудоспособными родственниками; домашний труд и так далее. Все перечисленные формы труда должны поддерживаться и финансироваться государством как общественно значимые. Позитивные примеры уже имеются, например, в сфере регулирования права на образование: в Бельгии используются так называемые образовательные чеки (которые предоставляются самозанятым работникам и работникам малых и средних предприятий для повышения профессиональной квалификации и расширения технических компетенций; региональное правительство финансирует 50 % стоимости обучения, остальное оплачивается работодателем или самим работником [21]). Во Франции закон 2013 года [22] учредил для каждого работника персональный образовательный счет, который предоставляет возможность использовать до 20 часов профессионального обучения в год (в целом – до 120 часов), финансируемых за счет государства и взносов предприятий (численностью более 10 человек).

Этимология слов, обозначающих эти социальные права нового типа, связана с отношениями кредитования: речь идет о кредитах, чеках, накоплении, аккумулировании и пр. А. Supiot [20, р. 564] предлагает называть их «социальные права заимствования», поскольку реализация данных прав зависит от двух условий: формирование достаточного резерва и решение его обладателя воспользоваться этим резервом. Пополняться данный резерв может как государством, так и системой социального страхования, а также работодателями либо самим работником. Названные права носят социальный характер, поскольку являются выражением социальной функции государства и имеют целью формирование и развитие человеческого капитала.

Представляется, что данный опыт можно использовать и в сфере поддержки семей с

детьми, расширив возможности кредитования семей и участия государства в финансировании разного рода семейных расходов (достаточно близка к рассмотренным методам российская программа материнского капитала, аналогичные программы действуют в Италии, Австралии, Великобритании).

Еще одним возможным путем развития социального законодательства может стать внедрение социальной защиты, структурированной в зависимости от различных этапов жизненного пути человека. Концепция социальной защиты, учитывающей индивидуальное развитие личности, предполагает включение в данный процесс целого ряда институтов (государственных органов, частных организаций, семьи и пр.) и уделение превентивным и реабилитационным мерам более важного значения в социальной политике. Об этой концепции упоминается в докладе Международной ассоциации социального обеспечения (МАСО) о тенденциях развития европейских систем социального обеспечения [23, р. 5].

В докладе МАСО также отмечается наблюдаемый переход к «разумной специализации» (адресности) пособий. Имеется в виду учет все возрастающих различий в доходах получателей пособий, причем при оценке имущественного положения учитываются не только заработная плата и иные денежные доходы, но и имущество семьи, профессиональный статус и состояние здоровья получателя и другое. Однако, представляется, что бесконечная специализация социальных пособий, ориентация их только на принципы адресности сводит на нет основные начала социальной политики. Например, мы поддерживаем материнство и детство вообще или только неимущих? Ориентация государства на поддержку малоимущих семей в конечном итоге ведет к консервации бедности, поскольку семьи со средним доходом никакой помощи не получают.

По нашему мнению, главным ответом общества на социальные вызовы Четвертой промышленной революции должна стать новая солидарность (в противовес индивидуализации эпохи Третьей промышленной революции). Цифровизация обыденной жизни «выталкивает» человеческое общение и многие процедуры (получение документов, заключение сделок и т. п.) в киберпространство. Социальная жизнь становится все более прозрач-

ной (несмотря на строгое законодательство о защите персональных данных). Представляется, что в таких условиях мы получим новые сообщества, нового рода коллективизм и новую социальную солидарность. Общение в Интернете, как сейчас наблюдаем, облегчает организацию разного рода коллективных акций, флеш-мобов и т. п. [16, с. 101].

Возврат к принципам всеобщности и универсальности (в отличие от адресности и адекватности) можно наблюдать на примере безусловного базового дохода, который предполагает регулярную выплату каждому члену общества определенной денежной суммы (соотносимой с прожиточным минимумом), не обусловленной необходимостью выполнения какой-либо работы и не связанной с уровнем дохода получателя. Эксперименты по введению безусловного базового дохода проводились в последние годы в ряде как развитых (США, Финляндия, Канада), так и развивающихся стран (Намибия, Кения).

В трудах специалистов в области социального права [20, р. 566; 22, р. 299] встречается обращение к опыту африканских стран, а именно к принципам общинной взаимопомощи, которые могут быть переведены на русский язык известной пословицей: не имей сто рублей, а имей сто друзей. «Эти права придают современную форму той разновидности богатства, которая хорошо известна традиционным обществам: богат не тот, у кого много денег, а тот, у кого широкие социальные связи. Богатый – это тот, у кого есть много людей, на которых он может рассчитывать. Именно солидарность (тех, которые поочередно выступают создателями и получателями благ) составляет наиболее надежную гарантию одинаковой свободы и обеспечения каждого» [20, р. 566].

Что касается нашей страны, то «в русской традиции каждая личность воспринимается в симфоническом единстве с другими людьми, индивидуализированное бытие субъекта в национальном мышлении не имеет ценности вне социальной жизни коллектива» [17, с. 14]. Таким образом, принципам накопительства и финансовым инструментам в области социального обеспечения вполне могут быть противопоставлены принципы солидарности и горизонтальных социальных связей.

Идея о том, что Четвертая промышленная революция должна ориентироваться на чело-

века, а не выступать дегуманизирующей, обезличивающей силой, высказывается и представителями Всемирного экономического форума [15, с. 12; 18, с. 17], при этом подчеркива-

ется, что для придания ей такой направленности необходимы совместные усилия государств, национальных правительств и всего общества.

Литература

1. Усенин В. И. Реформизм и буржуазное социальное законодательство. М., 1967.
2. Социальное законодательство: научно-практическое пособие / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. Н. Зенков. М., 2005.
3. Казанцева А. Н. Законодательство по вопросам социальной защиты и социального обслуживания в России и Великобритании. Пермь, 2015.
4. Чесалина О. В. Работа на основе интернет-платформ (crowdwork и work on demand via apps) как вызов трудовому и социальному праву // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 1.
5. История государства и права зарубежных стран / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. М., 2005. Т. II. Современная эпоха.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900.
7. Лушников М. В. Право на социальное обеспечение: теория, история, законодательство // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2007. № 2.
8. Галгано Ф. Объявленная революция // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 3.
9. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 2004.
10. Калашников С. В. О правовом обеспечении социальной политики // Конституция, закон и социальная сфера общества. М., 2009.
11. Сравнительное конституционное право / отв. ред. В. Е. Чиркин. М., 2002.
12. Комиссаров А. Четвертая промышленная революция // Ведомости. 2015. 13 октября.
13. Поздеева Е. Г., Тростинская И. Р. Четвертая промышленная революция в резонансе научных идей (по материалам X юбилейных Санкт-Петербургских социологических чтений) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9. № 2.
14. Немчина В. И., Сапунова Т. Г. Идентификационная дихотомия информационного общества: свобода и принуждение // Философия права. 2018. № 4.

Bibliography

1. Usenin V. I. Reformism and bourgeois social legislation. Moscow, 1967.
2. Social legislation: scientific and practical manual / executive ed. Yu. A. Tikhomirov, V. N. Zenkov. Moscow, 2005.
3. Kazantseva A. N. Legislation on social protection and social services in Russia and UK. Perm, 2015.
4. Chesalina O. V. Work based on Internet platforms (crowdwork and work on demand via apps) as a challenge to labor and social law // Labor law in Russia and abroad. 2017. № 1.
5. History of the state and law of foreign countries / executive ed. O. N. Krasheninnikov. Moscow, 2005. Vol. II. The modern era.
6. Durkheim E. On the division of social labor. Odessa, 1900.
7. Lushnikova M. V. The right to social security: theory, history, legislation // Bulletin of labor law and social security law. 2007. № 2.
8. Galgano F. Declared revolution // News of universities. Jurisprudence. 2013. № 3.
9. Bell D. The coming post-Industrial society: an experience of social forecasting. Moscow, 2004.
10. Kalashnikov S. V. On legal support of social policy // Constitution, law and social sphere of society. Moscow, 2009.
11. Comparative constitutional law / executive ed. V. E. Chirkin. Moscow, 2002.
12. Komissarov A. The Fourth industrial revolution // Vedomosti. 2015. October 13.
13. Pozdееva E. G., Trostinskaya I. R. The fourth industrial revolution in the resonance of scientific ideas (based on the materials of the 10th anniversary St. Petersburg sociological readings) // Scientific and technical news of St. Petersburg state polytechnical University. Humanitarian and social sciences. 2018. Vol. 9. № 2.
14. Nemchina V. I., Sapunova T. G. Identification dichotomy of information society: freedom and coercion // Philosophy of law. 2018. № 4.
15. Schwab K. Fourth industrial revolution. Moscow, 2018.
16. Upornikova I. V., Vakulenko N. A., Kovtun N. A. Homo Retis – a «network person» as a

-
-
15. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2018.
16. Упорникова И. В., Вакуленко Н. А., Ковтун Н. А. Homo Retis – «сетевой человек» как участник новых форм политического участия // Философия права. 2019. № 1 (88).
17. Серегин А. В. Духовно-нравственное учение о правовой культуре. М., 2016.
18. Четвертая промышленная революция. Целевые ориентиры развития промышленных технологий и инноваций. Женева, 2019.
19. Bell D. The coming of post-industrial society: a venture of social forecasting. New York, 1973.
20. Supiot A. Vers un nouveau statut social attaché à la personne du travailleur? Mis en perspective des réformes depuis 2013 // Le Droit Ouvrier. Octobre 2015. № 807.
21. Décret du 10 avril 2003 relatif aux incitants financiers à la formation des travailleurs occupés par les entreprises. URL: <https://wallex.wallonie.be/index.php?doc=4027>.
22. Loi n° 2013-504 du 14 juin 2013 relative à la sécurisation de l'emploi. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte = JORFTEXT000027546648>.
23. Europe: approches stratégiques pour renforcer la sécurité sociale Développements et tendances 2016. Genève, 2016.
24. Nguebou Toukam J., Fabre-Magnan M. La tontine: une leçon africaine de solidarité // Du droit du travail aux droits de l'humanité. Etudes offertes à Philippe-Jean Hesse. Paris, 2003.
- participant in new forms of political participation // Philosophy of law. 2019. № 1 (88).
17. Seregin A. V. Spiritual and moral doctrine of legal culture. Moscow, 2016.
18. The Fourth industrial revolution. Targets for the development of industrial technology and innovation. Geneva, 2019.
19. Bell D. The coming of post-industrial society: a venture of social forecasting. New York, 1973.
20. Supiot A. Towards a new social status attached to the person of the worker? Put in perspective reforms since 2013 // Labor law. October 2015. № 807.
21. Decree of 10 April 2003 on financial incentives for the training of workers employed by enterprises. URL: <https://wallex.wallonie.be/index.php?doc=4027>.
22. Law n° 2013-504 of June 14, 2013 relative to the security of employment. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte = JORFTEXT000027546648>.
23. Europe: strategic approaches to strengthen social security Developments and trends 2016. Geneva, 2016.
24. Nguebou Toukam J., Fabre-Magnan M. The tontine: an African lesson of solidarity // From labor law to the rights of humanity. Studies offered to Philippe-Jean Hesse. Paris, 2003.

Григорьев Станислав Эрикович
Grigoriev Stanislav Erikovich

соискатель кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета.

Post-Graduate Student of Theory and History of State and Law Department of the Kuban State University.

E-mail: grigorievse@mail.ru

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА

Patriotic education in the system of realization of educational function of law

Статья посвящена анализу мер патриотического воспитания в контексте реализации воспитательной функции права, в том числе на региональном уровне.

The article is devoted to analysis of the measures of patriotic education in the context of realization of educational function of law, including the regional level.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, функции, принципы, формы, система, право.

Keywords: patriotic education, functions, principles, methods, systems, law.

Одним из все более актуальных направлений реализации воспитательной функции права в условиях конфликтности современного глобального развития выступает патриотическое воспитание. Последнее в настоящее время становится достаточно многоаспектным и приобретает новое звучание в связи с усилением различного рода противоречий, коллизий в современном мире, борьбой противоречивых тенденций различных уровней в мировом масштабе. Для современного этапа развития Российского государства и его правовой системы характерны, помимо прочего, такие тенденции развития правовой культуры молодых людей, как либерализация правового сознания и, соответственно, юридически значимого поведения, усиление их разновекторности в связи с глобализацией, развитием массовой культуры и иными мировыми тенденциями, не всегда однозначными. В этих условиях важнейшее значение приобретает патриотическое воспитание, на что справедливо указывается в литературе [1, с. 9; 2, с. 12].

Удельный вес патриотического воспитания в реализации воспитательной функции права возрастает, патриотизм по праву стал неотъемлемой частью политико-правовой идеологии в современной России. При этом и сама идея патриотизма может быть достаточно разносторонней, возможно даже злоупотребление ей в угоду неким конъюнктурным и даже антиправо-

вым политическим интересам. Именно поэтому патриотическое воспитание должно стать предметом самого пристального внимания и правовой доктрины, и государственной политики, и действующего законодательства.

Поскольку патриотическое воспитание является неотъемлемой частью, существенным направлением реализации воспитательной функции права в современных условиях, следует принять за основу то, что в патриотическом воспитании могут быть восприняты общие принципы управления правовоспитательным процессом: беспристрастность системы управления правовоспитательным процессом, избирательность, конкретность, научная обоснованность, законность, гласность в действии и совершенствовании механизма управленческих решений в процессе реализации правовоспитательных мероприятий.

Для осуществления воспитательной функции права важно, чтобы меры по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию целенаправленно приводились в единую согласованную систему, охватывающую федеральный и региональный аспекты. В данном контексте следует прежде всего указать на ряд нормативных правовых актов федерального уровня, прямо регламентирующих вопросы патриотического воспитания: Закон РФ от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [3], Фе-

Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [4], Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» [5], Федеральный закон от 09.05.2006 № 68-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации “Город воинской славы”» [6], Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [7]. Следует отметить также такие акты, как Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 «Об утверждении основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [8], а также Программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», которые стали разрабатываться в современной России с 2001 года.

В целях достижения реальной результативности правового воспитательного воздействия в области патриотического воспитания существенно то, что это воспитание доктринально основывается на разработанной не так давно Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации [9]. Эта Концепция получила разработку в Российском государственном военном историко-культурном центре (Росвоенцентр) совместно с федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации во исполнение Перечня мероприятий по реализации Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2001–2005 годы». В то же время такая Концепция должна подвергаться регулярному мониторингу на предмет своей эффективности и соответствия изменяющимся условиям политической и социальной жизни.

Проект Концепции рассматривался и обсуждался во всех федеральных органах исполнительной власти, а также в 83-х субъектах Российской Федерации. В ней сконцентрирован комплекс ориентиров и целей патриотического воспитания в современной России и ее регионах. Как явствует из текста Концепции, это документ, выражающий систему официально принятых воззрений на государственную политику в области патриотического воспитания, а сам патриотизм должен придать новый импульс духовному оздоровлению нашего народа, эффективному формированию в России единого гражданского

общества. В Концепции отмечено, что патриотизм выступает нравственной основой жизнеспособности любого государства и в качестве существенного внутреннего мобилизующего ресурса развития нашего общества, основой формирования активной гражданской позиции индивида, готовности его к самоотверженному и бескорыстному служению своему Отечеству. Патриотизм как общественный феномен называется в качестве цементирующей основы существования и успешного развития любых наций и государственности. На макроуровне же патриотизм представляет собой значимую часть массового сознания, находящую выражение в коллективных эмоциях, настроениях, чувствах, мнениях, в отношении к своему государству и народу, его образу жизни, истории, культурной специфике, системе базовых ценностей. Важно также, что в Концепции дается определение патриотизму как «любви к своей Родине, преданности своему Отечеству, стремления служить его интересам и готовности, вплоть до самопожертвования, к его защите».

Однако федеральный закон о патриотическом и духовно-нравственном воспитании, к сожалению, на уровне России в целом до настоящего времени не доработан и не принят, хотя проект и находится на стадии разработки в Государственной Думе.

Разрабатываются и принимаются соответствующие нормативные акты на уровне субъектов РФ. В данном контексте для иллюстрации нельзя не вспомнить Закон Краснодарского края «О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Краснодарском крае», который принят 25 декабря 2013 года. Значимо, что в нем не только формулируются легальные определения самого патриотического и духовно-нравственного воспитания, но и указываются цели и задачи такого воспитания.

В указанном Законе основными в качестве целей и задач патриотического и духовно-нравственного воспитания граждан в Краснодарском крае провозглашаются: «формирование патриотических чувств и сознания граждан; развитие в обществе высокой социальной активности, гражданской ответственности, нравственности и духовности; содействие становлению граждан, способных участвовать в созидательном процессе в интересах Отечества и общества, в целях укрепления государства, обеспечения его безопасности и устойчивого

развития; формирование и утверждение в общественном сознании патриотических взглядов и убеждений, уважение истории и культуры страны и региона, повышение престижа государственной службы; формирование расовой, национальной, религиозной терпимости и т. д.» [10]. Естественно, что аналогичные и другие цели и задачи должны быть сформулированы и получить свою реализацию во всех регионах, а также обобщаться и подвергаться анализу на федеральном уровне как доктринально, так и практически, нормативно. Несомненно, они имеют большое значение в плане реализации воспитательной функции права.

В других субъектах РФ патриотическому воспитанию также нередко уделяется существенное внимание. В частности, в Законе Московской области от 25.06.2015 № 114/2015-03 «О патриотическом воспитании в Московской области» патриотическое воспитание обозначено как «важный и необходимый элемент государственной политики» [11]. В ряде региональных законодательных актов содержатся весьма обоснованные легальные определения патриотического и духовно-нравственного воспитания. Например, в Законе Волгоградской области от 05.12.2016 № 123-ОД «О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Волгоградской области» излагается определение следующего характера: «Патриотическое и духовно-нравственное воспитание – систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти Волгоградской области, органов местного самоуправления, общественно-государственных и общественных объединений в Волгоградской области по формированию у граждан высокого патриотического сознания, духовно-нравственных ценностей, верности Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите Отечества» [12].

Отметим в этой связи, что наличие в региональном законодательстве легальных определений (дефиниций) патриотического воспитания имеет существенное значение в контексте достижения точности и конкретности юридического воздействия в данной сфере, хотя эти дефиниции должны быть в определенной мере унифицированы, что значимо в плане осуществления воспитательной функции права.

Сформулированы определения патриотического воспитания и в иных нормативных актах субъектов. Например, в Законе Смоленской

области от 10.07.2014 № 94-З «О патриотическом воспитании в Смоленской области» под патриотическим воспитанием нормативно подразумевается «систематическая и целенаправленная деятельность по формированию у граждан РФ любви к Родине, преданности и верности Отечеству, стремления служить его интересам и готовности к его защите» [13]. Изложена легальная дефиниция патриотического воспитания и в уже упоминавшемся Законе Московской области: «систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти Московской области, органов местного самоуправления муниципальных образований Московской области, которая связана с реализацией мероприятий, направленных на формирование у граждан высокого патриотического сознания, верности Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите Отечества» [11]. Отметим, что здесь нормативно закреплено также военно-патриотическое воспитание как отдельная самостоятельная составная часть патриотического воспитания, направленная на формирование у российских граждан высокой степени готовности к военной и правоохранительной службе и на всестороннее развитие в связи с этим прикладных знаний и практических навыков. Думается, что сформулированные в субъектах РФ законодательные определения патриотического воспитания необходимо согласовать друг с другом на основе проведенного сравнительного анализа, что важно в контексте единообразной реализации воспитательной функции права в регионах, тем более, что они и так достаточно сходны по ряду моментов.

Заслуживает научного, а возможно, и практического внимания имеющаяся в данном Законе Московской области попытка ввести в оборот термин «система патриотического воспитания». Полагаем, что системный подход был бы полезен в плане повышения эффективности реализации воспитательной функции права в региональном законодательстве и проведения соответствующих воспитательных мероприятий.

Стремление ввести в законодательный оборот новые термины в качестве неких ориентиров отметим в Законе Нижегородской области от 01.08.2016 № 102-З «О патриотическом воспитании граждан в Нижегородской

области» [14]. В частности, уже в легальную дефиницию патриотического воспитания в качестве его субъектов включены институты гражданского общества, и в том числе семья: «Патриотическое воспитание представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины». В данном определении также встречается упоминание о «конституционных обязанностях по защите интересов Родины» и «гражданском долге».

В Законе Республики Северная Осетия-Алания от 09.01.2017 № 2-РЗ «О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Республике Северная Осетия-Алания» также сформулировано определение духовно-нравственного воспитания, в рамках которого сделана попытка учесть и региональные специфические особенности: «Под патриотическим и духовно-нравственным воспитанием понимается деятельность органов государственной власти Республики Северная Осетия-Алания, органов местного самоуправления муниципальных образований Республики Северная Осетия-Алания и иных субъектов патриотического и духовно-нравственного воспитания, направленная на формирование и утверждение чувства патриотизма, общегражданской российской идентичности, гражданского единства; на развитие национального самосознания и уважение национального достоинства граждан; распространение традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры межнационального общения в Республике Северная Осетия-Алания; формирование гражданской ответственности и правовой культуры граждан, готовности к выполнению гражданского и воинского долга» [15]. Значимо в контексте существования России как федеративного государства в упомянутом выше Законе провозглашение в качестве ориентиров общегражданской российской идентичности и гражданского единства.

В плане реализации воспитательной функции права примечательно то, что в качестве субъектов, участников патриотического и духовно-нравственного воспитания Закон называет не только традиционно указываемые органы государственной власти и органы местного само-

управления, в данном случае Республики Северная Осетия-Алания, но и организации гражданского общества, например, семьи, трудовые и профессиональные коллективы, ветеранские организации, поисковые объединения, образовательные, научные, организации культуры и искусства, различные религиозные конфессии, средства массовой коммуникации. Это еще раз доказывает то, что институты гражданского общества являются важными субъектами реализации воспитательной функции права. При этом их деятельность не должна вести к деформациям правосознания и социально вредной деятельности. Однако желательно, чтобы в этом и многих других региональных законах все же четко указывались конкретные мероприятия по патриотическому воспитанию, что придавало бы соответствующему законодательству дополнительную практическую направленность.

Интересно, что в определенном количестве субъектов РФ предписывается создание уполномоченных государственных органов, непосредственно связанных с координацией и общей организацией деятельности по осуществлению патриотического воспитания. Например, согласно Закону Нижегородской области от 01.08.2016 № 102-З «О патриотическом воспитании граждан в Нижегородской области» предусмотрено создание «Координационного совета по патриотическому воспитанию и подготовке граждан к военной службе в Нижегородской области» [14]. Думается, что аналогичные органы необходимо создать во всех субъектах Российской Федерации, при этом продумать и унифицировать их компетенцию, не допустить превращения в бюрократические структуры.

Для реализации данного направления воспитательной функции права существенно то, что в законодательстве субъектов РФ определены цели, задачи и принципы патриотического воспитания на нынешнем этапе их развития. Например, в Законе Волгоградской области от 05.12.2016 № 123-ОД «О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Волгоградской области» нашли закрепление следующие принципы: законность; системность; адресный подход; соблюдение баланса интересов личности, общества и государства; универсальность основных направлений патриотического и духовно-нравственного воспитания [12]. Думается, что «универсальность» базовых направлений патриотического и духовно-нравственного воспитания можно было бы обозначить бо-

лее корректно как «единство основных направлений патриотического и духовно-нравственного воспитания в федеральном и региональном аспектах».

В этом же законе обозначены такие цели патриотического и духовно-нравственного воспитания, как формирование патриотических чувств и сознания граждан; развитие в обществе высокой социальной активности, гражданской ответственности, нравственности и духовности; содействие становлению граждан, способных участвовать в созидательном процессе в интересах Отечества и общества, в целях укрепления государства, обеспечения его безопасности и устойчивого развития.

Заметим, что этот перечень нуждается в уточнении и дополнении. В частности, в целях не отражена региональная специфика Волгоградской области, связанная, например, с Великой Отечественной и Гражданской войной. Кроме того, понятия «социальная ответственность», «нравственность и духовность» как цели патриотического и духовно-нравственного воспитания нуждаются в конкретизации в действующем законодательстве, в настоящее время они являются дискуссионными в доктрине.

В данном акте сформулированы и задачи воспитания, в том числе «формирование мотивов, целей и задач самореализации личности в профессиональной, научной и общественной сферах деятельности» [12]. Однако «самореализация личности» больше похожа на стратегическую цель, поскольку как задача выглядит достаточно глобально.

Обобщая вышесказанное, хотелось отметить, что патриотическое воспитание как важ-

ное направление осуществления воспитательной функции права является существенным фактором формирования всесторонне развитой личности, в том числе в ценностном плане, одним из факторов совершенствования ее мировоззрения, корректировки и общего планирования путей активного, целенаправленного достижения общественных, государственных и личных целей.

Среди различных форм правового и патриотического воспитания важную роль должно играть непосредственно самовоспитание (включая такое обучение, которое связано с личным социально-правовым опытом и его применением, постоянным самообразованием, самосовершенствованием, а также проведением самоанализа, познанием и аргументированной оценкой правовых и политических явлений, развитием собственных навыков социально-правовой активности). Прогрессу самовоспитания и самообучения необходимо в доскональной степени уделить внимание в законодательстве федерального и регионального уровней.

В целом же патриотическое воспитание играет существенную роль в деле формирования социально ответственной личности, способной и готовой отстаивать интересы общества и государства. Тем самым оно является значимым направлением реализации воспитательной функции права в современных условиях, а также существенным аспектом такой реализации. В то же время региональное законодательство, посвященное патриотическому воспитанию, нуждается в упорядочении и унификации как в содержательном, так и в технико-юридическом плане.

Литература

1. Засорина Т. Д., Хомутова Н. Н. Роль ценностей патриотизма в мировоззрении личности // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 3.
2. Козьявкина Ю. Э. Патриотизм. Нравственное воспитание человека // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 1.
3. Закон РФ от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». URL: <http://docs.cntd.ru/document/9006240>.
4. Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне

Bibliography

1. Zasorina T. D., Khomutova N. N. The role of the values of patriotism in the worldview of the person // Humanitarian scientific researches. 2016. № 3.
2. Kozyavkina Yu. E. Patriotism. The moral education of man // Humanitarian scientific researches. 2014. № 1.
3. The law of the Russian Federation of 14.01.1993 № 4292-1 «About perpetuating of memory of victims at Fatherland protection». URL: <http://docs.cntd.ru/document/9006240>.
4. Federal law of 19.05.1995 № 80-FL «On perpetuating the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945». URL: <http://docs.cntd.ru/document/9011773>.

1941–1945 годов». URL: <http://docs.cntd.ru/document/9011773>.

5. Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России». URL: <http://docs.cntd.ru/document/9010719>.

6. Федеральный закон от 09.05.2006 № 68-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации “Город воинской славы”». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901979355>.

7. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/902389617>.

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 «Об утверждении основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://docs.cntd.ru/document/420237592>.

9. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации. URL: <http://gospatriotprogramma.ru/the-concept-of-patriotic-education-is-the-basis-of-the-state-programm/>.

10. Закон Краснодарского края от 25.12.2013 «О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Краснодарском крае» // Кубанские новости. 2013. № 241.

11. Закон Московской области от 25.06.2015 № 114/2015-03 «О патриотическом воспитании в Московской области». URL: www.mosobl-duma.ru/Zakoni_Zakon_Moscovskoj_oblasti/item/43103.

12. Закон Волгоградской области от 05.12.2016 № 123-ОД «О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Волгоградской области». URL: <http://docs.cntd.ru/document/444865743>.

13. Закон Смоленской области от 10.07.2014 № 94-З «О патриотическом воспитании в Смоленской области». URL: <http://docs2.cntd.ru/document/412329448>.

14. Закон Нижегородской области от 01.08.2016 № 102-З «О патриотическом воспитании граждан в Нижегородской области». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/85999938/98878061>.

15. Закон Республики Северная Осетия-Алания от 09.01.2017 № 2-РЗ «О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Республике Северная Осетия-Алания». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/85999938/98878061>.

5. Federal law of 13.03.1995 № 32-FL «On days of military glory and memorable dates of Russia». URL: <http://docs.cntd.ru/document/9010719>.

6. Federal law of 09.05.2006 № 68-FL «On the honorary title of the Russian Federation “City of military glory”». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901979355>.

7. Federal law of 29.12.2012 № 273-FL «On education in the Russian Federation». URL: <http://docs.cntd.ru/document/902389617>.

8. The order of the government of the Russian Federation of 29.11.2014 «About the statement of bases of the state youth policy of the Russian Federation for the period till 2025». URL: <http://docs.cntd.ru/document/420237592>.

9. Concepts of patriotic education of citizens of the Russian Federation. URL: <http://gospatriotprogramma.ru/the-concept-of-patriotic-education-is-the-basis-of-the-state-programm/>.

10. The law of the Krasnodar region of 25.12.2013 «On Patriotic and spiritual and moral education in the Krasnodar region» // Kuban news. 2013. № 241.

11. The law of the Moscow region of 25.06.2015 № 114/2015-03 «On patriotic education in the Moscow region». URL: www.mosobl-duma.ru/Zakoni_Zakon_Moscovskoj_oblasti/item/43103.

12. The law of the Volgograd region of 05.12.2016 № 123-OD «On patriotic and spiritual and moral education in the Volgograd region». URL: <http://docs.cntd.ru/document/444865743>.

13. The law of the Smolensk region from 10.07.2014 № 94-L «About Patriotic education in the Smolensk region». URL: <http://docs2.cntd.ru/document/412329448>.

14. The law of the Nizhny Novgorod region of 01.08.2016 № 102-L «About patriotic education of citizens in the Nizhny Novgorod region». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/85999938/98878061>.

15. The law of the Republic of North Ossetia-Alania of 09.01.2017 № 2-RL «On patriotic and spiritual and moral education in the Republic of North Ossetia-Alania». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/85999938/98878061>.

Осин Вячеслав Николаевич
Osin Vyacheslav Nikolaevich

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of State-Legal Disciplines of Smolensk State University, PhD in Law,
Associate Professor.

E-mail: smlos@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, ПРАВА И СВОБОДЫ:
ПРИКЛАДНАЯ СИНГУЛЯРНОСТЬ

Social processes, rights and liberties: applied singularity

В статье в философско-социологическом аспекте исследуются некоторые проблемы теории сингулярности, важные в практическом, слабо изученном аспекте их применения. Автором на примере происходящих социальных процессов и их важнейшей составной части – прав и свобод – предпринята попытка прикладного использования теории в указанных сферах. Автор полагает необходимым применение на практике небесспорных концептуальных положений теории с акцентированием внимания на подходах, способах и средствах, обеспечивающих оптимальность в достижении ожидаемых результатов.

Ключевые слова: *постнеклассический этап науки, сингулярность, смысл, парадоксальный элемент, право, общество и социальные процессы, права и свободы, природа внутренних и внешних процессов.*

In the article some problems of the theory of singularity which have importance in practice but poorly studied in aspects of their application are researched in philosophical and sociological aspects. The theory is characterized by profound elaboration of the mechanism of action of the concept mentioned above. However in practice it is valued only do to its informational significance. In the work on the example of the ongoing social processes and their most important component – rights and freedoms, an attempt is made to apply theory in these spheres. The author considers it necessary to apply in practice the celestial conceptual provisions of the theory with emphasis on approaches, methods and means of ensuring optimality in achieving the expected results.

Keywords: *post-nonclassical phase of science, singularity, sense, the element of paradox, law, society and social processes, rights and liberties, nature of the internal and external processes.*

Теория сингулярности, заявившая о своем существовании в середине XX века, в полной мере согласуется с постнеклассическим этапом существования науки. Предложенная концепция видения основ мира интерпретируется как попытка разрешения глубоко противоречивых тенденций, формирующих нынешнюю социальную реальность с ее постмодернистскими истолкованиями.

Отметим, что учению сингулярности более всего характерен теоретический интерес. Прагматическому аспекту уделяется слабое внимание, что и явилось основанием для исследования этой неординарной теории.

Сингулярность как явление рассматривается в трудах многих теоретиков, но особенно основательно и логично она представлена Ж. Делезом. В кратком варианте под сингулярностью понимается явление, событие, порождающее смысл, непрерывность уточнения,

где сворачивание (складывание) точек событий приводит к созданию индивидуального [1, с. 141–146]. В авторском утверждении события сингулярности связаны со смысловой парадоксальностью порождающего элемента, где смысл неотделим от нового вида парадоксов с содержащимся в нем нонсенсом [1, с. 102]. Их функциональная предназначенность – обеспечивать существование и бесконечную изменчивость явлений. Сингулярности, явленные в точках событий, при свойственной им нейтральности, бесстрастности сохраняют в объектах, вещах, телах, умопостигаемых феноменах (далее – явления) обязательную бинарность оппозиций, с чем связана темпоральность движения. В представлении Ж. Делеза это константы, обладающие признаками «вечной истины», «вечного двигателя», определяющие существование реальности и грядущие изменения [1, с. 141, 97, 99]. Им характерны не-

изменные черты неповторимости, бесстрастности, безразличия. В них (константах) философ видит созидательную силу, истину. Эмпирическая интуиция не может их пояснить, не возможны утверждения и отрицания, поясняющие с позиции сознания (восприятия, воображения, памяти, понимания, веления и пр.). Место их расположения – нейтральная поверхность, наделенная творческой продуктивностью с самоактуализацией и самоосуществлением, не совпадающими с реализуемым в них потенциалом. Называя этот мир «трансцендентальным полем», Ж. Делез поясняет его движение, изменения конфигурациями точек событий; непредвиденными актуализациями в ходе становления – индивидуации. При этом подчеркивается, что это «поле» – не актуальное эмпирическое и не проявление трансцендентности как условие возможного, а эмпирическая трансцендентность на стадии доиндивидуального, где проблематичный и виртуальный горизонт порождает эмпирическое [4, с. 730–732]. Предложенная концепция вытекает из разработанного Делезом философского направления «трансцендентального эмпиризма», представленного в работе «Различие и повторение» (1969 год), где обосновывается понимание и практическое восприятие теории сингулярности [3]. В трудах иных теоретиков внимание акцентируется на сохраняющейся в доиндивидуальной стадии (при парадоксальности элемента) постоянной незавершенности становления (индивидуации) явления [12, с. 78]. Особо при этом подчеркивается, что непрерывность движения обусловливается проблематичностью виртуального (хаотического) состояния явления «... заключающего в себе пучок возможностей для последующей индивидуации» [1, с. 97–99; 6].

Безусловно, приведенные выше характеристики порождают определенный скепсис к прогнозным вариациям развития в нашем случае социальных процессов. Отсюда – признание в постнеклассической науке плюрализма, множественности в толковании происходящих событий.

Наблюдаемым процессам соответствуют философские неомодернистские концепции, предсказывающие возникновение новых для мира тенденций с парадигмами нынешнего и будущего мироустройств, что нередко отслеживается в публикациях средств массовой информации [9].

В аспекте актуальности происходящих социальных процессов требуется повышенное внимание к особенностям действия механизма сингулярности.

Наряду с позицией Ж. Делеза («Логика смысла») представляет интерес предшествующий вклад в разработку теории сингулярности Ж. Симонда [14, с. 260–264]. По оценке Ж. Делеза труд его коллеги важен тем, что в работе «... представлена первая продуманная теория неличных и доиндивидуальных сингулярностей». Без использования его выводов невозможно представить исследование «... генезиса живой индивидуальности и сознающего субъекта» «... этого вечного двигателя», обусловленного функцией событий-сингулярностей, заключающихся «... в том, чтобы пробегать разнородные серии на пространстве плоскости – координировать их, заставлять резонировать и сходиться к одной точке, а также размножать их ветвлением и вводить в каждую из них дизъюнкции». Речь идет о существующих, как правило, двух неравнозначных серий, где одна предстает в качестве означающей, вторая – означаемой, корректируемой первой. Такую бинарность форм можно представить в виде полосов: сохранения господства существующего общества либо его разрушения, подрыва стабильности структур [2, с. 366–367]. Задача возникших нейтральных, единичных, событий – «раскачивание» агрегатных состояний, подрывающих при их множестве стабильность структур. Завершается такое состояние новым качеством – «индивидуальность», где сингулярность уступает ей место. Такая трансформация не исключает признание названного обобщения в качестве Единого, «... которое опять-таки является таким же симулякром, как и индивидуальное» [4, с. 599]. По заключению Ж. Симондона, такого рода изменения предопределяются внутренним (имманентным) состоянием объекта и блуждающей (внешней) сингулярностью, в обоих случаях фиксируемых на поверхности или гранях явления. Возникновение индивидуальности связывается с проникновением события (парадоксального элемента) во внутреннее пространство живого явления. События-сингулярности не занимают места на поверхности, а лишь касательно присутствуют на плоскости, без реализации присущей им энергии. Контакт внутреннего и внешнего со-

стояния возможен лишь в предельных точках на мембранном уровне, где соприкасаются поляриности – «... именно здесь жизнь присутствует суцностным образом как аспект динамической типологии». Ж. Симондон подчеркивает: «Все содержание внутреннего пространства находится в топологическом контакте с содержанием внешнего пространства на пределах живого; фактически, в топологии не существует дистанции; вся масса живой материи, содержащаяся во внутреннем пространстве, активно наличествует во внешнем мире на пределе живого. ... Принадлежать внутреннему значит не только быть внутри, но и быть на внутренней стороне предела» [1, с. 144–145; 15, с. 260–264].

Отсюда – способность к схождению сингулярностей – событий, в номадическом множестве присутствующих на топологической поверхности и соприкасающихся в непредвидимых случаях с внутренним проблемным пространством явления, находящимся в критическом («на пределе живого») состоянии. Этим поясняется продуктивность самовоссоединения соответствующих блуждающих сингулярных точек, с последующим их сворачиванием в одну. Внутреннее пространство имеет свойство распространяться во внешнее, контактировать с ним. Благодаря чему поддерживается жизненная динамика существующего с последующей его трансформацией в виде ассимиляции и воплощения. В случае схождения блуждающих событий в одной точке, совпадающей с внутренним (имманентным) проблемным рядом, происходит изменение, связанное с потенциальной энергией внешнего и внутреннего. По философии трансцендентального эмпиризма во главу разнообразия качественного изменения ставится не внутренний (позитивный), а внешний порядок с безразличием сингулярностей – событий [3; 4, с. 730]. Произвольность «вторжения» номадической сингулярности, не соотносимой с предельными имманентными точками, допустима, но такая обусловленность, по нашему мнению, наблюдается не всегда. Представляется, что в ряде случаев за «произвольностью» просматриваются либо недостаточность научных знаний, либо небрежность наблюдателей-профессионалов, либо иные погрешности субъективного порядка, интерпретируемые неожиданно, случайностью возникновения, «не-

предвидимым» стечением обстоятельств или же недооценкой подлинно стихийных (негативных в нашем случае социальных) состояний, вызванных, к примеру, случаями коррупции, политической предвзятостью и другими. Конечно же, не исключаются в свете названной произвольности и подлинны неожиданныости возникающих событий в виде слепого и бесформенного проявления стихии – бездны [1, с. 150], что более характерно процессам неживой природы. Что же касается социальных отношений, то здесь «непознаваемость, неожиданность» явлений ввиду накопленного человечеством опыта и, соответственно, предвидения, выглядят более чем сомнительным.

Неожиданность возникающих «из ниоткуда» точек событий проистекает, как представляется, из недооценки (отлагательной в решении) требующих решения социальных состояний. Недоцениваются возможности, вызываемые сингулярностями, завершающимися самоорганизационными процессами. Они существуют постоянно, фрагментарно улавливаемые сознанием, без обобщенно аналитического их восприятия. В равной мере стихийность с парадоксальностью элемента свойственны неживой и живой (разумной) природе, где нередко процессы перерастают в изолированность системы, вызываемой ее неупорядоченностью, с исходом при отсутствии мер в нарастающую энтропию.

Сфера общественных отношений длительное время является предметом исторического исследования. При этом наиболее актуальная, сравнительно недавно возникшая их часть, связанная с практической реализацией прав и свобод, отличается недостаточной, слабой апробированностью, к тому же устремленной сейчас к форсированному, масштабному внедрению. Ее центром является индивид, личность с желательными высокими нравственно этическими качествами, актуальная для нарождающегося гражданского общества. Надежды на ускоренность ее формирования вряд ли оправданы. Сказанное в равной мере относится и к традиционным обществам, недавно вставшим на путь внедрения общепризнанных ценностей, и к обществам с устоявшимися демократическими началами. В последнем случае это проявляется в сравнительно жестком демократическом насаждении (навязывании) толерантных ценностей. Остановимся на не-

---

которых из названных проблем, связанных с практической стороной возможного использования теории сингулярности.

Отметим, что формальное, навязываемое медийными средствами толкование прав и свобод без глубокого проникновения в философскую их суть соотносится не с лучшей частью нашего эго. Природно, на рефлексивном уровне свойственный человеку эгоистический интерес в пользовании правами и свободами очень сложно преодолевается, с чем нынешнее общество сталкивается в виде бесконечных правонарушений в этих сферах. К тому же проявления абсурдности в толковании и реализации обретенных ценностей, как непременная сопровождающая любой теории, губительно отражается на ее идее. Последнее не однажды исторически подтверждалось – вне зависимости от светского либо теологического содержания овладевающей идеи. Одной из негативных сторон названного (потребительского) восприятия является сниженная социальная ответственность, нередко – с пренебрежительным отношением к интересам общества. Иной вопрос: что понимается под обществом и его целями? Смыслом его нынешнего существования стало служение человеку, личности, с оптимальным обеспечением реализации принадлежащих им прав и свобод в целях раскрытия потенциальных возможностей. В этом безоговорочно усматривается благополучие социума и личности, стабильность, безопасность и устойчивость развития. В узком же смысле под обществом по-прежнему понимаются формы взаимодействующих «...людей, в связях людей воспроизводящиеся» [4, с. 431]. Несложно уловить, что такое «воспроизведение» изначально настроено на самовывживание, самосохранение индивидов, с осознанием необходимости привития для этого духовных качеств – этического, нравственного содержания. Понятно, что главенствующее место в этом остается за семьей. Отметим, что в связи с нынешней, не имеющей аналогов ускоренностью развития, изменения общественных отношений, природная задача семьи (с общественным негласным контролем) объективно оттеснены до уровня ординарных задач. Духовная воспитательная сторона в числе актуальных прослеживается слабо. Более уделяется внимание уровню материального существования, констатации номадического со-

стояния отношений. Представляется, что недостаточность внимания в свете фиксируемых социальных изменений до некоторой степени поясняется незавершенностью определения субъектов воспитательного процесса, на чем далее остановимся более подробно.

Таковым в масштабном варианте выглядит нынешнее социальное поле, которое вполне возможно (по аналогии с Ж. Делезом) именовать «событием», не нуждающимся ввиду своей нейтральности, индифферентности в приведенной выше характеристике. Ясно, что оно отличается критичностью, напряженностью потенциала, периодически возникающего на топологической поверхности явления. Ему (событию), подчеркнем еще раз, свойственны «...безразличие к определенностям внутреннего и внешнего, к индивидуальному и коллективному, к особенному и общему...» [1, с. 141]. Усилия субъектов во всем многообразии способов проистекают на его фоне. Сущность события заключается не в производности от него других событий, а в осуществлении субъектами своих актуализаций при изменчивости настоящего. В последнем случае представляет интерес предложенный мыслителями механизм реализации, позволяющий отследить реализацию отрицаемой ими, но все же присутствующей субъективной устремленности в воздействии на происходящее. Рассматриваемое поле обладает блуждающим потенциалом внутреннего (имманентного) и внешнего пространства, полярно представленного прошлым и будущим. Встреча двух серий, где индифферентные сингулярности-события определяют результат, обусловленный резонируемостью собираемых точек с передачей содержащегося в них энергетического потенциала, формирующего в конечном счете индивидуальность. Результат вполне может содержать момент неожиданности, поясняемый смыслом парадоксального элемента. При этом результат является наблюдателю прежде понимания природы его возникновения. Не с этим ли, к примеру, сталкиваются исследователи в попытках выявления причин, предшествовавших Октябрьской революции в России? Живой социальный организм, обладающий имманентной потенциальной энергией, в этом случае настойчиво, контактно присутствовавший на мембранном уровне, апеллировал к внешнему пространству. Пространству проблематич-

ному, переполненному как детерминированными, так и нейтральными ненамеренными событиями-сингулярностями. Как следствие, неизбежная сворачиваемость откликнувшихся сингулярных точек в одну случайную, быть может, с неожиданным для исследователя результатом – безличной индивидуальностью. Момент неожиданности – случайного схождения точек событий – в принципе констатируется всеми сторонами. Октябрьская революция определенно является классическим примером практического действия теории сингулярности в социальных процессах.

Аналогичный механизм трансформации явления в настоящее время отслеживается теперь уже при инициируемых гражданами обращениях в порядке социальных притязаний. Они (притязания), по сути, безразличны для социального поля – события, и к волевым усилиям участников, выраженным в действиях сторон, принимаемых решениях. Все протекает на фоне нейтральности поля. Можно увидеть повторяемость (трафаретность) официальных решений, в ряде случаев – неожиданность их содержания, но все проходит на указанном фоне состояния поля, безучастного к происходящему, но с накапливаемыми индивидуальностями, в количественном и качественном отношениях оказывающих влияние на социальную действительность. Уместно в связи с приведенным выше примером отметить, что в мотивации официального удовлетворения притязаний доминирующим является инерционность, вызванная с непрекаемой приоритетностью естественных прав человека, нередко без соотнесения с содержанием заявляемых требований, имеющих зачастую отдаленные последствия для функционирующего общества. При этом складывающиеся точки событий, апеллирующих к имманентному пространству явлений, остаются вне сферы внимания структур власти. Возникает момент произвольности, чем поясняются различия официозных решений, связанных с неодинаковыми результатами в рассмотрении названных притязаний как в национальном, так и в региональном (в пределах одного государства) подходах, находящихся в одних и тех же сопоставимых социально-экономически и политических условиях. Подчеркнем в связи с этим небезытересную тенденцию, фиксируемую в специальных наблюдениях: «Сингуляр-

ности, образуя не подчиняющиеся жестким структурам “роевые” сообщества – “множества”, противостоят обширным совокупностям-агрегатам, управляемым по иерархическим, авторитарным законам. Обширные агрегаты ... подчиняют себе “молекулы” общества, в то время как организация общества на молекулярном уровне включает в себя микро-множественности, ... которые разрушают, подрывают структуры» [11, с. 88]. Отмеченная возможность при определенных социальных ситуациях содержит латентные угрозы стабильности существования общества.

Как известно, особенностью общественных отношений является значительная, в сравнении с иными сферами, эластичность социальных процессов, предполагающая толерантную длительность в разрешении проблемных, в том числе и актуальных для существования общества ситуаций. При этом единичность, проявляемая в событиях-сингулярностях, демонстрирующая «чистую имманентность» (свободную в возникновении от каких-либо трансцендентных начал, иных созидующих принципов), при всей хаотичности, кажущейся беспорядочности, в теории признается источником порядка. Им присуща латентная энергия, потенциальный заряд качественного становления («индивидуации»), препятствующие утверждению «... тотальности целого, истинности какого-либо одного прочтения реальности, однозначности некоторого мира и реальности в целом» [7]. Обладая знаниями названной латентности и механизма индивидуации, исследователь, как нам кажется, вполне может спрогнозировать и результат резонансного схождения и временной (ожидаемый) период «неожиданного» сворачивания точек событий в доиндивидуальных состояниях. Отправным в прогнозировании должно стать внутреннее пространство явления, постоянно либо с нарастающей периодичностью заявляющее («на пределе живого») о себе на внешней топологической поверхности. На нынешнем этапе технической вооруженности, обеспеченности вычислительными средствами, владения цифровыми (в программном виде) технологиями, способами коммуникации, расчет вариантов развития социальных и связанных с ним процессов вполне возможен и, более того, фрагментарно применяется. При этом речь может идти не об искоренении познан-

---

ных, провоцирующих событий-сингулярностей в целях сохранения традиционных (изживших) отношений, а своевременном учете и реализации обновляющих изменений, чем упреждаются нежелательные социальные конфликты.

Конечно же, сомнения в возможности прогнозирования (при множественности и неожиданности событий) в данном случае сохраняются. Доминантными в понимании происходящего становятся принципы неопределенности, дополнительности. Исследователю при этом отводится роль наблюдателя, констатирующего вероятность проявляющихся с различной степенью жесткости явлений, процессов, протекающих в различных сферах жизни общества. Отметим, что произвольность (неожиданность) исхода события-сингулярности не высока. Она относительна, во многих случаях предсказуема. Множественность фиксируемых на топологической поверхности разнонаправленных точек событий может являться основой к различным предположениям. Вариативность точечного, выраженного в событиях исхода настолько широка, настолько и информативна. Вместе с тем фиксируемая нарастающая активность собираемых с концентрацией точек событий (с улавливаемой тенденцией сворачиваемости) в одну уже есть основание к доиндивидуальному повышенному вниманию к происходящему.

С приведенным в теории порядком существования социального мира согласуется и доиндивидуальное формирование субъекта. Субъект не выпадает из всеобщего следования объектов за обнаружением смысла бытия. В этом состоит его самотождественность. Реализация энергии возможного, или чистое становление, по заключению Ж. Делеза, составляет основу индивидуации субъекта. Отсюда и толкование положения субъекта, где нормой признается присущая его природе незавершенность, незаконченность, поддерживаемая множественными событиями, с бесконечным созданием многочисленных концептов, саморазличений [12, с. 88]. В этом случае субъект оказывается причастным к всеобщему движению, смыслу как «условию истинь» [1, с. 37], объединяющему его со всем миром. Такая связь, когда мышление и сознание человека, отражая единично всеобщее движение, по утверждению исследователей, ставит индивида в положение чистого созерцателя к приходящему за его пределами и пределами объекта познания [7].

С такой констатацией трудно согласиться. «Созерцательность» не исключают, на наш взгляд, возможность для наблюдателя-профессионала определенного участия (в пределах очерченного выше поля) в формировании доиндивидуального происходящего. Конечно же, возможности воздействия в условиях сингулярности с непредсказуемостью исхода конфигурации точек событий ограничены. Но это, как подчеркивалось, не основание к скептическому, пассивно информационному отношению к действительности, разработке соответствующей методики воздействия человека на среду и, особенно, складывающихся взаимоотношений в социальной сфере. Изначальная нейтральность событий-сингулярностей с невозможностью определения их исхода не может и не должна ставить под сомнение ценность теории. Снижение значимости идеи события, избирательность в ее использовании – есть игнорирование реальной сложности мира, многообразности его проявления, отрицание сингулярной действительности как умопостигаемой человекоразмерной системы, с обязательным отслеживанием антропного принципа. Следует отметить, что принадлежность теории сингулярности к одной из разновидностей идеалистического восприятия действительности – не основание к скептическому отношению к положениям, содержащимся в этом видении. Демонстрируемое ныне толерантное отношение к постнеклассическому этапу существования науки, ее заслуживающим внимания выводам заставляет обращать внимание и на такую форму движения, изменения явлений, тем более находящим подтверждение в практических наблюдениях.

В свете сказанного представляют интерес особенности проявления событий-сингулярностей в социальной сфере, связанных с индивидуацией (становлением) гражданского общества в его соотношении с государством, реализацией прав и свобод. Собираемые с возможным сворачиванием резонируемых точек событий в одну, обусловленные, как уже указывалось, блуждающими потенциалами сингулярностей, входящими в соприкосновение с возникающими на поверхности, «живущими на пределе» контактными точками внутреннего пространства действительности. Во многом проблемный ряд в нашем случае исчерпывается узкими местами, сдерживающими формирование надлежащего гражданского обще-

ства. Точки соприкосновения, отражающие состояние внутреннего пространства, более всего обращены к качественному уровню человека – члену гражданского общества. Отмечается его несовершенство, нравственно-этическая недостаточность, заявляющая о себе возникающим мерцательным присутствием на топологической поверхности реальности. Разумеется, такое состояние притягивает блуждающий потенциал точек событий с возможным складыванием множественных точек в одной с созданием индивидуального или конкретного [4, с. 599], не всегда ожидаемого, но во всех случаях с сохранением полноты явления.

Теоретическое описание побуждает к практическим действиям с необходимым обращением к доиндивидуальным состояниям явлений. Это задача – прерогатива структур власти, профессиональных наблюдателей. Сказанное можно проиллюстрировать одним из подходов влияния, в частности, на критические ситуации, связанные с недостаточной духовной зрелостью членов общества на стадии его индивидуации (становления). Известно, что по Конституции РФ исключительные полномочия в воспитании, привитии моральных, нравственных качеств подрастающего поколения принадлежат родителям. Государство в лице уполномоченных органов оказывает в этом необходимую помощь, контролируя материальную и результативную сферы воспитательного процесса. Очевидно, что в условиях нарастающей экстремальности внешних вызовов, отражающихся на воспитательном процессе, выраженных в доступной популяризации недостойных образцов поведения – жестокости, эгоизма, суицидности, дискутируемой свободы детской трансгендерности на грани допустимой правомерности [8, с. 127], необходимо принятие экстраординарных мер. Без покушений при этом на ограничение принадлежащих гражданам прав и свобод, принципов демократии, свободы рыночной экономики и пр., то есть мер, обеспечивающих ответственность воспитательного процесса. Подобного рода ограничительная правовая эквилибристика на практике затруднительна, если не сказать, вообще невозможна. На наш взгляд, для эффективности воспитательного процесса требуется участие авторитетной стороны, располагающей по своей природе равными с иными субъектами правами на участие, выне-

сение соответствующих заключений. Представляется, что в такой роли может и должно выступить само общество, более всех заинтересованное в качестве поколения, чем подтверждается авторитетность, доминантность положения в соотношении с государством. В настоящее время общество во многом делегировало свои полномочия государству. В теории государства и права не существует однозначной оценки соотношения этих субъектов в современных условиях – существования социально правового государства. Исследователи полагают, что это еще различающиеся явления, в другом случае – уже тождественные [10, с. 561]. В сложившейся ситуации общество как заглавное звено в соотношении с государством вправе оговорить свое участие в качестве субъекта, назначив уполномоченную организацию (к примеру, Общественную палату РФ), наделенную соответствующим правом на вынесение рекомендаций в части создания условий к эффективному нравственному, моральному воспитанию подрастающего поколения. Разумеется, наличие такого правомочия должно сопровождаться наделением названной организации правом законодательной инициативы.

Определенный интерес заслуживает позиция Ж. Делеза в толковании природы возникновения событий-сингулярностей. По авторским выводам она именуется «бездной». При этом подчеркивается особенность наблюдаемого «беспорядка», выраженного в «... способности организовывать поверхности и сворачиваться внутри поверхностей». По его словам, явление бездны по своему смыслу – хаос, не поддающийся пониманию, невозможный в первом соприкосновении, в упорядочивании, стабильно сохраняющий свои черты, что фиксировались при первичном возникновении и в последующем существовании. При определении понятия бездны указывается, что ей свойственен особый язык, выраженный в «... ярости, бесформенности и слепоте» [6, с. 281]. Возникает впечатление некоей, правда, отрицаемой автором, метафизичности, безличности ее появления, различного во времени существования и исчезновения. Оставленный без ответа вопрос в причинах, поясняющих происхождение событий-сингулярностей, с отрицанием при этом рациональных оснований оставляет теоретикам слишком узкий «коридор» для предположений. Воз-

никающие из хаоса события-сингулярности с энергетическим потенциалом, скорее всего, – ответ, не терпящей пустоты, природы, заполняемый конкурирующей стихией с признаками ее разумности. Отрицать ее сложно, особенно ввиду наблюдаемой стихийной рацио-

нальности. Такой вывод до известной степени согласуется с заключением А. Эйнштейна о рациональности и упорядоченности мира, связанного с глубокой верой в Высший разум, представляющий его концепцию, именуемую «пантеизмом» [13].

Литература

1. Делез Ж. Логика смысла. М.; Екатеринбург, 1998.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2008. Т. 1. Анти-Эдип.
3. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.
4. Керимов Т. Х. Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова и Т. Х. Керимова. 4-е изд., испр. и доп. М.; Екатеринбург, 2015.
5. Куртов М. «О способе существования технических объектов»: Жильбер Симондон об отчуждении человека от техники. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/10050-existence-of-technological-objects>.
6. Маркова Л. А. Наука и логика смысла Ж. Делеза // Философия науки. 2000. Вып. 6. URL: <https://iphras.ru/page50351042.htm>.
7. Никулина А. С. Чистое становление: проблема индивидуации в мысли Ж. Делеза // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2017. № 2 (22).
8. Осин В. Н. Социальные притязания: правовые критерии ограничения прав и свобод // Философия права. 2019. № 2 (89).
9. Пилугоина Е. В. Состояние постмодерна: сингулярность бытия, транспарентность сознания и вирусы тоталитарных идей // Studia Humanitatis. 2014. № 1-2. URL: <http://st-hum.ru/en/node/147>.
10. Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М., 2019.
11. Современная западная философия: словарь / сост.: Малахов В. С., Филатов В. П. М., 1991.
12. Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб., 2001.
13. Эйнштейн А. Наука и религия. URL: http://world.lib.ru/j/jarower_e_p/naukaireligija.shtml.
14. Simondon G. L'individu et sa genese physico-biologique. Paris, 1964.

Bibliography

1. Deleuze G. The logic of sense. Moscow; Yekaterinburg, 1998.
2. Deleuze G., Guattari F. Capitalism and schizophrenia. Ekaterinburg, 2008. Vol. 1. Anti-Oedipus.
3. Deleuze G. Difference and repetition. St. Petersburg, 1998.
4. Kerimov T. Kh. Modern philosophical dictionary / under the general editorship of V. E. Kemerov and T. Kh. Kerimov. 4th ed., revised and enlarged. Moscow; Yekaterinburg, 2015.
5. Kurtov M. «On the way of existence of technical objects»: Gilbert Simondon on the alienation of man from technology. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/10050-existence-of-technological-objects>.
6. Markova L. A. Science and the logic of sense G. Deleuze // Philosophy of science. 2000. Issue 6. URL: <https://iphras.ru/page50351042.htm>.
7. Nikulina A. S. Pure becoming: the problem of individuation in the thought of G. Deleuze // Bulletin of the Samara humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology. 2017. № 2 (22).
8. Osin V. N. Social claims: legal criteria of restriction of rights and freedoms // Philosophy of law. 2019. № 2 (89).
9. Pilyugina E. V. The state of postmodernity: singularity of being, transparency of consciousness and development of totalitarian ideas // Studia Humanitatis. 2014. № 1-2. URL: <http://st-hum.ru/en/node/147>.
10. Radko T. N., Lazarev V. V., Morozova L. A. Theory of state and law: textbook for bachelors. Moscow, 2019.
11. Modern Western philosophy: a dictionary / comp.: Malakhov V. S., Filatov V. P. Moscow, 1991.
12. Chernyakov A. G. Ontology of time. Being and time in the philosophy of Aristotle, Husserl and Heidegger. St. Petersburg, 2001.
13. Einstein A. Science and religion. URL: http://world.lib.ru/j/jarower_e_p/naukaireligija.shtml.
14. Simondon G. The individual and its physico-biological genesis. Paris, 1964.

**Андреев Александр Сергеевич
Andreev Alexander Sergeevich**

профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Professor of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

E-mail: modusoperandi@yandex.ru

ПОЗНАНИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ПОСТКРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБЩАЯ ТЕОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Knowledge of regularities of post-criminal activity and the general criminology theory

Статья посвящена проблемам и разрешению методологических преград в познании закономерностей посткриминального периода. Автором осуществлена попытка сформулировать задачи построения системы знаний о посткриминальной деятельности в структуре общей теории криминалистики.

Ключевые слова: методология, криминалистика, общая теория криминалистики, закономерности посткриминальной действительности, познание, посткриминальная деятельность, противодействие расследованию преступлений, содействие расследованию, улики поведения.

The article is devoted to the problems in the knowledge and resolution of methodological obstacles of the post-criminal period regularities. The author attempts to formulate tasks of building of post-criminal activity system of knowledge in the structure of the general criminology theory.

Keywords: methodology, general theory of criminalistics, regularities of post-criminal reality, cognition, post-criminal activity, counteraction to investigation of crimes, assistance to investigation, evidence of behavior.

Борьба с преступностью невозможна без научного и методологического сопровождения, особую роль в нем играет криминалистическая наука. Каков предмет криминалистики, насколько он отражает современные потребности правоприменительной практики, такова и эффективность криминалистического обеспечения борьбы с преступностью и надлежащее правоприменение.

Философские начала и общая теория криминалистики наиболее влияют на содержание самой науки и, соответственно, решение конкретных задач в области раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Выбор темы статьи обусловлен наличием криминалистического противоречия, которое выражается в том, что несмотря на наличие более тридцати лет в традиционном предмете криминалистики (концепция Р. С. Белкина) группы закономерностей после криминального периода, такие вопросы отдельно не затрагиваются в криминалистических исследовани-

ях. Отметим, что на прикладном уровне имеются вполне доказанные данными официальной статистики [1] успехи научно-криминалистического обеспечения в деле нейтрализации криминального и посткриминального противодействия расследованию преступлений в девяностых годах прошлого века и нулевых годах двадцать первого века, а также новые тренды познания отдельных закономерностей посткриминальной деятельности и в целом действительности.

Указанное противоречие, данные официальной статистики, изменения российского законодательства, регулирующего посткриминальную деятельность и поведение, результаты познания посткриминальной деятельности лиц, связанных с событием преступления, обусловили актуальность темы данной статьи.

Содержание и структура общей теории криминалистики не только формулируют представления о предмете, ее целях, задачах, месте

в системе научного знания, механизме преступления, возникновении информации о преступлении и его участниках, закономерностях раскрытия и расследования преступления (собираания, оценки и использования доказательств), а также базирующиеся на них криминалистические средства, методы и рекомендации [2], но и требуют от ученых-криминалистов пристального внимания и концентрации усилий в разработке базовых идей и концепций, влияющих на содержание науки криминалистики [3], неточностях, противоречиях, проблемах, парадоксах. Такое понимание позволяет не только уточнять имеющиеся, но и находить новые предметные закономерности криминалистической науки.

Считаем, что процесс извлечения таких закономерностей и разработки на основе их изучения криминалистических средств, методов, приемов должен носить изначально концептуальный характер, а не голословно заявлять о новом предмете или инновационной теории (учении). Указанное состояние проблемы относится и к группе закономерностей после криминального периода.

Методология и революционное определение предмета криминалистики Р. С. Белкина и его трансформация остается для большинства ученых-криминалистов более полувека отправной точкой исследований. Такое положение обусловлено тем, что для изучения закономерностей объективной действительности необходимо определить связь предмета исследования и предмета криминалистики либо обосновать расширение объекта криминалистики и тем самым модернизировать предмет криминалистики путем включения новых закономерностей и/или исключения имеющихся.

Первые два подхода – это магистрали современной отечественной криминалистики, благодаря которым она поступательно развивается последние полвека. В рамках первого направления по умолчанию используют предмет криминалистики Р. С. Белкина или уточняют, дополняют лакунарные закономерности объективной действительности. Второе же направление связано с работами ученых-криминалистов В. А. Образцова, Н. П. Яблокова и ряда других.

Отказ от изучения закономерностей объективной действительности наиболее утопичен и, по нашему мнению, невозможен на данном этапе развития криминалистики, так как недопустимо нивелировать такие генеральные и исторические идеи криминалистической науки, как «любое преступление оставляет следы, но обнаружить их остается потенциальной возможностью для следователя» (Э. Локкард, Р. С. Белкин), «способ преступления (*modus operandi*) устойчив и повторяется» (А. Этчерлей и Г. Г. Зуйков), «любое преступление должно и может быть раскрыто» (Р. С. Белкин) и ряд других, а также поставить под сомнение проверенные и эффективные в борьбе с преступностью криминалистические концепции, теории и учения (теория отражения, криминалистическая идентификация, криминалистическое учение о способе преступления, криминалистическая теория о противодействии расследованию и его нейтрализации, учение о криминалистической характеристике) и, соответственно, содержание разделов.

Применительно к теме статьи закономерности после криминального периода включены в предмет криминалистики благодаря работам В. А. Образцова [4] и Р. С. Белкина [5]. Но при этом группа закономерностей после криминального порядка применительно к содержанию и структуре общей теории криминалистики практически не рассматривалась и изучалась второстепенно по отношению к проблемам механизма преступления и его закономерностям. Р. С. Белкин (1997) в параграфе о закономерностях объективной действительности, изучаемой криминалистикой в подразделе, посвященном механизму преступления, отмечает, что к «предмету криминалистики, как нам представляется, должны относиться закономерности: 1) возникновения и развития связей и отношений внутри механизма преступления; 2) формирования и реализации способа преступления; 3) возникновения и течения “... связанных с преступлениями явлений до и после криминального порядка, имеющих значение для следственной, судебной, оперативно-розыскной и экспертной практики”. Мы попытались наметить круг тех закономерностей механизма преступления, которые должны быть исследованы

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

в аспекте проблемы предмета криминалистической науки».

С полученными выводами Р. С. Белкина согласимся в той части, что три указанные группы закономерностей относятся к предмету криминалистики [3, с. 116–118]. При этом с тем, что все закономерности после криминального периода (стержнем которых выступает посткриминальная деятельность лиц, связанных с событием преступления) относятся к механизму преступления, согласиться в полном объеме, по нашему мнению, нельзя.

Справедливости ради отметим, что Р. С. Белкин крайне аккуратно подошел к предложениям В. А. Образцова и отметил, что к «предмету криминалистики, как нам представляется, должны относиться закономерности после криминального порядка». Речи о том, что они относятся к закономерностям механизма преступления, здесь нет, хотя содержание подраздела (параграфа) первого тома «Курса криминалистики» [2] и окончательный вывод относились к механизму преступления, его закономерностям.

Отметим, что такая двойственность и сложность в понимании закономерностей посткриминального периода в целом и посткриминальной деятельности лиц, связанных с событием преступления, в частности выступает методологической преградой к их познанию. Иными словами, не все закономерности посткриминального периода (посткриминальной деятельности лиц, связанных с событием преступления) относятся к закономерностям механизма преступления. Закономерности, которые вышли из границ механизма преступной деятельности, находятся вне познания или на втором плане в связи с закономерностями раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Л. И. Аксельрод (1919) отмечал, что «факт сложности той или другой отрасли науки не является методологической преградой на пути к исканию законов, а требует лишь полноты сознания исследователем трудности задачи» [6].

Для преодоления такой преграды в общей теории криминалистики приведем ряд доводов.

1. Преступная деятельность из раза в раз порождает посткриминальную деятельность

лиц, связанных с событием преступления. Нет таких видов преступлений, по которым бы не оставалось следов и не осуществлялась деятельность лиц, связанных с событием преступления, после его совершения.

2. Круг участников посткриминальной деятельности гораздо разнообразнее, чем в преступной деятельности, и каждый из них выступает источником криминалистически значимой информации.

3. Временной отрезок посткриминальной деятельности гораздо шире, нежели чем у преступной и, как правило, пересекается с криминалистической деятельностью (раскрытием, расследованием и предотвращением преступлений, а в ряде случаев и судебным разбирательством).

4. Посткриминальная деятельность лиц, связанных с событием преступления, типична, устойчива, повторяема при приготовлении, реализации и изменении.

5. Посткриминальная деятельность лиц, связанных с событием преступления, как и любой вид человеческой деятельности, закономерно оставляет следы.

6. Посткриминальная деятельность лиц, связанных с событием преступления, влияет на эффективность раскрытия, расследования и предотвращения преступления.

7. Познание в расследовании и раскрытии преступлений отдельных элементов и видов посткриминальной деятельности выступает задачами в борьбе с преступностью и критериями эффективности такой деятельности (количество разысканных обвиняемых, сумма ущерба).

8. Взаимное проникновение преступной деятельности и посткриминальной действительности происходит при реализации либо ранее запланированного замысла субъекта преступления и связанных с ним лиц, либо новых возможностей субъектов посткриминальной деятельности и иных лиц в ситуациях посткриминального периода и проявляется в виде преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия.

9. С момента зарождения криминалистической науки отдельные способы и приемы посткриминальной деятельности изучались в отечественной и зарубежной криминалистике.

Подчеркнем, что посткриминальная деятельность лиц, связанных с событием преступления, не всегда является механизмом преступления, именно объединение замысла способа совершения преступления с действиями после его совершения позволяет включить их в механизм преступления.

Кроме этого, поведение лиц, случайно оказавшихся на месте преступления, как элемент механизма преступления является весьма условным, поскольку он влияет на содержание, но не является системой преступных действий, то есть механизмом преступления [7].

Посткриминальное противодействие расследованию также не во всех случаях выступает элементом механизма преступления, поскольку, к примеру, для субъекта неумышленного преступления вряд ли правильно говорить о посткриминальном противодействии расследованию как о части механизма преступления; противодействие расследованию со стороны свидетелей и жертвы не всегда связано с механизмом преступления, включающим до и посткриминальное воздействие [8], может происходить по иным причинам, некоторые формы противодействия не запрещены законом (довод об алиби), но при этом в конечном итоге направлены на ненадлежащее уголовное преследование и правоприменение.

Следует иметь в виду, что посткриминальное противодействие расследованию – не единственный вид посткриминальной деятельности лиц. Антагонистической противодействию расследованию выступает такая деятельность, именуемая автором как содействие раскрытию и расследованию преступлений (в ряде случаев такая деятельность реализуется и в ходе судебного разбирательства). Содействие раскрытию и расследованию преступлений (к примеру, деятельное раскаяние, явка с повинной, досудебное соглашение о сотрудничестве, особый порядок и уликовое поведение) в криминалистическом содержании элементов механизма преступления не могут быть включены (за исключением случаев адаптивного противодействия расследованию или псевдосодействия).

О необходимости самостоятельного решения вопроса о закономерностях посткриминальной деятельности и в целом посткрими-

нального периода свидетельствуют серьезные изменения, которые вызваны трансформацией беспрецедентного противодействия расследованию и появлению его адаптивных форм или новых способов и приемов [8; 9; 10], изменением российского законодательства, регулирующего посткриминальное поведение, достаточно низкой раскрываемостью преступлений, рецидивами и латентностью преступлений, многими другими обстоятельствами и факторами.

Считаем, что проведенная работа является одним из этапов изучения закономерностей посткриминальной действительности, стержнем которой выступает посткриминальная деятельность лиц. Результаты криминалистического познания посткриминальной деятельности лиц (концепция, характеристика, методы) и другие обстоятельства позволили сформулировать следующие задачи построения системы знаний о посткриминальной деятельности в структуре общей теории криминалистики:

1. Необходимо сформулировать и отразить в предмете криминалистики закономерности посткриминальной действительности, основу которых составляет посткриминальная деятельность.

2. Дополнить задачи криминалистики с учетом значения закономерностей посткриминальной деятельности в борьбе с преступностью.

3. Выявить место посткриминальной деятельности в системе языка криминалистического знания.

4. Уточнить понятие общей теории криминалистики.

5. Рассмотреть особенности и закономерности механизма возникновения следов в связи с посткриминальной деятельностью.

6. Соотнести посткриминальную деятельность с базовыми терминами, понятиями и категориями криминалистической науки.

7. Заложить основы для формирования криминалистической теории о посткриминальной деятельности.

Указанные задачи – только часть вопросов, требующих разрешения в рамках криминалистического познания посткриминальной деятельности лиц, связанных с событием преступления и его последствиями.

Литература

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2018 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/14696015>.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 1.
3. Варданыан А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81).
4. Образцов В. А. О некоторых перспективах интеграции и дифференциации знаний в криминалистике // Актуальные проблемы криминалистики. М., 1979.
5. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987.
6. Аксельрод Л. И. Курс лекций по историческому материализму. Тамбов, 1919.
7. Андреев А. С. Поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, как элемент механизма преступления: от постановки научной проблемы к результатам исследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27.
8. Варданыан А. В., Андреев А. С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6.
9. Варданыан А. В. Противодействие уголовному судопроизводству по делам о насильственных преступлениях на жизнь и здоровье личности: некоторые актуальные аспекты // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2018.
10. Варданыан А. В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430.

Bibliography

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January – September 2018. URL: <https://reports/item/14696015>.
2. Belkin R. S. Course of criminalistics. Moscow, 1997. Vol. 1.
3. Vardanyan A. V., Griboonov O. P. The modern doctrine of the methodical-criminal maintenance of investigation of certain types of crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2 (81).
4. Obrazcov V. A. On some prospects of integration and differentiation of knowledge in criminalistics // Actual problems of criminology. Moscow, 1979.
5. Belkin R. S. Criminalistics: problems, trends, prospects. General and particular theories. Moscow, 1987.
6. Axelrod L. I. Course of lectures on historical materialism. Tambov, 1919.
7. Andreev A. S. Behavior (activity) of persons who happened to be participants of a criminal event, as an element of the mechanism of crime: from the formulation of a scientific problem to the results of the study // Bulletin of Tomsk state University. Law. 2018. № 27.
8. Vardanyan A. V., Andreev A. S. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in criminal and post-criminal reality // All-Russian criminological journal. 2018. Vol. 12. № 6.
9. Vardanyan A. V. Counteraction to criminal proceedings in cases of violent crimes on life and health, personality: some actual aspects // Activity of law enforcement agencies in modern conditions: proceedings of the XXIII International scientific-practical conference. Irkutsk, 2018.
10. Vardanyan A. V. Criminalistic prevention in the system of state measures for crime prevention // Bulletin of Tomsk state University. 2018. № 430.

Инкижекова Мария Сергеевна
Inkizhekova Maria Sergeevna

профессор кафедры общей психологии и гуманитарных дисциплин Уральского юридического института МВД России доктор философских наук, доцент.

Professor of the Department of General Psychology and Humanities of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Associate Professor.
E-mail: masha_ink@mail.ru

Первухин Александр Сергеевич
Pervukhin Alexander Sergeevich

курсант факультета следователей Уральского юридического института МВД России.

Cadet of the Faculty of Investigators of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: ann.alexandr@mail.ru

МАКИАВЕЛЛИЗМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ
Machiavellism in the work of police officers

В статье представлен междисциплинарный анализ рассмотрения темы манипуляций и неправомерных провокаций. Авторы, анализируя проблему деформации правового сознания и определяя ее роль при осуществлении неправомерной провокации преступления, заключают, что введение уголовно-правовой нормы в Уголовный кодекс Российской Федерации позволит предупредить совершение должностных преступлений сотрудниками органов внутренних дел. Также, по мнению авторов, для предупреждения противоправных провокаций необходимо проводить комплексные системные мероприятия, начиная с отбора кандидатов на службу в правоохранительные органы, заканчивая мерами по поддержанию высокого уровня правового сознания.

Ключевые слова: макиавеллизм, провокация, деформация правового сознания, сотрудники полиции.

The article presents an interdisciplinary analysis of the topic of manipulation and provocation in the professional activities of police officers. The authors, analyzing the problem of deformation of legal consciousness and determining its role in the implementation of unlawful provocation of the crime, conclude that the introduction of criminal law in the criminal code of the Russian Federation will prevent the Commission of official crimes by employees of the internal affairs bodies. Also, to prevent illegal provocations, it is necessary to carry out comprehensive systemic measures, starting with the selection of candidates for service in law enforcement agencies, ending with measures to maintain a high level of right consciousness.

Keywords: machiavellianism, provocation, deformation of legal consciousness, police officers.

Сотрудники полиции в силу особенностей профессиональной деятельности ежедневно призваны вступать в коммуникацию с различными категориями граждан. По причине складывающихся обстоятельств и в связи с личностными особенностями тех или иных представителей общества полицейским приходится использовать манипулятивные формы и техники воздействия.

С другой стороны, некоторые граждане также используют манипуляции при общении с сотрудниками правоохранительных органов с целью избежать наказания или, желая повлиять на решение сотрудника полиции, изменить меры воздействия.

В некоторых случаях наблюдается двусторонняя манипуляция (как со стороны сотрудников правоохранительных органов, так и со стороны граждан).

Без учета и анализа феномена манипуляции невозможно составить адекватное представление об особенностях профессиональных коммуникаций сотрудников полиции. Все это актуализирует необходимость научного исследования представленной темы на уровне междисциплинарного подхода.

Для начала необходимо рассмотреть исторический контекст появления манипулятивных практик в жизни современных людей. Ряд ученых занимают позицию, утверждающую, что

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

манипуляции есть закономерный результат развития рыночных отношений, доминирования сферы услуг в структуре экономики, макиавеллизма в политике. Названные факторы образуют благоприятные условия для разработки и намеренного использования в большом и постоянно разрастающемся количестве манипулятивных технологий, воздействующих на сознание, чувства, волю людей с целью управления их психическими реакциями и поведением. Получается, что манипуляторы и манипулируемые становятся объективной данностью межличностных коммуникаций и социального бытия. При этом манипулятивные формы воздействия и их растущее многообразие влияют на практику профессионального взаимодействия, в том числе деятельность сотрудников полиции.

С целью выявления склонности к манипулятивному поведению в ситуациях профессионального взаимодействия с населением у сотрудников полиции проведен опрос с использованием оригинальной версии Мак-шкалы Р. Кристи и Ф. Грейз и ее так называемой русскоязычной версии, разработанной отечественным ученым В. В. Занковым, а также шкалы Т. Банта.

Респондентами являлись слушатели 2-го курса факультета заочной формы обучения Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, работающие в подразделениях полиции Свердловской и Тюменской областей, Ханты-Мансийского автономного округа (Югра).

Исследование проходило в три этапа: подготовка текстов опросников с инструкцией и бланков ответов; раздача опросников респондентам; обработка и анализ данных.

Всего было подготовлено три опросника, каждый из которых включал двадцать утверждений. Оценка каждого утверждения производилась по балльной шкале.

При обработке результатов ответы респондентов оценивались с помощью подсчета маккоэффициента в соответствии с ключом. Обработка данных строилась на суммировании обследуемых баллов во всех пунктах, входящих в соответствующую шкалу, результат показывает уровень «макиавеллизма» данного человека.

В исследовании принимали участие 56 человек в возрасте от 20 до 40 лет, которые являются сотрудниками полиции мужского пола, не имеющими высшего профессионального (юридического) образования.

Были получены следующие суммарные показатели по Мак-шкале Р. Кристи и Ф. Грейз (таблица 1):

Таблица 1

Уровень макиавеллизма	%
низкий уровень	5,4
средний уровень	80,3
высокий уровень	14,3

Ниже приведены суммарные показатели по шкале Мак-IV, разработанной В. В. Занковым (таблица 2):

Таблица 2

Уровень макиавеллизма	%
низкий уровень	1,8
средний уровень	64,3
высокий уровень	16
очень высокий уровень	17,9

Для того чтобы дополнить полученные данные, нами была также использована методика диагностики по шкале Т. Банта, которая предназначена для определения уровня манипулятивного отношения личности к другим людям. Данная методика позволяет выявить людей с высокими показателями манипулятивности или, иными словами, определить склонность индивидов к использованию других для удовлетворения своих потребностей.

При проведении настоящего исследования с использованием шкалы Т. Банта были получены следующие суммарные показатели (таблица 3):

Таблица 3

Уровень макиавеллизма	%
низкий уровень	1,8
средний с тенденцией к низкому	39,3
средний с тенденцией к высокому	53,6
высокий уровень	5,3

Результаты опроса показали, что у большинства респондентов значительно преобладает средний уровень макиавеллизма, что подталкивает к предположениям о том, что такие люди могут быть манипуляторами. Возможности использовать манипуляции в своей профессиональной деятельности также подкрепляют

ся статусом полицейского, а именно тем, что сотрудник полиции в условиях выполнения своих профессиональных обязанностей обладает достаточно широкими полномочиями в вопросах применения мер принуждения.

Анализируя результаты опроса, можно предположить, что у тех респондентов, у которых показатель приближен к высокому уровню макиавеллизма, в их деятельности могут проявляться такие личностные качества, как амбициозность, доминирование, настойчивость, притворство. Такие люди готовы строить свою деятельность так, чтобы она в большей степени была направлена на разрешение их собственных проблем и удовлетворение личных потребностей. Очевидно, что подобную стратегию поведения в профессиональной деятельности сотрудника полиции можно рассматривать как фактор, либо ведущий к деформации правового сознания, либо ее отражающий.

Понятие «деформация» (от лат. *deformatio* – искажение) означает «изменение формы, искажение чего-либо» [4, с. 298]. Данный термин не является юридическим, однако для анализа правового сознания используется довольно часто и под ним понимают такое измененное состояние сознания, которое искаженно отражает юридическую действительность [3; 8].

Различают следующие типы деформации правосознания у сотрудников полиции: правовой дилетантизм, правовой инфантилизм, правовой нигилизм, правовой фетишизм, правовое перерождение. Характеристики указанных видов деформации правового сознания представлены в работах отечественных ученых [3, с. 27; 5, с. 335; 6, с. 36; 11, с. 19], которые отмечают, что правовой дилетантизм и правовой инфантилизм выражаются в легкомысленном обращении с юридической нормой, в вольной трактовке закона, ненадлежащем исполнении обязанностей, безответственном отношении к правопорядку. Что в целом отражает пробельный уровень правовых знаний и непосредственно проявляется в деятельности сотрудников полиции как непрофессионализм.

Самым опасным проявлением деформации правового сознания считается «правовое перерождение», или «негативно-правовой радикализм», под которым понимают не просто осознанное игнорирование правовых норм, но и совершение при этом умышленных преступлений. Как справедливо отмечает П. П. Баранов,

это «самый тяжелый случай деформации правосознания, так как основан на сознательном отрицании закона, сопровождающимся наличием у лица преступного умысла и действующего по мотивам корысти, алчности» [3, с. 87]. Можно согласиться с мнением В. Н. Кудрявцева, который резюмирует, что «любая деформация в правовой сфере... часто приводит к противоправному поступку» [7, с. 298].

Одной из актуальных проблем, связанных с деформацией правового сознания, можно считать проблему провокации преступления, которая до настоящего времени остается не до конца разрешенной. Еще в начале 2000-х годов данная тема достаточно широко обсуждалась юристами, высказывались противоречивые суждения относительно того, в какую часть Уголовного кодекса Российской Федерации (Основную или Особенную) должна быть включена норма, предусматривающая ответственность за неправомерную провокацию преступления, а также статья, исключаящая или смягчающая ответственность провоцируемого лица. Так, в частности, А. Арютонов отмечал, что если в Общей части УК РФ будет закреплено и нормативно определено понятие «провокация преступления», то тогда провокатор сможет нести уголовную ответственность как подстрекатель либо как организатор [2, с. 33–34]. Поддерживал данную позицию М. А. Фомин, который отмечал следующее: «В уголовном праве России до сих пор отсутствует определение провокации преступления, которое было бы закреплено в Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, относилось бы к обстоятельствам, исключаящим преступность деяния в действиях жертвы провокации, и которое бы способствовало освобождению от уголовной ответственности лиц, спровоцированных на совершение тех или иных противоправных нарушений» [10, с. 56].

Противоположную точку зрения отстаивали другие юристы, в частности, Н. В. Артеменко и А. М. Минькова, которые утверждали, что необходимо «установить уголовную ответственность за провокацию преступления путем включения в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации нормы, предусматривающую такую ответственность» [1, с. 54].

По-прежнему в УК РФ нормативно не закреплено определение понятия «провокация преступления» и его существенные признаки и категории.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В энциклопедических и справочных изданиях провокатором объявляется «тайный агент полиции, вступающий в контакт с преступными элементами (потенциальными нарушителями уголовного закона) с целью побудить их к совершению определенных противоправных действий для облегчения последующего изобличения и ареста указанных элементов» [13]. Таким образом, провокатор имеет целью побудить к противоправным действиям не подозревающее об этом умысле лицо, что позволит ему в дальнейшем не только с легкостью «разоблачить преступника», но и зафиксировать состав преступления без каких-либо затруднений.

На наш взгляд, такие категории как, «провокатор», «подстрекатель» и «организатор» не могут отождествляться и поглощаться, поскольку институт соучастия предполагает наличие общей цели у соучастников, а в случае с провокацией преступления цели у провокатора и иного соучастника различны, соответственно, считаем верным признавать провокатора исполнителем.

Анализ литературы по представленной проблеме, а также используемый нами категориальный подход при сравнении понятийного материала позволяет утверждать, что следует уделить внимание понятиям «провокатор» и «провокация преступления». Данные категории должны быть использованы в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса РФ, где все признаки незаконной провокации преступления могут быть закреплены путем ее конструирования в виде описательной нормы, содержащей все характерные признаки соответствующего деяния и специального субъекта (провокатора) в лице сотрудника органов внутренних дел.

Учитывая вышесказанное, считаем целесообразным ввести в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации статью, предусматривающую ответственность за совершение провокации преступления сотрудниками ОВД, закрепляющую признаки провокации преступления и особого субъекта в лице полицейского. Однако для этого необходимо определиться с сущностными признаками и определением понятия «провокация преступления».

А. И. Кокунов в своей работе выделяет следующие важные признаки преступной провокации преступления:

– умышленный характер и особая цель побуждения: использовать факт нарушения провоцируемым лицом социальных норм против интересов последнего;

– волевой характер деяния провоцируемого (провокация по своему смыслу предполагает возможность выбора модели поведения провоцируемым лицом; нельзя считать провокацией такое воздействие на провоцируемое лицо, которое лишает его возможности руководить своими действиями (непреодолимое физическое принуждение);

– деяние провоцируемого лица нарушает социальные нормы, является предосудительным в той или иной социальной среде (соответственно, указанное деяние не обязательно является преступлением, оно может представлять собой любое другое правонарушение, аморальный поступок, политически некорректное действие и так далее);

– деяние провоцируемого лица является следствием побудительного воздействия провоцирующего лица, между ними имеет место причинная, а не обуславливающая связь (так, само по себе не может считаться провокацией согласие, одобрение предстоящего деяния провоцируемого лица, создание благоприятных условий для его совершения).

Учитывая вышперечисленные признаки, преступную провокацию сотрудниками органов внутренних дел можно определить как умышленное побуждение лица к совершению преступного деяния полицейского, цель использования в дальнейшем факта преступления против интересов провоцируемого [7].

Считаем необходимым дополнить главу 31 УК РФ следующим текстом: «Статья 304.1 “Провокация преступления сотрудником правоохранительных органов – умышленное побуждение лица к совершению преступного деяния сотрудником правоохранительных органов в целях использования в дальнейшем факта преступления сотрудником правоохранительных органов против интересов провоцируемого”».

Также считаем необходимым внести дополнение в главу 8 Уголовного кодекса РФ путем введения статьи, содержанием которой будет исключаться преступность деяния, или дополнения ст. 61 содержанием, которое будет смягчать наказание за совершение преступления в случае незаконной провокации преступления сотрудниками органов внутренних дел.

На наш взгляд, введение уголовно-правовой нормы в Уголовный кодекс Российской Федерации позволит предупредить совершение должностных преступлений сотрудниками ОВД. Однако достижение правомерного поведения полицейских лишь угрозой нака-

зания неприемлемо, необходимо проводить комплексные системные мероприятия, начиная с отбора кандидатов на службу и заканчивая мерами по поддержанию высокого уровня правового сознания.

Литература

1. Артеменко Н. В., Минькова А. М. Проблемы уголовно-правовой оценки деятельности посредника, провокатора и инициатора преступления в уголовном праве РФ // Журнал российского права. 2004. № 11.
2. Арутюнов А. Провокация преступления // Российский следователь. 2002. № 8.
3. Баранов П. П. Профессиональное правосознание работников ОВД. Теоретические проблемы. М., 1991.
4. Дворецкий И. Х. Латино-русский словарь. 2-е изд., переработ. и доп. М., 1976.
5. Захарцев С. И. Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4 (9).
6. Ковалев С. А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности // История государства и права. 2009. № 13.
7. Кокунов А. И. Понятие и уголовно-правовое значение провокации // Альманах современной науки и образования. 2015. № 10.
8. Кудрявцев В. П. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.
9. Петров В. Р. Деформация правосознания граждан России. Проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019). URL: <https://base.garant.ru/5762943/>.
11. Фомин М. А. Как искоренить провокацию преступлений // Уголовный процесс. 2015. № 4.
12. Шеременев М. А. Деформация профессионального правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы (общеправовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.
13. Энциклопедический словарь экономики и права on-line. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law/.

Bibliography

1. Artemenko N. I., Minkova A. M. The problems of criminal-legal assessment of the facilitator, provocateur and initiator of a crime in criminal law of Russia // Journal of Russian law. 2004. № 11.
2. Arutyunov A. The provocation crimes // Russian investigator. 2002. № 8.
3. Baranov P. P. The professional legal awareness of police officers. The theoretical problem. Moscow, 1991.
4. Dvoreckij I. H. The Latin-Russian dictionary. Moscow, 1976.
5. Zakhartsev S. I. The professional deformation of legal consciousness of police officers, judges and prosecutors // Library of criminalist. Scientific journal. 2013. № 4 (9).
6. Kovalev S. A. The deformation of legal consciousness as a factor of illegal behavior of a person // History of state and law. 2009. № 13.
7. Kokunov A. I. The concept and criminal-legal meaning of provocation // Almanac of modern science and education. 2015. № 10.
8. Kudryavtsev V. P. The legal behavior: norm and pathology. Moscow, 1982.
9. Petrov V. R. The deformation of legal consciousness of Russian citizens. Problems of theory and practice: abstract of dis. ... PhD in Law. Nizhny Novgorod, 2000.
10. The Criminal code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FL (ed. of 02.08.2019). URL: <https://base.garant.ru/5762943/>.
11. Fomin M. A. How to eradicate provocation of crimes // Criminal process. 2015. № 4.
12. Shelemenev M. A. The deformation of professional sense of justice of employees of criminal executive system (legal analysis): abstract of dis. ... PhD in Law. Vladimir, 2006.
13. Encyclopedic dictionary of economics and law on-line. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law/.

**Осяк Валентина Владимировна
Osyak Valentina Vladimirovna**

заместитель начальника кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Deputy Head of the Criminalistics and Operational-Search Activity Department of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

E-mail: osyak.v@mail.ru

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ
ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**Theoretical aspects of detection and investigation
of counterfeiting in modern conditions**

В статье рассматриваются теоретические аспекты раскрытия и расследования такого негативного явления объективной реальности, как фальшивомонетничество. Автор подвергается анализу мировые тенденции в области борьбы с фальшивомонетничеством, рассматриваются обстоятельства, способствующие распространению фальшивомонетничества в России в современных условиях. Обосновывается вывод о том, что в условиях стремительного развития научно-технического прогресса, связанного в том числе с появлением криптовалют и виртуального мошенничества, полиция должна действовать на опережение, пресечение новых форм преступной деятельности, в частности, фальшивомонетничества.

Ключевые слова: фальшивомонетничество, организованная преступность, гносеология права, гендерная преступность, цифровизация, поддельные денежные знаки, раскрытие и расследование преступлений, предупреждение, специальные знания, международное сотрудничество.

The article deals with the theoretical aspects of the disclosure and investigation of such a negative phenomenon of objective reality as counterfeiting. The author analyzes the global trends in the fight against counterfeiting, examines the circumstances that contribute to the spread of counterfeiting in Russia in modern conditions. The conclusion is substantiated that in the conditions of rapid development of scientific and technological progress associated, inter alia, with the emergence of cryptocurrencies and virtual fraud, the police should act ahead of the curve, the suppression of new forms of criminal activity, including counterfeiting.

Keywords: counterfeiting, organized crime, epistemology of law, gender crime, digitalization, counterfeit banknotes, detection and investigation of crimes, prevention, special knowledge, international cooperation.

Экономические отношения являются стержневым базисом жизнедеятельности любого общества и государства в целом. Не вызывает сомнений тот факт, что проявление в данной сфере негативных воздействий различного характера способно повлиять на сложившийся режим функционирования, а также стать препятствием для дальнейшего развития. В связи с этим проблема борьбы с изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом поддельных денег или ценных бумаг сохраняет свою важность и актуальность в сфере других негативных глобальных проблем мирового масштаба, а противодействие данному преступлению на протяжении последних лет высту-

пает приоритетным направлением деятельности органов внутренних дел.

Развитие современной науки и техники неизбежно приводит к совершенствованию способов изготовления поддельных денежных знаков и ценных бумаг. При этом основной целью правоохранительных органов является достижение и сохранение лидирующих позиций в научно-техническом плане для успешного выполнения поставленных перед ними задач в борьбе с фальшивомонетничеством. Обстановка осложняется переходом сбытчиков на бесконтактный способ распространения купюр посредством почтовых отправок и «закладок», при котором оплата

за фальсификаты осуществляется с использованием денежных суррогатов (электронные кошельки, биткойны). К предупреждению таких преступлений наша страна не в полной мере готова [1, с. 343]. Об этом свидетельствует в том числе значительное отставание развития цифровой экономики в России от мировых лидеров. В программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017) со ссылкой на международные исследования указано, что Россия занимает 38-е место по готовности использования цифровых технологий с большим отставанием от таких стран, как Финляндия, Швейцария, Швеция, Израиль, Сингапур, Нидерланды, Норвегия, Люксембург и Германия.

Действительно, проблема распространности производства и дальнейшего оборота поддельных денежных знаков занимает особое место в структуре преступности большинства стран, так как вместе с развитием научно-технического прогресса совершенствуются не только средства и методы криминалистической техники и тактики, но и механизм изготовления поддельных денежных знаков, а также способы противодействия расследованию преступлений данной категории. К тому же все чаще фиксируются случаи ввоза контрабандным путем поддельных денежных знаков, что говорит о том, что преступные группы, занимающиеся фальшивомонетничеством, давно приобрели статус международных. Более того, нередко деятельность по изготовлению и сбыту поддельных денежных знаков направлена на финансирование деятельности террористических организаций, а также организаций, занимающихся контрабандой оружия и наркотиков.

Во всем мире борьба с фальшивомонетничеством ведется в соответствии с Международной конвенцией по борьбе с подделкой денежных знаков, заключенной в 1929 году в Женеве. Согласно данной конвенции, государства-участники взяли на себя обязательства в борьбе с фальшивомонетничеством не делать различий между подделкой национальных и иностранных денежных знаков. Тем не менее большинство проблем международного и государственного сотрудничества в области фальшивомонетничества, ни раз освещаемых в научной литературе, не

решены до настоящего времени [2, с. 93–96; 3, с. 71–74; 4, с. 90–92].

В современной экономической мысли бытует мнение, что с развитием общества деструктивные проявления этого сектора экономики будут сведены к минимуму или исчезнут. Однако недавние авторитетные исследования масштабов и тенденций распространения фальшивомонетничества в мире доказали обратное [5]. К сожалению, на тенденцию роста изучаемых преступлений в России серьезное негативное влияние оказывает не только экономический, но и политический фактор, и в основном он связан с положением на Северном Кавказе. Анализ статистических данных по итогам девяти месяцев текущего года показывает рост зарегистрированных на территории Ростовской области фактов сбыта поддельных денежных знаков на 6,7 %. Однако удельный вес преступлений, возбужденных по ст. 186 УК РФ, в структуре всех совершенных тяжких и особо тяжких преступлений в аналогичный период сократился и составил 4,2 %.

Предпринимающаяся в рамках гендерной философии деконструкция субъекта, позволяющая вскрыть его определяющую систему властных отношений, помогает взглянуть на категорию субъекта как на нуждающуюся в переосмыслении и переопределении, открытую для новых изысканий и поиска иных смыслов [6, с. 139–140]. В этой связи, изучая противоправную деятельность, связанную с фальшивомонетничеством, необходимо учитывать существующую в настоящее время опасную тенденцию по все большему вовлечению в нее женщин, несовершеннолетних и пожилых людей. Так, чтобы не вызывать подозрений у кассиров, фальшивомонетчики вербуют детей и пенсионеров, а те сбывают поддельные купюры в магазинах, супермаркетах, торговых центрах и на рынках, стараясь выбирать торговые точки, которые не оснащены специальным оборудованием.

Для эффективного выявления фактов фальшивомонетничества необходимо определить его пространственные границы, то есть уяснить, где именно происходило преступное деяние. Анализ мест сбыта поддельных денежных знаков свидетельствует о высокой их доле в сетевых магазинах, гипермаркетах, автоза-

правочных станциях, при этом наиболее подверженным фальшивомонетчеству по-прежнему остается областной центр, на территории которого совершено 48,9 % от всех зарегистрированных на территории Ростовской области фактов сбыта. Помимо этого, возрос процент изъятия подделок в банках по операциям физических лиц. Как правило, изымаемые у населения подделки находятся в длительном обращении, что существенно затрудняет установление реальных сбытчиков и указывает на необходимость принятия дополнительных мер профилактики.

Вступление мирового сообщества в эпоху цифровой экономики предъявляет высокие требования к эффективности государственных правоохранительных систем, модернизация которых возможна только на основе знания законов, регулирующих развитие общества, права и экономики [8, с. 814–816]. Развитие цифровых технологий привело к появлению на рынке доступных печатающих устройств, обеспечивающих высокое качество подделок. Если ранее, чтобы добиться сходства подделок с подлинными деньгами, преступники проводили множество экспериментов, прикладывая огромный труд и значительные материальные затраты, то современному фальшивомонетчику для полного цикла производства поддельных денег достаточно иметь компьютер, сканер и цветной принтер, при этом сам процесс абсолютно бесшумен, безотходен и может быть организован в условиях одной квартиры, а масштабы производительности могут достигать 10 тысяч купюр в неделю. По-прежнему значительная доля преступлений рассматриваемой категории приходится на организованные группы, при этом постоянно растет «профессиональный уровень» преступников: не прошло и двух лет, как они стали подделывать новые купюры номиналом в 200 и 2 000 рублей, которые анонсировались как абсолютно устойчивые к подделкам. Но самыми востребованными для преступников остаются купюры номиналом в 5 000 рублей, которых за истекший год было выявлено 27 763 поддельных купюр, что составляет более 70 % от общего количества фальшивок.

В последние годы в отечественном правоведении существенно возрастает интерес к

изучению теории познания. Предпринимаются попытки системного обоснования целей, структуры, содержания и прикладного значения гносеологии права, ее роли в развитии юридической теории и практики [8, с. 7–10]. В этой связи и вопросам выявления и раскрытия преступлений так или иначе уделяют внимание практически все правоведы, занимающиеся проблемами оперативно-розыскной деятельности. Тем не менее до сих пор механизм использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам не получил достаточно четкой регламентации в уголовно-процессуальном законе. Так, по-прежнему нет единого подхода к содержанию понятия «раскрытие преступления» [9, с. 27]. Тенденциями последнего времени, по мнению ряда авторов, становятся попытки придания процессуальности оперативно-розыскной деятельности [10].

Не вдаваясь в полемику научной дискуссии по указанному вопросу, согласимся с мнением авторов, определяющих под раскрытием фальшивомонетничества систему проводимых в соответствии с оперативно-розыскным законодательством сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции организационных, оперативно-розыскных, профилактических и иных мероприятий с использованием негласных сил, средств и методов ОРД, направленных на получение первичной оперативно значимой информации о подготавливаемых или совершаемых фактах фальшивомонетничества, а также причастных к ним лицах [11, с. 25–26; 13].

Важную роль в выявлении фактов сбыта поддельных денежных знаков и ценных бумаг играет эффективность сбора материалов доследственной проверки. Л. А. Савина, раскрывая дефиницию понятия предварительной проверки, определяет ее как основанную на законе и подзаконных актах деятельность уполномоченных уголовно-процессуальным законодательством компетентных государственных органов и должностных лиц, направленную на установление достоверности содержащейся в заявлении (сообщении) информации, и сбор дополнительных сведений, характеризующих это событие, которые необходимы для принятия законного и обоснованного процессуаль-

ного решения по поступившему заявлению или сообщению о преступлении [13, с. 11]. Применимо к рассматриваемой категории преступления указанная функция возложена на подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, которые, помимо предварительной проверки информации о фактах фальшивомонетничества, осуществляют оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства. Следует отметить, что органами внутренних дел осуществлен ряд организационных и практических мер по улучшению работы по раскрытию, расследованию и предупреждению фактов фальшивомонетничества. Получают развитие новые формы взаимодействия, активизируется деятельность служб и подразделений по профилактике фальшивомонетничества [3, с. 70–72], внедряется специализация сотрудников, совершенствуется опыт создания следственно-оперативных групп по отдельным направлениям деятельности.

Следует констатировать, что благополучное развитие всех отраслей научной деятельности постоянно расширяет арсенал криминалистических средств последними разработками в области сбора и исследования полученной информации, что существенно влияет на раскрытие, расследование преступлений и изолирование преступных элементов.

Процесс раскрытия и расследования рассматриваемой категории преступлений облегчает понимание сущности предмета преступного посягательства, при этом значительную роль здесь, безусловно, играют специальные знания сведущих лиц. Ведь только благодаря производству судебной экспертизы, представляющей собой одну из основных процессуальных форм использования современных научно-технических достижений, позволяет установить фактические данные, которые имеют значение для своевременного решения вопроса о наличии признаков преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ. В то же время успех производства первоначальных следственных действий и дальнейшего расследования во многом зависит от полноты используемых сведущими лицами методов криминалистического исследования, что, в свою очередь, достигается корректно поставленными перед экспертами вопросами, позволяю-

щими не выходить за рамки их компетенции и точно отразить интересующие следствие аспекты [14, с. 425].

Обстоятельства, способствующие совершению преступлений, связанных с изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом поддельных денег или ценных бумаг, на наш взгляд, являются неотъемлемым элементом криминалистической характеристики рассматриваемого преступления [15, с. 26–27]. Их уяснение будет способствовать успешному раскрытию, расследованию и предупреждению фальшивомонетничества. К указанным обстоятельствам в первую очередь относят совершенствование техники и технологии, повышение криминального профессионализма фальшивомонетчиков и качества фальшивых денежных знаков, прозрачность границ с территорией соседних с Россией государств и межгосударственная напряженность.

Для предупреждения фальшивомонетничества, на наш взгляд, первостепенное значение играет уровень защищенности денежных знаков. Поэтому одним из основных направлений профилактики фальшивомонетничества является постоянное внедрение новых элементов защиты денежных знаков и ценных бумаг, а также реализация на постоянной основе комплекса оперативно-розыскных и профилактических мероприятий, направленных на предупреждение фактов сбыта фальшивых купюр, раскрытие таких преступлений по горячим следам и своевременное установление лиц, причастных к сбыту поддельных денежных знаков. Эффективным будет и постоянное изучение опыта других государств, укрепление международного сотрудничества в области борьбы с фальшивомонетничеством.

Таким образом, для России сегодня актуальны и требуют дальнейшего изучения теоретико-методологические основы раскрытия и расследования рассматриваемой категории преступлений, опыт и активизация международного сотрудничества в борьбе с данной угрозой транснациональной организованной преступности. Важно принимать конкретные меры, направленные на создание защищенной и устойчивой киберсреды, предупреждать и пресекать преступную деятельность, осуществляемую с помо-

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

щью глобальной сети (XIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Доха, 12–19 апреля 2015 года). Немаловажными будут и международные рекомендации, связанные с мониторингом за-

конодательства в целях эффективного предупреждения вновь появляющихся и видоизменяющихся форм фальшивомонетничества и борьбы с ним.

Литература

1. Степич Е. С. Криминология гомицида: монография. М., 2019.
2. Асатрян Х. А. Внутригосударственное и международное взаимодействие правоохранительных органов в борьбе с фальшивомонетничеством, совершенным организованными преступными группами // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335.
3. Осяк В. В. Проблемы взаимодействия правоохранительных органов при раскрытии и расследовании изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг // Юристы-Правоведы. 2014. № 1.
4. Чиченов А. В., Свистильников А. Б. Некоторые вопросы предупреждения фальшивомонетничества // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2017. № 2.
5. Emerging from the shadows: the shadow economy to 2025. URL: <http://www.accaglobal.com/uk/en/professional-insights/global-economics/Emerging-from-the-shadows.html>.
6. Семенова В. Э. Гендерная философия в поисках субъекта // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 1 (13).
7. Andreev A. S., Andreeva O. V., Bondareva G. V., Osyak V. V. Understanding the underground economy // European research studies journal. 2018. Vol. 21. № 4.
8. Скурко Е. В. Основания современной гносеологии права (теоретический и практический аспекты) // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1.
9. Варданыан А. В. Раскрытие и расследование тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья личности: криминалистические и оперативно-разыскные аспекты: монография. Ростов н/Д, 2016.
10. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-разыскной деятельности: монография / под научн. ред. В. Т. Томина. Н. Новгород, 2001.

Bibliography

1. Steshich E. S. Criminology homicide: monograph. Moscow, 2019.
2. Asatryan H. A. Domestic and international interaction of law enforcement agencies in the fight against counterfeiting committed by organized criminal groups // Bulletin of Tomsk state University. 2010. № 335.
3. Osyak V. V. Problems of interaction of law enforcement bodies at disclosing and investigation of the manufacture, storage, transportation or sale of counterfeit money or securities // Yurist-Pravoved. 2014. № 1.
4. Chichenov A. V., Svistilnikov A. B. Some issues of the prevention of counterfeiting // Bulletin of the Belgorod law Institute the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2.
5. Emerging from the shadows: the shadow economy to 2025. URL: <http://www.accaglobal.com/uk/en/professional-insights/global-economics/Emerging-from-the-shadows.html>.
6. Semenova V. E. Gender philosophy in search of the subject // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social sciences. 2009. № 1 (13).
7. Andreev A. S., Andreeva O. V., Bondareva G. V., Osyak V. V. Understanding the underground economy // European research studies journal. 2018. Vol. 21. № 4.
8. Skurko E. V. Bases of modern epistemology of law (theoretical and practical aspects) // Leningrad law journal. 2010. № 1.
9. Vardanyan A. V. Disclosure and investigation of serious violent crimes against the life and health of the individual: forensic and operational-investigative aspects: monograph. Rostov-on-Don, 2016.
10. Criminal procedure interpretation of the results of operational and investigative activities: monograph / under the scientific ed. of V. T. Tomin. Nizhny Novgorod, 2001.
11. Lavrov V. P. Problems of preliminary verification of reports of crimes in modern Russian conditions // Proceedings of the Academy of man-

-
-
11. Лавров В. П. Проблемы предварительной проверки сообщений о преступлениях в современных российских условиях // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44).
12. Иванов П. И., Журавлев А. В. К вопросу о раскрытии фальшивомонетничества оперативным путем // Академическая мысль. 2018. № 1 (2).
13. Савина Л. А. Организация и тактика предварительной проверки сообщений об экономических преступлениях. М., 2006.
14. Россинская Е. Р. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика. М., 2014.
15. Осяк В. В., Осяк А. Н. Теоретические и практические основы организации раскрытия и расследования изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг: монография. Ростов н/Д, 2017.
- agement of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4 (44).
12. Ivanov P. I., Zhuravlev A. V. To the question of disclosure of counterfeiting by operational means // Academic thought. 2018. № 1 (2).
13. Savina L. A. Organization and tactics of preliminary verification of reports on economic crimes. Moscow, 2006.
14. Rossinskaya E. R. Forensic examinations in civil proceedings: organization and practice. Moscow, 2014.
15. Osyak V. V., Osyak A. N. Theoretical and practical bases of the organization of disclosure and investigation of production, storage, transportation or sale of counterfeit money or securities: monograph. Rostov-on-Don, 2017.

**Щербаченко Александр Константинович
Scherbachenko Alexandr Konstantinovich**

доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Associate Professor of the Criminalistics and Operational-Investigative Activities Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

E-mail: rui@mvd.ru

**МОШЕННИЧЕСТВО И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РАСКРЫТИЯ,
РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОБЗОРНЫЙ АНАЛИЗ,
ПРОБЛЕМЫ И ВЫВОДЫ**

**Fraud and features of its disclosure, investigation and prevention
as subject of forensic science study: overview analysis, problems and conclusions**

В статье проведен анализ исследований за последние тридцать лет, посвященных мошенничеству, его раскрытию, расследованию применительно к предмету криминалистики. Получен вывод, свидетельствующий о том, что созданы условия для формирования базовой методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц.

Ключевые слова: криминалистика, анализ, мошенничество, базовая методика, группа.

The article analyzes the research over the past thirty years on fraud, its disclosure, investigation in relation to the subject of criminalistic. It is concluded that the conditions have been created for the formation of the basic method of disclosure, investigation and prevention of fraud committed by a group of persons.

Keywords: criminalistic, analysis, fraud, basic methodology, group.

Рассмотрим наиболее значимые выводы, положения, рекомендации применительно к проблеме формирования и развития базовой методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц, по следующей схеме анализа диссертационных исследований: актуальность исследования, объект, предмет, способы мошенничества, групповое мошенничество, способы посткриминального противодействия раскрытию и расследованию мошенничества. Основу для изучения по данной схеме составила разработанная криминалистическая классификация мошенничеств, совершенных группой лиц, как основание для построения базовой методики их раскрытия, расследования и предупреждения. Она должна включать следующие группы:

- преступная группа и субъект преступления;
- способы мошенничеств, совершенных группой лиц (подготовка, совершение, сокрытие);

– способы посткриминального противодействия раскрытию и расследованию данного вида хищения;

- потерпевший и его виктимное поведение;
- предмет и преступный результат мошенничества, совершенного группой лиц;
- время, место, обстановка мошенничества, совершенного группой лиц.

Для обоснования актуальности вопросов раскрытия, расследования и предупреждения мошенничества авторы ссылаются на следующие научные факты, аргументы или статистические данные: трансформации в экономике и социально-политической сфере; изменение преступности; появление новых способов мошенничества или концентрация их в определенных сферах; недостатки в работе правоприменителей; латентность; низкая раскрываемость.

Интересна мысль О. В. Волоховой о том, что «преступления, которые могут быть названы мошенничеством как в узкоюридическом, так и в общечеловеческом смыслах этого сло-

ва, уходят корнями во времена появления человека разумного как биологического вида. Мошенники постоянно изобретают новые способы обмана и с успехом используют древние, как сам мир, виды мошенничества. Таков, вероятно, закон природы: кому-то обманывать, кому-то быть обманутым» [1]. Добавим, что необходимо также познавать процессы раскрытия и расследования мошенничеств в объективной действительности, в ходе научных исследований, в том числе криминалистических.

Достаточно нестандартно к актуальности темы, связанной с мошенничеством в сфере оборота жилища, подошел А. В. Шаров, отмечавший, что «актуальность темы обусловлена недостаточным уровнем правовой грамотности граждан-участников оборота жилища, высоким потребительским значением жилища, повышенным вниманием преступников к жилищу, как объекту права собственности, и отсутствием разработанной криминалистической методики расследования» [2].

Следует отметить, что Б. А. Куринов попытался разработать и защитить концепцию социальной обусловленности, практической и функциональной необходимости совершенствования деятельности органов внутренних дел по раскрытию и расследованию мошеннических посягательств [3]. На наш взгляд, такая концепция должна быть переработана и внедрена с учетом современных подходов последнего десятилетия, а также реалий цифровой экономики и мира.

Таким образом, исследователи крайне редко отмечают следующие научные факты. Во-первых, чуть менее чем в половине случаев мошенничество совершается группой лиц, что свидетельствует о необходимости разработки соответствующих методических рекомендаций. По нашему мнению, правы авторы, которые указывают, что при расследовании мошенничества в той или иной сфере экономической деятельности невозможно реализовать тот или иной способ преступления вне группы. Так, Д. В. Астафьев, исследовав мошенничества в сфере купли-продажи недвижимости, пришел к выводу, что для них характерны «соучастие в мошеннических сделках с жилой недвижимостью должностных лиц, работников проектно-инвентаризационных бюро и жилищных служб, работни-

ков домов престарелых, риэлтеров и т. д.» [4]. Во-вторых, ущерб от таких преступлений в среднем в 20–30 раз выше ущерба, причиненного при совершении мошенничества преступником-одиночкой.

Даже в тех случаях, когда авторы в актуальности исследования указывают на групповой организованный характер мошенничества, такие вопросы носят при раскрытии содержания работы, к сожалению, не первоочередной характер. В диссертационном исследовании, связанном с особенностями расследования мошенничеств, причинивших ущерб в особо крупном размере, вопрос об организованности или групповом характере преступной деятельности его автором М. Р. Шагиахметовым отдельно не рассматривается [5]. Говоря об особенностях ущерба по делам о мошенничествах, О. А. Гусева отмечает, что «ущерб при совершении мошенничества нередко превышает ущерб, являющийся последствием иных имущественных преступлений» [6].

При выборе объекта исследования ученые-криминалисты используют три познавательных приема.

1. Объект как противоположные виды деятельности. Так, Р. Р. Курмаев отмечает, что объектом диссертационного исследования, посвященного методике расследования мошенничеств на рынке ценных бумаг, является, с одной стороны, преступная деятельность по совершению мошенничества на рынке ценных бумаг, а с другой стороны, деятельность по расследованию данного вида мошенничеств [7]. Кстати, такой познавательный прием при изучении объективной действительности используют чуть менее половины исследователей обозначенной темы.

2. Менее трети исследователей рассматривают объект исследования через призму общественных отношений, в которых раскрывается, расследуется и предупреждается мошенничество. Так, К. А. Виноградова применительно к вопросам расследования мошенничества в сфере кредитования указывает, что объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся при совершении мошенничества в сфере кредитования, а также при выявлении, раскрытии и расследовании уголовных дел по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ [8];

3. Иные подходы.

Нередки случаи, когда в данной группе указывается, что объектом исследования является практика или иные объекты. В подтверждение приведем пример диссертационного исследования А. Н. Розина, который при рассмотрении вопросов расследования мошенничества в сфере жилищного строительства отмечает, что объектом исследования является практика раскрытия, расследования мошенничества в сфере жилищного строительства, нашедшая отражение в уголовных делах; научных трудах; законодательных и иных нормативных правовых актах [9]. Первые два познавательных приема (объект как противоположные виды деятельности, объект как общественные отношения, как и впрочем, их комбинации), по нашему мнению, более предпочтительны. Подход познания объективной действительности А. Н. Розина и других вряд ли следует признать верным, поскольку нарушен системный подход к объектам исследования, не отражает сложившиеся традиции объекта криминалистики, не все уголовные дела о мошенничестве оканчиваются обвинительным приговором.

Предмет исследования большинством ученых-криминалистов рассматривается в рамках парадигмы профессора Р. С. Белкина, то есть как закономерности объективной действительности, образующие предмет криминалистики. При этом подход к самим закономерностям достаточно различен. В ряде случаев исследователи не всегда указывают на закономерности механизма совершения мошенничества. Данный подход наиболее распространен в работах А. В. Варданяна и ряда других ведущих ученых-криминалистов [10, с. 155–160; 11, с. 3–9; 12, с. 7–13; 13, с. 58; 14].

Например, М. Н. Богданов указывает на то, что предметом диссертационного исследования на тему «Расследование мошенничества в сфере потребительского кредитования» выступают объективные закономерности правоприменительной, организационной и тактической деятельности правоохранительных органов, призванных вести борьбу с названной категорией преступлений, а также положения криминалистики, нормы уголовного, уголовно-процессуального и других отраслей права [15]. Иными словами, автор не только достаточно свободно подошел к пониманию предмета криминалистической науки (неясно, для каких

целей автор указал правоприменительную, организационную и тактическую деятельность, отказавшись от категории раскрытия, расследования преступлений, а также для чего включены в предмет положения криминалистики и нормы отраслей права), но и по какой-то причине исключил из него закономерности механизма совершения мошенничества. Данные закономерности есть результат создания и исследования соответствующей криминалистической характеристики преступлений, которую автор рассмотрел в своей работе в отдельном параграфе. Для понимания взаимосвязей криминалистической характеристики мошенничества, которые отражают те или иные стороны закономерностей механизма преступления, а также для создания базовой криминалистической методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничества, совершенных группой лиц, являются выводы, сделанные И. О. Антоновым более двадцати лет назад в диссертационном исследовании на тему: «Расследование мошенничества». Так, им выявлены закономерные взаимосвязи элементов криминалистической характеристики мошенничества: место совершения мошенничества – возраст мошенника, способ мошенничества – возраст мошенника, способ мошенничества – судимость мошенника и род занятий мошенника [16]. Не менее дискуссионно к пониманию предмета исследования в рамках криминалистической методики предварительного и судебного следствия по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере потребительского кредитования, подошла О. В. Кругликова. Предмет исследования, по мнению автора, составляют теоретические вопросы формирования криминалистического знания, основанного на закономерностях, проявляющихся в деятельности преступников по подготовке, совершению и сокрытию мошенничеств, совершаемых в сфере потребительского кредитования; деятельности субъектов правоохранительных органов и суда, познание которых способствует формированию теоретических положений, методов организации и тактико-криминалистических рекомендаций по выявлению, расследованию и рассмотрению в судебном заседании вышеуказанных преступлений [17]. В целом поддерживаем подход автора, однако в таком понимании, как нам представляется, имеется один существен-

ный недостаток: акцент сделан не на закономерности, входящие в предмет криминалистики, а на закономерности развития самой криминалистики как науки, что нивелирует ее практикоориентированный характер.

Ученые-криминалисты традиционно изучают способы подготовки, совершения и сокрытия мошенничества. Анализ интернет-пространства за последние пять лет показал, что основные новостные агрегаторы свидетельствуют о появлении новых способов каждые 15 дней, о случаях активизации тех или иных способов мошенничества – каждые 5–7 дней. Традиционные же способы, как правило, модифицируются к новым условиям либо копируются из зарубежного опыта. М. М. Уразбахтин отмечает, что известны в «судебно-следственной практике способы мошенничества в сфере автострахования, которые модифицированы преступниками применительно к новым условиям, эти же новые условия предопределили появление ранее не характерных для РФ способов мошенничества» [18].

Вполне логичным и уместным является определение понятия мошенничества в жилищной сфере, основанное на классификации способов совершения таких преступлений, которые представила в своем исследовании В. В. Мальгина. Под мошенничеством в жилищной сфере с учетом способов его совершения автор понимает «деяния лица в виде обмана или злоупотребления доверием, направленного на волю потерпевшего, побуждая его к действиям в нужном для виновного направлении для причинения имущественного ущерба, заключающегося в фальсификации мотива деятельности потерпевшего, т. е. действиях, направленных на умышленное искажение или неверное толкование событий в целях завладения его жильем либо правами на него» [19].

Нам встретились только две кандидатские диссертации, посвященные криминалистическим проблемам расследования мошенничеств, совершенных группой лиц: В. А. Казакова (1999) и А. Е. Слепнева (2001). Некоторые из разработанных авторами положений не потеряли своей актуальности и значения, однако требуют дальнейшего комплексирования и укрупнения методических комплексов в рамках базовой методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств. При

этом следует констатировать, что имеется переизбыток частных криминалистических методик расследования мошенничеств, совершенных преступниками-одиночками, тогда как раскрытие и расследование организованных и групповых мошенничеств находится в некотором познавательном забвении. Так, В. А. Казаков пишет: «Следственные действия, необходимость в производстве которых возникает на первоначальном этапе расследования уголовных дел по мошенничествам, совершенным группами лиц, в сфере частного инвестирования, имеют специфические особенности, определяемые элементами правовой и криминалистической характеристики» [20]. А. Е. Слепневым на основе проведенных исследований были выработаны предложения по использованию ситуационного подхода к организации и планированию расследования мошенничеств, совершенных группой лиц [21]. Анализ более сорока диссертационных исследований показал отсутствие современных криминалистических знаний как о мошенничествах, совершенных группой лиц, так и об особенностях их раскрытия, расследования и предупреждения. Отметим, что отдельные свойства личности мошенника и ее типология достаточно глубоко разработаны в криминалистике.

Проблема, связанная со способами посткриминального противодействия раскрытию и расследованию мошенничества, достаточно полно раскрыта в диссертационных исследованиях последних двадцати лет. Наибольший интерес представляют работы М. Г. Бушинской и А. А. Навалихина.

Применительно к развитию базовой методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц, наиболее значимыми являются следующие выводы и положения исследования А. А. Навалихина: описание и система способов противодействия расследованию мошенничества и составляющих их приемов, классифицированных по различным основаниям; типология личности субъекта, оказывающего противодействие расследованию мошенничества [22].

Некоторые подходы и позиции М. Г. Бушинской при изучении мошенничества, совершенного группой лиц, следует уточнить или доработать, поскольку автор рассматривает

только криминальное противодействие как разновидность конфликтных отношений [23]. Не исключая такого подхода, на наш взгляд, необходимо разработать более подробно вопросы посткриминального противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Практически значимыми являются разработки концепции посткриминальной деятельности лиц, связанных с событием преступления, А. С. Андреева [24, с. 100–104].

Итак, проанализировав диссертационные работы, обозначим наиболее значимые выводы, положения, рекомендации применительно к проблеме и путям формирования и развития базовой методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц.

1. При обосновании актуальности вопросов раскрытия, расследования и предупреждения мошенничества авторы ссылаются на целый ряд научных фактов, аргументов или статистических данных. По-прежнему остаются крайне не изученными криминалистические аспекты раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, несмотря на существенный ущерб от таких хищений.

2. Предмет исследования большинством ученых-криминалистов изучается в рамках парадигмы профессора Р. С. Белкина, то есть в качестве закономерностей объективной действительности, образующих предмет криминалистики. Для понимания взаимосвязей криминалистической характеристики мошенничеств, которые отражают те или иные стороны закономерностей механизма преступления, а также для создания базовой криминалистической методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц, необходимы как выводы, полученные в ходе обзорного анализа, так и новые, разра-

ботанные в ходе собственного исследования материалов уголовного дела.

3. Появление новых способов мошенничества – процесс закономерный и устойчивый. Наряду с рассмотрением материалов уголовных дел возможно использование других способов изучения (контент-анализ, изучение видеозаписей, эпизодов с камер видеонаблюдения и так далее). Поскольку в России способы мошенничества, совершенных группой лиц, регулярно копируются из-за рубежа, постольку необходимы как постоянный мониторинг, направленный на криминалистическую превенцию, так и систематизация успешного зарубежного опыта раскрытия и расследования таких хищений.

4. Проблемам раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц, посвящено малое количество криминалистических работ. Особенно данная проблема проявилась при анализе кандидатских и докторских диссертаций.

5. Для изучения противодействия раскрытию и расследованию мошенничеств, совершенных группой лиц, следует изучать различные временные периоды.

Таким образом, крайне необходима концептуальная основа совершенствования деятельности правоохранительных органов, осуществляющих раскрытие и расследование мошенничеств, совершенных группой лиц, на основе современных криминалистических знаний, учитывающих реалии антикриминальной деятельности в России и за рубежом в условиях цифровизации общественных отношений и цикличности финансовых кризисов. Таковой, по нашему мнению, должна стать базовая методика раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных группой лиц.

Литература

1. Волохова О. В. Особенности расследования мошенничества, совершенного в отношении граждан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
2. Шаров А. В. Методика расследования мошенничества в сфере оборота жилища: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
3. Куринов Б. А. Криминалистические и процессуальные аспекты расследования мошенничества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Bibliography

1. Volokhova O. V. Features of the investigation of fraud committed against citizens: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2003.
2. Sharov A.V. Methods of investigation of fraud in the sphere of turnover of housing: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2003.
3. Kurinov B. A. Criminalistic and procedural aspects of fraud investigation: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2006.

4. Астафьев Д. В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере купли-продажи недвижимости: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.
5. Шагиахметов М. Р. Особенности расследования мошенничеств, причинивших ущерб в особо крупном размере: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003.
6. Гueva О. А. Криминалистические аспекты обеспечения выявления и раскрытия мошенничества: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004.
7. Курмаев Р. Р. Методика расследования мошенничества на рынке ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
8. Виноградова К. А. Расследования мошенничества в сфере кредитования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
9. Розин А. Н. Расследования мошенничества в сфере жилищного строительства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
10. Варданыан А. В., Унжакова С. В., Грибунов О. П. Следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования преступлений, предусмотренных ст. 191.1 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86).
11. Варданыан А. В. Современные проблемы учения о криминалистическом предупреждении преступлений: гносеологические и правовые аспекты // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник трудов участников Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2017.
12. Варданыан А. В., Кулешов Р. В. К вопросу о принципах формирования частных криминалистических методик // Российский следователь. 2015. № 22.
13. Варданыан А. В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юристы-Правоведы. 2019. № 2 (89).
14. Варданыан А. В., Грибунов О. П., Капустюк П. А. и др. Расследование мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта: учебное пособие. Иркутск, 2018.
15. Богданов М. Н. Расследование мошенничества в сфере потребительского кредитования: дис. ... канд. юрид. наук. Псков, 2010.
4. Astafyev D. V. Features of the initial stage of investigation of fraud in the field of real estate purchase and sale: dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2004.
5. Shagiakhmetov M. R. Features of the investigation of fraud that caused damage on a large scale: dis. ... PhD in Law. Chelyabinsk, 2003.
6. Gueva O. A. Forensic aspects of fraud detection and disclosure: dis. ... PhD in Law. Izhevsk, 2004.
7. Kurmaev R. R. Methods of investigation of fraud in the securities market: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2004.
8. Vinogradova K. A. Investigations of fraud in the field of lending: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2018.
9. Rozin A. N. investigations of fraud in the field of housing construction: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2009.
10. Vardanyan A. V., Unzhakova S. V., Gribunov O. P. Investigative situations at the initial stage of investigation of crimes under article 191.1 of the Criminal code // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3 (86).
11. Vardanyan A.V. Modern problems of the doctrine of criminalistic crime prevention: epistemological and legal aspects // Criminalistics: topical issues of theory and practice: proceedings of the International scientific-practical conference. Rostov-on-Don, 2017.
12. Vardanyan A.V., Kuleshov R. V. On the principles of formation of private forensic techniques // Russian investigator. 2015. № 22.
13. Vardanyan A. V. Modern problems of the use of special knowledge in criminal proceedings // Jurist-Pravoved. 2019. № 2 (89).
14. Vardanyan A. V., Gribunov O. P., Kapustyuk P. A. and others. Investigation of fraud associated with the implementation of investment projects on railway transport enterprises: textbook. Irkutsk, 2018.
15. Bogdanov M. N. Investigation of fraud in consumer lending: dis. ... PhD in Law. Pskov, 2010.
16. Antonov I. O. Investigation of frauds: dis. ... PhD in Law. Kazan, 1999.
17. Kruglikova O. V. Forensic methods of preliminary and judicial investigation in cases of fraud committed in the field of consumer lending: dis. ... PhD in Law. Tomsk, 2011.

16. Антонов И. О. Расследование мошенничеств: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1999.
17. Кругликова О. В. Криминалистическая методика предварительного и судебного следствия по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере потребительского кредитования: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011.
18. Уразбахтин М. М. Криминалистическая методика расследования мошенничества в области автострахования: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013.
19. Мальгина В. В. Особенности расследования мошенничества в жилищной сфере: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008.
20. Казаков В. А. Первоначальный этап расследования мошенничеств, совершенных группами лиц в сфере частного инвестирования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.
21. Слепнев А. Е. Расследование мошеннических посягательств, совершенных группой лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2001.
22. Навалихин А. А. Противодействие расследованию мошенничества и криминалистические методы его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007.
23. Бупинская М. Г. Криминальное противодействие и пути его преодоления при расследовании мошенничеств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
24. Андреев А. С. Адаптивное противодействие правоприменению: понятие, обзор, постановка проблемы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 6. Ч. 2.
18. Urazbakhtin M. M. Forensic methods of investigation of fraud in the field of auto insurance: dis. ... PhD in Law. Kazan, 2013.
19. Malygina V. V. Features of the investigation of fraud in the housing sector: dis. ... PhD in Law. Volgograd, 2008.
20. Kazakov V. A. The initial stage of the investigation of fraud committed by groups of individuals in the field of private investment: dis. ... PhD in Law. St. Petersburg, 1999.
21. Slepnev A. E. Investigation of fraudulent attacks committed by a group of persons: dis. ... PhD in Law. Ufa, 2001.
22. Navalikhin A. A. Counteraction to investigation of fraud and criminalistic methods of its overcoming: dis. ... PhD in Law. Tyumen, 2007.
23. Bushinskaya M. G. Combating crime and ways of its overcoming in the investigation of fraud: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2006.
24. Andreev A. S. Adaptive counteraction to law enforcement: concept, review, problem statement // Bulletin of the Altai Academy of economics and law. 2019. № 6. Part 2.

Казачанская Елена Александровна
Kazachanskaya Elena Alexandrovna

доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Southern Federal University,
Lawyer, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: elk.13@yandex.ru

Конопий Анна Сергеевна
Konopiya Anna Sergeevna

преподаватель кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета.

Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Southern Federal University.
Тел.: + 7 (988) 586-82-62.

**ПЕРЕВОРОТ 18 БРЮМЕРА VIII ГОДА РЕСПУБЛИКИ
(9 НОЯБРЯ 1799 ГОДА) И ПЕРЕХОД К РЕЖИМУ
ЕДИНОЛИЧНОЙ ВЛАСТИ БОНАПАРТА**

**The coup d'état of the 18th Brumaire of the VIII year of the Republic
(November 9, 1799) and the transition to the regime of Bonaparte's sole power**

В статье рассматривается переворот 1799 года, определяются его особенности через личность Бонапарта и его политическую деятельность; проводится анализ событий указанного периода, дается характеристика новой системы власти, имеющей республиканское происхождение и гражданскую направленность, и ее последующей трансформации.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт, единоличная власть, государственный переворот, первое консульство, пожизненное консульство, империя.

The article considers the coup d'état of 1799, defines its features through the personality of Bonaparte and his political activities. The authors analyse the events of the specified period, give the characteristic of a new system of power, having a republican origin and a civic orientation, and its subsequent transformation.

Keywords: Napoleon Bonaparte, sole authority, coup d'état, first consulate, life consulate, empire.

Государственный переворот 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 года) был «верхушечным». Члены Директории знали о готовящемся перевороте, а Э.-Ж. Сиейес, вошедший в состав Директории в 1799 году, принял в нем участие как один из организаторов. В подготовке переворота принимал участие и Роже Дюко – еще один член Директории. Председателем Совета пятисот были брат Бонапарта Люсьен (именно он спас его в критический момент, когда переворот чуть не был сорван негодующими депутатами).

Но для успеха переворота необходима была поддержка армии, которая также была настроена против Директории. «Должна быть одна голова и одна сабля, которая должна подчиняться этой голове», – утверждал

Э.-Ж. Сиейес. В качестве такой «сабли» предполагался молодой генерал Жубер, но он был убит в сражении. В итоге выбор пал на молодого (в 1799 году ему было всего 30 лет) талантливоего генерала Бонапарта, пользовавшегося в народе репутацией республиканца и популярностью в армии. Возвращение генерала Бонапарта из Египта было встречено как неожиданный подарок судьбы. «Вот человек, который нам нужен», – заявил будто то бы Сиейесу генерал Моро, которого также прощали в качестве «сабли» [4, с. 110].

Событийная сторона переворота так же, как и биография генерала Бонапарта многократно описаны в литературе, поэтому нет необходимости на ней останавливаться. Совет старейшин и Совет пятисот, не имевшие под-

держки ни в армии, ни в обществе, не смогли противостоять заговорщикам. И уже вечером 19 брюмера несколько десятков депутатов обеих палат приняли на себя смелость утвердить предложенные им заговорщиками решения. Непосредственный итог 18–19 брюмера – передача исполнительной власти трем консулам, а остатков законодательной власти – двум комиссиям по двадцать пять человек из числа депутатов Совета старейшин и Совета пятисот, которые должны были легитимировать переход власти от Директории консулам.

«Никогда новая власть не устанавливалась с большою легкостью и не встречала менее препятствий...» [6, с. 1]. К концу XIX века французское общество настолько устало от режима Директории, что восприняло государственный переворот 18 брюмера без особенного волнения, выжидая лишь дальнейшего развития событий. В целом отношение общества к перевороту можно оценивать в диапазоне от нейтрального до умеренно положительного с элементом недоверия и с надеждой на большую стабильность, на мир и отказ от крайностей [2, с. 419]. Париж отнесся к перевороту спокойно, если не инертно: оваций не устраивали, не помогали и не мешали, в городе почти у всех были довольные лица, рабочая масса выказывала сочувствие, не становясь на чью-либо сторону. Но как писала современница, «к удовольствию примешивается недоверие». Финансовые, деловые, коммерческие круги также вздохнули свободнее. Полиция докладывала о вполне удовлетворительном настроении умов [2, с. 415–216]. О Директории никто не жалел; о конституции – немногие. «Франция признала свершившийся факт» [5, с. 25]. Более того, как писал Ф. Минье, «18 брюмера приобрело громадную популярность... Все, начиная с партии Сьейеса и кончая роялистами 1788 г., радовались 18 брюмера и рассчитывали на будущие политические выгоды от этого переворота» [8]. Все с нетерпением ждали дальнейших шагов новых властей.

Переворот 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 года) должен был завершиться созданием новой системы власти. «Даже самые деятельные споспешники 18 брюмера не желали, чтоб диктатура продолжалась долее того времени, как нужно было для осуществления условных изменений в Конституции» [6, с. 2].

Но на первом этапе специальным законом был определен режим временного Консульства. Власть Директории была упразднена. Сийес и Дюко подали в отставку, Барраса принудили уйти в отставку, еще двое членов Директории – Гойе и Мулен – были арестованы.

Временное управление (исполнительная консульская комиссия) состояло из трех консулов. Двое из них – Сийес и Роже Дюко – были перед этими членами Директории, третьим стал генерал Бонапарт. Как отмечали историки, внешне это выглядело как сокращенное издание Директории.

11 ноября 1799 года состоялись «выборы» председателя (Первого консула). Л.-А. Тьер писал о том, что «несмотря на то, что лета и положение Сийеса, казалось, предоставляли эту честь ему, Дюко сказал генералу Бонапарту: “Займите первое место, и начнем”» [10, с. 419]. Бонапарт, заметив недовольство Сийеса, немедленно занял кресло председательствующего, однако, решил пойти на временный компромисс, предложив не выбирать постоянного председателя. П.-М. Лоран писал, что Сийес, который «льстил себя надеждой быть президентом, спросил своих товарищей: “Кто же у нас будет президентом” – воображая, что они уступят ему эту честь. Но Роже Дюко живо ответил: “Разве вы не видите, что президент – генерал Бонапарт?”» [7, с. 163]. Стилистические тонкости не отменяют сути – Бонапарт не собирался отдавать никому власть, хотя из тактических соображений не желал немедленно заявлять о своих претензиях. В результате члены консульской комиссии не стали избирать постоянного председателя, решив, что его обязанности должен был выполнять поочередно каждый из них с ежедневной ротацией. Замещение кресла председательствующего (дежурного консула) осуществлялось в алфавитном порядке – первым председательствующим стал генерал Бонапарт, затем его сменил Роже Дюко, после которого кресло председательствующего занял Сийес. Дежурный консул руководил прениями, первым подписывал протокол, неотлучно находился в Люксембургском дворце. В таком порядке консульская комиссия действовала с 11 ноября до 24 декабря 1799 года. Когда консулы разошлись, Сийес с решимостью заявил Талейрану и Редереру: «У нас теперь есть повелитель, который знает все, может все и хочет сделать все» [10, с. 1]. Было ясно, кто в этом

триумвирате главный, за кем стоит реальная сила и у кого действительная власть. Однако, пока не была принята Конституция VIII года, о единоначалии и тем более о военной диктатуре не было и речи. Генерал Бонапарт вел себя подчеркнуто корректно и даже сменил военный мундир на штатский сюртук. Новая власть всячески стремилась подчеркнуть свое республиканское происхождение и гражданскую направленность. Она отменила закон о заложниках и насильственном займе, позволила вернуться изгнанным после 18 фрюктидора священникам, отменила свое собственное недалекое решение о ссылке крайних республиканцев.

Временные консулы, помимо исполнительной власти пяти директоров, получили права законодательной инициативы в вопросах определения нового государственного строя Франции. Они призваны были «восстановить порядок во всех частях управления; восстановить внутреннее спокойствие и доставить Франции выгодный и прочный мир» [10, с. 17]. Предполагалось, что главным законодателем станет Сийес, Бонапарту предназначалась роль администратора [10, с. 7]. Одновременно с учреждением временного Консульства 19 брюмера был издан декрет, прерывающий работу Совета старейшин и Совета пятисот. Они должны были из своего состава избрать для подготовки законопроектов и текста новой конституции по одной специальной комиссии из двадцати пяти человек. Комиссии призваны были легитимировать власть временных консулов и могли выносить постановления относительно всех вопросов организации исполнительной власти [10, с. 9]. Все акты, носящие законодательный характер, должны были втираться в комиссии Совета пятисот, а затем в комиссии Совета старейшин. «Обе эти комиссии, как указывает А. Вандаль, – представляли собой “парламент в миниатюре”» [2, с. 420]. Комиссиям для осуществления их задач было предоставлено два месяца, а временным консулам (Бонапарту, Сийесу и Роже Дюко) – три. «Комиссии были разделены на отделения финансов, законодательное и конституционное и соединялись только для утверждения предложений правительства» [10, с. 8].

Новая конституция была обнародована 15 декабря 1799 года и вступила в законную силу после плебисцита в соответствии с дек-

ретом 17 февраля 1800 года. А первое заседание коллегии трех консулов, назначенных новой конституцией, состоялось уже 25 декабря 1799 года (за десять дней до обнародования конституции и за 54 дня до ее вступления в законную силу). С этого дня Бонапарт перестает вести себя как один из равных консулов, беря не только инициативу, но и всю власть в свои руки. В первый же день заседания трех консулов были назначены ключевые члены нового правительства – министры юстиции (этот пост Камабсерес, ставший вторым консулом, уступил А.-Ж. Абриалю.), иностранных дел, флота и колоний сохранили свои посты (министра иностранных дел Рейнара 22 ноября сменил Талейран). Военным министром, министром финансов и внутренних дел были назначены соответственно Бертье (доверенный человек Бонапарта), Годэн (предложенный Сийесом как опытный специалист) и ученый Лаплас как представитель научного сообщества. Полицейское ведомство осталось за Жозефом Фуше, несмотря на возражения Сийеса. Государственным секретарем был назначен Г.-Б. Марэ, его помощником – экс-секретарь Директории Лагард. В целом в этот период окружение Бонапарта составляли деятели 1789 года. Новая власть усиленно подчеркивала свой демократизм. Жан Тюлар справедливо указывает, что «из бывшей Директории в новое правительство вошли два консула и четыре министра. Государственный переворот был совершен в интересах не новых людей, а нового режима» [11]. Но не менее справедливо и ценно и другое утверждение, сделанное А. Вандалем: «Талант Бонапарта в том и проявился, что он, переменив систему, сохранил людей; со старым штатом служащих он создал новое правительство» [2, с. 557]. В действительности решающее значение имели не эти люди, а Бонапарт – главное лицо и фактический двигатель режима. Но пока военно-авторитарный режим умело рядился в республиканскую тогу. Однако на 19 января 1800 года Наполеон уже назначил переезд в Тюильри – основную резиденцию французских королей, начиная с Людовика XVI.

Честолюбие генерала Бонапарта простиралось гораздо дальше роли первого консула, избираемого на десять лет. После успехов на военном и дипломатическом поприще французское общество в целом было готово к тому,

чтобы не просто признать фактическим главой государства Первого консула, но и наделить его полномочиями пожизненного правителя. «После Маренго, ...уже ни о чем не говорили, кроме как о наследственных и династических правах, о необходимости сильного правительства, об ослаблении влияния других государственных учреждений, прежде всего – Трибуната, а также о том, что настало наконец время консолидации общества» [11, с. 166].

Однако то, в какой форме это было сделано, позволяет говорить о том, что переход к пожизненному консульству по форме был своего рода небольшим государственным переворотом при фактическом попустительстве или бессилии высших органов власти Республики. Инициатива исходила от разных лиц. Первый консул, более всех заинтересованный в положительном решении вопроса и исподволь подталкивавший своих соратников, однако, не торопил события. Более того, он даже отправил в почетную ссылку своего брата Люсьена, который излишне суетился, привлекая ненужное внимание и не вовремя опубликовал в октябре 1800 года сочинение «Параллель между Цезарем, Кромвелем, Монком и Бонапартом». Весной 1802 года после внешнеполитических успехов Франции стало ясно, что общественное мнение полностью готово к переменам. Оставалось сломать сопротивление «политического класса» Франции. За дело взялся второй консул Камбасерес, который подсказал Трибунату, что следует наградить Бонапарта за его выдающиеся успехи. Трибунат 6 мая 1802 года вынес соответствующее постановление (правда, как указывал П. Ланфре, председатель Трибуната Шабо, предлагая Трибунату «заявить желание, чтоб генералу Бонапарту, Первому консулу было дано блистательное доказательство национальной признательности», был уверен, что речь идет лишь о засвидетельствовании, а не принятии решения о пожизненном консульстве [6, с. 364]), и отправил делегацию к Первому консулу. Бонапарту дали понять, что речь идет о почетной награде, но этого было явно недостаточно для Первого консула. Предложение Трибуната было передано в Сенат, но и сенаторы, несмотря на уговоры, притворившись, что поверили в скромность Первого консула, согласились предложить Бонапарту не пожизненное консульство, а лишь избрать его заранее Первым консулом еще на десять лет

(постановление 8 мая 1802 года). И здесь был использован прием, который испробовался ранее при утверждении Конституции VIII года и потом еще не раз помогал бонапартистскому режиму (как первому, так и второму – в середине XIX века). Было решено, минуя официальные органы власти, получить одобрение нации. Бонапарт, крайне раздосадованный и даже взбешенный скромным подарком Сената, лицемерно заявил, что без согласия нации он не может принять на себя такую «жертву». «Народный голос облек меня верховною властью. Я не считал бы себя обеспеченным относительно доверия, если бы акт, уполномочивающий меня на это, не был еще раз утвержден народом» [6, с. 366]. Таким образом, был избран путь прямого обращения к нации. Вопрос состоял только в том, кто и как должен осуществить это обращение. Государственный совет, созданный вторым консулом и верным помощником Бонапарта Камбасересом, должен был дать ответ на этот вопрос. Но советники в своем желании угодить Бонапарту пошли еще дальше. Член Госсвета Биго де Преамене предложил «не стеснять изъявления народной воли рамками сенатского решения». Другой советник – П.-Л. Редерер – конкретизировал эту идею, предложив вынести на референдум уже не один вопрос о пожизненном консульстве для Бонапарта, но также и вопрос о праве Первого консула назначать преемника. По мнению Редерера, именно такая постановка вопроса должна была гарантировать стабильность, которую столь активно отстаивал Сенат. К представительным органам решили не обращаться. В результате решение о проведении плебисцита было принято административным совещательным органом, без учета позиции законодательных органов и Охранительного сената [6, с. 367]. Наполеон для видимости раскритиковал Редерера и из осторожности предложил убрать из опроса статью о праве назначения преемника. Сенат, Трибунат и Законодательный корпус лишь известили о принятом решении. Сенаторы оказались крайне недовольны, тем не менее были вынуждены создать специальную комиссию, чтобы решить, что делать дальше. Однако комиссия не оправдала надежд Сената, решив 17 мая, что сделать уже ничего нельзя. Трибунат и Законодательный корпус приняли свое поражение без боя. Плебисцит путем открытой подачи

голосов прошел более чем успешно. 2 августа 1802 года Сенат объявил результаты плебисцита: за пожизненное консульство проголосовали три миллиона пятьсот шестьдесят восемь тысяч восемьсот восемьдесят пять активных граждан, против – всего лишь восемь тысяч триста семьдесят четыре. Из 60 тыс. проголосовавших парижан «против» выступили только восемьдесят. Но утвердительных голосов в этот раз было на полмиллиона больше, чем в VIII году. На основании результатов плебисцита Охранительный сенат издал органический сенатус-консулт, в котором указывалось, что, заслушав доклад специальной комиссии, которая констатировала победные результаты голосования, «французский народ назначает и Сенат провозглашает Наполеона Бонапарта пожизненным первым консулом» [9, с. 58]. Так начался период личного правления Наполеона. Как правильно отмечал французский юрист Ш. Боржо, плебисцит о пожизненном консульстве «...приблизился к выборам. Он потерял свой учредительный и общий характер, получив исключительный и специальный. С этого момента такие черты господствовали во всех наполеоновских плебисцитах» [1, с. 47].

Фактическое укрепление власти Первого консула после вступления в силу Конституции X года было закреплено органическим сенатус-консультом Конституции 16 термидора X года Республики (4 августа 1802 года) [9]. Главное новшество этого акта – установление в ст. 39 пожизненного срока полномочий всех консулов (изначально речь шла только о Бонапарте, однако он, желая отблагодарить Ж.-Ж. Р. Камбасереса и понимая всю его полезность, настоял на том, чтобы все консулы стали пожизненными, как в настоящее время, так и на будущее). В этой же статье говорилось о том, что консулы являются членами Сената и его председателем. Второй и третий консулы назначались Сенатом по представлению Первого (ст. 40). Порядок их назначения определен в ст. 41. Сенат мог два раза отклонить кандидатуру, предложенную Первым консулом, но третье предложение Первого консула было обязательным для Сената.

Утверждение Бонапарта пожизненным консулом изменило государственный строй. Если раньше, как писали авторы известного

труда «История Европы», Бонапарт «считал нужным разыгрывать из себя президента республики на американский лад» [3, с. 63], то отныне он обзаводится внешними атрибутами монарха и ведет себя как монарх. Отныне день рождения Наполеона Бонапарта 27 термидора (15 августа) предлагалось отмечать как праздничный. Вместо 500 тысяч франков в год, который за свою службу получал Первый консул по Конституции VIII года, пожизненный консул стал получать 6 млн франков [3, с. 63].

Второе по важности новшество – признание права Наполеона назвать своего преемника, что по существу было формой права наследования престола. На этот счет Конституция X года в ст. 41–52 установила специальный порядок представления Первым консулом своего преемника. Преемник должен был принести присягу Республике в присутствии всех высших чиновников и депутатов, судей, высшего духовенства и так далее (ст. 43). Первый консул мог назначить преемника с условием наследования высшей должности после своей смерти. В таком случае «на заседание Сената призываются второй и третий консулы, министры и председатели отделений (sections) Государственного совета. В их присутствии бумага, скрепленная печатью Первого консула, в которой изложена его рекомендация, передается государственному секретарю. Эта бумага подписывается всеми, кто присутствует на этом акте. Государственный секретарь передает ее в правительственные архивы в присутствии министров и председателей отделений Государственного совета (ст. 47). Первый консул мог отозвать свое решение о назначении преемника (ст. 48). В случае, если Первый консул не оставит никого в качестве своего преемника, это могут сделать второй и третий консулы по отдельности (ст. 51). Схожий порядок «50. Если кандидатура, представленная Первым консулом, не назначается, второй и третий консулы представляют каждый по одной кандидатуре: в случае неназначения каждый из них представляет по другой кандидатуре и одна из них непременно назначается. 52. Во всех случаях представления и назначение должны быть совершены в течение двадцати четырех часов, следующих за смертью Первого консула» [10, с. 607–608].

Власть Первого консула также была увеличена и в других вопросах. Именно он (а не законодательный корпус) теперь ратифицирует договоры о мире и союзе после получения рекомендации Тайного совета (ст. 58). Единственное условие (вряд ли правильно было называть это ограничением) – до обнародования договоров консул должен сообщить об этом Сенату. Как фактический глава государства, Первый консул получил также право помилования. Цивильный лист на содержание Первого консула составил шесть миллионов (не сравнить со скромными пятьюстами тысячами франков в 1799 году), второго и третьего консулов – миллион двести тысяч [10, с. 608].

Пожизненное консульство уже означало фактический и даже юридический отказ от республики, ознаменовало разрыв Бонапарта с соратниками и сподвижниками по государственному перевороту [3, с. 59–60]. Ни Бонапарт, ни его приспешники не собирались отступать от достигнутого. Впереди пожизненного консула ожидал главный приз – императорская власть. Вальтер Скотт, характеризуя личность Наполеона, писал о его неуемной жажде власти. «Необъятная власть, которой Бонапарт уже пользовался, казалось, только потому была ценной в его глазах, что она могла дать ему возможность обрести еще большую власть, и подобно азартному отчаянному игроку, он продолжал удваивать свою ставку до тех пор, пока фортуна, столь долго ему благоприятствовавшая, наконец восстала против него и обрекла на окончательную гибель». Действуя от имени революции и доведя до реализации ряд необходимых реформ, в том числе в сфере законодательства (в первую очередь, конечно, речь должна идти о Гражданском кодексе Франции), в сфере политической Наполеон осуществил контрреволюционный переворот, превратив республику в империю.

Переход к единоличной власти начался уже в 1799 году с установления консульского режима. Пожизненное консульство ознаменовало фактическое установление монархии. Оставалось лишь обеспечить наследственные права и оформить действительную монархическую власть в форме империи. Однако действовал Наполеон достаточно осторожно и стремился доказать, что «только наследствен-

ная власть... может отвратить контрреволюцию». После смерти Бонапарта ни один избранник народа не сможет удержать власть. Ни один из генералов не сможет быть главнокомандующим армией и тем более стать во главе правительства [7, с. 222–223]. Это утверждение, однако, не объясняет, почему в таком случае наиболее достойным предполагается наследник престола. Но ответ на этот вопрос уже не требовался. Как и ранее, при получении пожизненного консульства Наполеон стремился к тому, чтобы официальные органы от имени французской нации сами просили его принять на себя дополнительную ношу. И такое обращение было организовано: 27 марта 1804 года Сенат по предложению Фуше обратился с просьбой к «великому человеку», чтобы он завершил свое дело, сделав его таким же бессмертным, как и его слава, то есть сделал свою власть наследственной [6, т. III, с. 134]. Государственный совет по этому поводу провел в дебатах четыре заседания, но не пришел ни к какому соглашению. Более того, семь советников высказались за отсрочку вопроса. Люсьен Бонапарт грозил колебавшимся (даже сам Камбасерес боялся империи) обратиться к армии. «Армия была, в сущности, рычагом, который двигал все государство» [6, т. III, с. 135]. 23 апреля 1804 года член Трибуната Кюре внес предложение о том, чтобы провозгласить Первого консула Наполеона Бонапарта императором французов и объявить императорское достоинство наследственным.

Итак, Трибунал, который не так давно был воплощением оппозиции, проявил необходимую инициативу. Нужно было получить согласие других органов на это предложение. Наполеон из Сен-Клу 5 флореаля XII года (25 апреля 1804 года) обратился к Сенату с предложением «изложить ему все, что Сенат думает по этому поводу». Наполеон писал, что ему чрезвычайно важны «советы вашей мудрости и опытности». «Вы считаете наследственность верховной власти необходимой для ограждения народа от заговоров наших врагов и от волнений, вызываемых соперничающими честолюбиями». «Я приглашаю вас, – писал он, – объяснить мне вполне вашу мысль» [6, т. III, с. 141].

Но Сенат занял выжидательную позицию, была избрана комиссия, которая стала ждать решения Трибуната. В Трибунате на заседании

30 апреля Кюре развил свое предложение, и оно было поддержано всеми ораторами при громких рукоплесканиях (кроме известного своей принципиальной позицией Карно, который тем не менее изъявил готовность подчиниться тем мерам, против которых он возражал). Трибуны словно соревновались в выражении своей любви к Наполеону. Специально созданная по этому вопросу комиссия Трибуната 3 мая 1804 года представила доклад, в котором подтвердила общее желание сосредоточить власть в руках одного лица и сделать ее наследственной. Предполагалось, что от семьи Бонапарта, более чем от какой-либо другой, можно ожидать сохранения прав и свободы избирающего его народа и всех учреждений, которые могут права и свободы гарантировать. Положительное решение Трибуната было передано Сенату, которому не оставалось ничего другого, кроме как просить Наполеона стать императором. 14 флореаля (4 мая) Сенат на вопрос Первого консула ответил, что считает нужным в интересах французского народа доверить управление Республикой Наполеону Бонапарту как наследственному императору. Правда, при этом сенаторы пытались обусловить свое согласие увеличением полномочий Сената, но это поползновение Сената было с негодованием отвергнуто Бонапартом: «Они хотели в одно и то же время законодательствовать, судить и управлять. Подобное соединение власти было бы чудовищно; он не потерпит этого», – заявил Наполеон на заседании Государственного совета [6, т. III, с. 145]. Члены законодательного корпуса, оказавшиеся в Париже, также проголосовали за наделение Первого консула императорским достоинством. После согласия всех высших органов власти решение от 16 мая 1804 года было оформлено в Сенате под председательством второго консула Камбасереса в Сен-Клу, 18 мая 1804 года – органическим сенатус-консультом [3, с. 66–69].

Требовалось еще проведение плебисцита, хотя уже 16 мая 1804 года Наполеон принял титул императора. Любопытно, что он именовался императором Республики. В речи консула Камбасереса, на которого было возложено Сенатом отдать Бонапарту ответ от имени нации, говорилось о несомненной пользе, сопряженной с правом престолонаследия, которую в течение многих веков испытывал

французский народ, и о горестном опыте «противоположной системы». На основании этого от имени французского народа Камбасерес заявил о желании французского народа вернуться к монархии и предоставить всю полноту власти императору Наполеону. Лидеры республики достаточно легко пошли навстречу перевороту, ожидая от него укрепления своего положения. Наполеон скромно согласился принять титул, который, по его мнению, должен способствовать благоденствию и «может быть бесполезен для славы нации» [7, с. 225]. 18 мая 1804 года в ответ на органический сенатус-консулт, которым Наполеон призывался к восшествию на трон в достоинстве императора, Бонапарт отвечал: «Утверждение права престолонаследия я предоставляю на рассмотрение французского народа» [7, с. 224]. Но это была не ложная скромность и не демократизм. Здесь имел место свой расчет. Ему нужно было стать императором всех французов, а не монархом, которого назначили законодатели. И тогда в любом споре с коллегиальными органами Наполеон мог сказать, что он единолично представляет французскую нацию. У французского народа спросили «относительно наследственности императорского достоинства в прямом, кровном, законном и усыновленном потомстве Наполеона Бонапарта и в прямом, кровном и законном потомстве Жозефа Бонапарта и Людовика Бонапарта» [1, с. 47]. Референдум, как и следовало ожидать, дал положительный ответ: три миллиона пятьсот семьдесят две тысячи триста двадцать девять граждан, дали согласие на утверждение наследственной власти императора.

Присяга Наполеона демонстрирует, что он все еще опасался слишком раздражать республиканцев, и поэтому использовал республиканскую терминологию. Парадокс заключался в том, что император клялся «охранять целостность владений республики... и управлять государством, имея единственной целью выгоды, благоденствие и славу французского народа» [7, с. 226]. По предложению Талейрана были учреждены должности шести высших сановников империи. Жозеф Бонапарт стал «великим избирателем» (электором), усердие Камбасереса было награждено возведением его в звание имперского архиканцлера, пост государственного великого канцлера был предназначен для

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Евгения Богарно. Третий консул Шарль Франсуа Лебрен назначен архиказначеем. В марте 1808 года были воссозданы титулы для новой знати. Между 1808 и 1815 годами появились 31 герцог, 452 графа, 1 500 баронов, 1 472 рыцаря [4, с. 142–143]. Появились принцы, высшие сановники, маршалы, камергеры и пажи. В число высших сановников империи вошли и другие сподвижники Наполеона, и его род-

ственники. Луи Бонапарт был назначен великим коннетаблем, Мюрат – великим адмиралом. Статус этих должностей являлся очень высоким, они следовали непосредственно вслед за французскими принцами. Однако реальная исполнительная власть осуществлялась министрами, а Наполеон запретил высшим имперским сановникам занимать министерские должности [3, с. 235–238].

Литература

1. Боржо Ш. Учреждение и пересмотр конституций. М., 1905. Вып. I.
2. Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Происхождение бруммерского консульства. Конституция III-го года. СПб., 1905. Ч. I.
3. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. М., 1938. Т. 1.
4. Манфред А. З. История Франции. М., 1973. Т. 2.
5. Кареев Н. И. Политическая история Франции в XIX веке. СПб., 1902.
6. Ланфре П. История Наполеона. СПб.; М., 1870–1871. Т. II, III.
7. Лоран П. М. История Наполеона. СПб., 1842.
8. Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. URL: https://royallib.com/read/mine_fransua/istoriya_frantsuzskoy_revolyutsii_s_1789_po_1814_gg.html#1659593.
9. Органический сенатус-консулт Конституции 16 термидора X года Республики (4 августа 1802 года) // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / сост. В. А. Томсинов. М., 2012.
10. Тьер Л.-А. История Консульства и Империи. М., 2012. Кн. 1. Консульство.
11. Тюлар Ж. Наполеон или миф о «спасителе» / пер. с фр. А. П. Бондарева; вступ. ст. А. П. Левандовского. 3-е изд. М., 2009.

Bibliography

1. Borzho Sh. Establishment and revision of constitutions. Moscow, 1905. Issue I.
2. Vandal A. The rise of Bonaparte. Origin of the Brumaire Consulate. Constitution of the 3rd year. St. Petersburg, 1905. Part I.
3. The history of the XIX century / ed. by Laviss and Rambo. Moscow, 1938. Vol. 1.
4. Manfred A. Z. History of France. Moscow, 1973. Vol. 2.
5. Kareev N. I. The political history of France in the 19th century. St. Petersburg, 1902.
6. Lanfre P. History of Napoleon. St. Petersburg; Moscow, 1870–1871. Vol. II, III.
7. Laurent P. M. History of Napoleon. St. Petersburg, 1842.
8. Minier F. History of the French Revolution from 1789 to 1814. URL: https://royallib.com/read/mine_fransua/istoriya_frantsuzskoy_revolyutsii_s_1789_po_1814_gg.html#1659593.
9. Organic senate consultant of the Constitution of the 16th Thermidor of the Xth year of the Republic (August 4, 1802) // Antology on the history of the state and law of foreign countries. New and modern time / compiled by V. A. Tomsinov. Moscow, 2012.
10. Thier L.-A. History of Consulate and Empire. Moscow, 2012. Book 1. The consulate.
11. Tular J. Napoleon or the myth of the «savior» / translated from French by A. P. Bondarev; introductory article A. P. Lewandowski. 3rd ed. Moscow, 2009.

Рожковский Виталий Борисович
Rozhkovsky Vitaly Borisovich

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, доцент.

Professor of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philosophy, Associate Professor,
E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru

**ВИЗАНТИЙСКАЯ ТЕОРИЯ СИМФОНИИ СВЕТСКОЙ
И ДУХОВНОЙ ВЛАСТЕЙ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

**Byzantine theory of the symphony of secular
and spiritual power and its historical significance**

В статье исследуется историческое значение византийской теории симфонии власти церкви и государства. Анализируя идейные истоки, генезис и практическое преломление этой теории в истории Византии и христианской цивилизации в целом, автор приходит к выводу об ее актуальном значении для обоснования нравственного призвания государственной власти с точки зрения христианских ценностей и императивов, а также современной организации взаимодействия Российского государства и Русской православной церкви.

Ключевые слова: византийская теория симфонии властей, византийская государственность, Юстиниан Великий, Русская православная церковь, Российское государство, нравственные ценности правды, жертвенного служения и милосердия.

The article explores the historical significance of the Byzantine theory of the symphony of church and state power. Analyzing the ideological origins, genesis and practical refraction of this theory in the history of Byzantium and Christian civilization as a whole, the author comes to the conclusion about its actual importance for the justification of the moral vocation of state power from the point of view of Christian values and imperatives, as well as the modern organization of interaction between the Russian state and the Russian Orthodox church.

Keywords: Byzantine theory of the symphony of powers, Byzantine statehood, Justinian the Great, the Russian orthodox church, the Russian state, the moral values of truth, sacrificial service and mercy.

Византийская теория симфонии властей (церкви и государства) до сих пор привлекает внимание исследователей и остается актуальной в стратегическом смысле идеологической организации государственной и социальной жизни в современной России. С одной стороны, это объясняется тем, что в современной практике западноевропейских демократий понимание функционирования власти во многом сводится к инструментальному значению «эффективного управления, забывающему о своей этической задаче» (Ю. Хабермас), о следовании идеалам политической добродетели, а с другой стороны, актуализацией попыток различных государств «сформировать собственную правовую аксиологию» на фоне навязывания размытых ценностей «абстрактной демократии» [1, с. 15].

Декларируемая в Стратегии национальной политики Российской Федерации до 2025 года

опора на консервативные (традиционные) духовные ценности неизбежно обращает нас к вопросу о значении исторического опыта взаимодействия государства и традиционных социальных институтов, среди которых на протяжении веков большое социокультурное значение для российского общества имела Русская православная церковь. Данный вопрос не перестает быть значимым в новых условиях взаимодействия государства и церкви, поскольку идеология «светского государства» и отделения церкви от государства отнюдь не отрицает ни роли церкви в жизни общества, ни необходимости религиозной политики государства, ни определенного рода сотрудничества государственных и религиозных институтов. Абсолютизация идеологии секуляризма вряд ли может быть конструктивной с точки зрения обращения к христианским духовно-историческим корням европейской цивилиза-

ции, и в особенности, к традиционным духовным историческим ценностям России, определяемым влиянием православия. Тем более, что отечественному политико-правовому дискурсу была генетически свойственна зависимость от аксиологических координат и категорий византийского права, в том числе в стремлении обосновать нравственное призвание верховной власти и права с точки зрения христианских императивов. Следует отметить, что симфония светской и духовной властей имела символическое закрепление в государственном гербе Российской империи.

Вместе с тем оценки византийской теории симфонии государственной и церковной властей с точки зрения ее политической состоятельности и исторической достоверности до сих пор разнятся. Даже внутри института церкви не наблюдается однозначной оценки, хотя при этом теоретический потенциал теории симфонии до сих пор не исчерпан. В практической политической же плоскости данная теория служит основанием для самоидентификации некоторых новейших партий, позиционирующих свою легитимность с точки зрения интересов многочисленных верующих, причисляющих себя к Русской православной церкви. Очевидно, что и любые социально-политические проекты, не признающие позицию государственного индифферентизма в отношении роли института церкви, вынуждены считаться с византийским имперским опытом.

На протяжении веков, начиная с утверждения христианской цивилизации, вся государственно-правовая жизнь, заключая в христианской империи форму идеала, рассматривалась как особого рода религиозно-нравственное служение Богу. В этом смысле понималось известное изречение апологета Ириния Лионского: «Всякий праведный царь имеет священнический чин» [2]. Иными словами, государственно-правовая жизнь неслучайно осознавалась как имеющая божественный, сакральный источник. На этой догматической почве возникла особая теория взаимодействия церковной и государственной жизни в лице высшей государственной власти – императора, включая теорию симфонии светской и церковной властей. Соответственно, и все формы культурной и социальной жизни в европейских государствах, находившихся в орбите визан-

тийской ойкумены, долгое время определялись фактическим влиянием данной теории. С государственным признанием и утверждением христианства неизбежно возник вопрос об отношении церкви и государства друг к другу, и вместе с тем было осознано ангиномическое содержание этого отношения, определяемое различными функциями государственной и церковной власти. Направленность общественного сознания в христианскую эпоху к трансцендентным идеалам оформляло соответствующим способом тематику и содержание политико-правовых теорий. Выведение на первый план проблемы соотношения церкви и государства неизбежно порождало споры о сущности, целях и задачах государства, о его отличии от церкви. От римской политико-правовой системы Византийское государство заимствовало целый ряд традиций, в том числе и специфику позиционирования верховной власти по отношению к религиозной жизни и социуму, гражданской среде. Христианские богословы рецептировали политико-правовые идеалы предшествующей римской власти, исполнив их смыслами новозаветного откровения. Между тем смысловое напряжение между различными мировоззренческими установками в политико-правовых идеалах и реальной исторической практикой сохранилось. Споры о соотношении церковных и государственных институтов в проведении общественной политики сопровождались выявлением различий между собственно правом как сферой государственной деятельности и законами совести и морали, обращенными во внутренний мир человека. Человек находился под влиянием церкви и государства. Этот двойственный эффект воздействия духовной и светской властей имел двоякое значение: борьба церкви за политическую власть компрометировала идею неограниченности прав светских правителей, и, наоборот, отстаивание суверенности светских властей способствовало повышению эффективности деятельности церкви.

Традиционный для Православной церкви взгляд на взаимоотношение церкви и государства сложился в эпоху византийского императора Юстиниана Великого. В определенном смысле этот император был довольно уникальной фигурой в истории Византии. Получив прекрасное богословское и юридическое об-

разование, он в совершенстве овладел эллинскими методами познания и риторики, «диалектическим искусством», что не помешало Юстиниану приобрести и христианское сознание священного призвания василевса. По широте политических устремлений Юстиниан осознавал себя наследником римских императоров, желающим создать могущественную сплоченную империю. Годы правления Юстиниана Великого (527–565) – целая эпоха в области политики, церковных взаимоотношений, богословской полемики, развития культуры, экономики и социальной жизни христианской страны и всей византийской ойкумены, ибо под влиянием Византии находились и ближайшие страны Востока и Запада – цивилизованного мира VI века. Следует отметить, что богословие и политика эпохи Юстиниана оказались тесным образом сопряжены. По сути, почти вся политическая жизнь была связана с церковной и полемической богословской атмосферой и вопросами того времени. Император явился значимой фигурой как одновременно талантливый богослов и политик, определяющий современные тенденции времени. Юстиниан активно вступал в богословские споры, связывая их разрешение не только с теоретической стороной дела, но и с мотивами единства православной веры и христианской державы, ощущая личную ответственность за принятие решений не только в политике как таковой. Печать его личного участия носит борьба с различными ересями (в особенности, несторианством, крайним монофизитством и оригенизмом). В собственно церковной политике в эпоху продолжающегося противостояния православных с монофизитскими общинами Востока Юстиниан стремился держаться авторитета IV Вселенского (Халкидонского) Собора, однако одновременно можно говорить о компромиссной церковной политике Юстиниана. Вместе с желанием восстановить единство с Востоком, где значительное влияние имели монофизитские общины и иерархи, Юстиниан стремился сохранить позитивные отношения с Западным христианским миром, прежде всего, с римским папой, сохраняющим определенные преференции и особое влияние на церковную политику времени, а также с иерархией, для которых стояние на стороне догматических установок Халкидона являлось существенно важным. В не-

которые моменты Юстиниан решался на проведение авторитарной, антисоборной политики, которая не всегда удавалась, хотя и привела в целом к важным результатам – таким, как проведение V Вселенского собора. Империя же, достигая успеха в сохранении церковью догматических истин Вселенских соборов, все же теряла, несмотря на все политические усилия, во внешнем благополучии, утрачивая целые восточные области и народы, симпатизирующие несторианству и монофизитству. В правление Юстиниана Великого была осуществлена новая кодификация всего римского права: в так называемый Свод гражданского права (*Corpus iuris civilis*) вошел «Кодекс Юстиниана», «Институции», «Дигесты» и «Новеллы». Это было синтезированное и переработанное в контексте христианского мировоззрения «древнее» римское право, приспособленное к византийской действительности VI века.

В Новеллах (*Novellae Constitutiones*) Юстиниан излагает теорию симфонии («доброе согласие») Царства и Священства. Юстиниан свои императорские полномочия (а не государственных институтов), то есть полномочия Царства в Церкви толкует очень широко. Царству принадлежит попечение о чести священников, более того, Царство заботится об истинных Божиих догматах, в то время как Священству (не Церкви, а именно Священству – сонму патриархов, епископов, священников и простых верующих) надлежит молиться за весь мир и за самого монарха. «Юстиниан Великий с особой силой ощутил ответственность императора за церковные дела, хотя эта ответственность была высокой еще со времени равноапостольного Константина Великого, которого называли “епископом внешних дел Церкви” и который сам себя называл “сослужителем епископов” и председательствовал на Вселенском Соборе. Юстиниан не только фактически усилил, но и теоретически обосновал участие императора в церковных делах в знаменитой своей теории симфонии» [3].

Теория симфонии в изложении Юстиниана явилась, несомненно, откликом на теории церковно-государственных отношений, которые в конце V – начале VI веков излагали римские папы Гиласий и Симмах. Они стремились показать превосходство духовной власти и подчиненное значение государственной власти

в церковных делах, считали, что государь должен, приклонив выю, смиренно выслушивать, что говорят ему священники в делах веры. С одной стороны, это являлось выражением римского клерикализма, с другой стороны, это было вполне оправдано с точки зрения церкви тем, что эти наставления адресовывались императору Анастасию, который склонялся на сторону ереси монофизитов.

Как говорит Юстиниан, «“священство служит вещам Божественным”, “оно более Божественная часть Церкви”, “дело священства – молитва”, т. е. предельно широко понимаемая литургическая и сакраментальная жизнь Церкви» [3]. «Царство» же (то есть власть монарха, императора) вообще устраивает «человеческую» сторону церкви – заботится о догматах, о чести священников, о соблюдении церковных правил. В «Дигестах» утверждается, что издаваемые законы регулируют и «человеческие», и «божественные» дела. Утверждается некоторое преимущество Царства. В одном из своих законов Юстиниан говорит: «Что же есть более великого, более святого, чем императорское величество?!» [4, с. 132]. На практике это приводило к тому, что василевс вмешивался со своими богословскими доводами в подготовку церковных соборных решений. По этим моментам приходится сделать вывод, что в известном смысле Юстиниан считал себя главой церкви, а иерархов церкви, в том числе римского папу, своего рода орудиями своей политики. Впоследствии откровеннее всего цезарепапистские притязания обнаружились в политике императоров-иконоборцев в иконоборческую эпоху (VIII–IX века).

Тем не менее власть императора по отношению к церкви, где высшим каноническим авторитетом обладал Вселенский собор, а патриархи имели большой общественный авторитет в церковных вопросах, не была безграничной. «Император в отношении Церкви выступал *de iure* как надзирающая, но не как руководящая инстанция... Не имел права издавать, отменять и толковать каноны... выступать в роли судьи по церковным вопросам» [5, с. 181]. Кроме того, «императорская власть, будучи всеобъемлющей, не была самостоятельной... Она не могла иметь должного контроля над управлением. Она отрезалась от на-

рода. В результате, нравственный характер власти мог сохраняться лишь постольку, поскольку это успевала сделать Церковь... Император остался тем, чем был в Риме: абсолютной управительной властью» [6, с. 193]. Большое значение в государственной и социальной жизни имело монашество. Юстиниан хотя и стремился к тому, чтобы монахи подчинялись епископам, но при этом признавал неотъемлемое духовное влияние монашества на общество и поддерживал участие монахов в деятельности Соборов. «Эти три силы – император, епископат и монашество – в истории Византийской Церкви или плодотворно сотрудничали в духе Юстиниановой симфонии, или же приходили в столкновение друг с другом. В этом динамика и драматизм византийской церковной истории» [3].

В очень сложной богословско-полемической и социально-политической атмосфере VI века деятельность императора Юстиниана Великого оставила значительный след и, несмотря на все перипетии политической жизни, значительно повлияла на развитие богословия и церковной политики, установление на несколько веков такого политического явления, как «византийская ойкумена» – геополитического и культурного ареала православной цивилизации. Именно при Юстиниане империя ромеев становится империей нового – византийского христианского средневекового сознания. Юстиниана Великого справедливо упрекают в цезарепапистской тенденции применения власти, гонениях и недооценке свободного соборного начала в церкви. Однако следует признать, что византийский политико-правовой идеал, несмотря на все исторические трансформации и противоречия, оказал большое воздействие на политико-правовое сознание в Средние века. Его исходные ключевые составляющие, на которых он строился, представляют собой и признание равенства людей в своем важнейшем духовном измерении (в личностном отношении к Богу), и уважение человеческого достоинства внутри человеческого сообщества, и высвобождение духовно-нравственной жизни от политического контроля («отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу»), и приоритет духовно-нравственных ценностей вообще. Именно под влиянием христианства в Средневековье утвердились

идеи о том, что монарх и власть в целом должны служить своему народу и не вправе нарушать законы, вытекающие из Божественных заповедей. Такой христианский правовой идеал создает целостную идейную картину, «хранителем» которой выступает церковь. Абсолютность Правды Божией, невозможность ее «исправить» или ею пренебречь дают право обоснования. Право «насыщается» определенными христианскими ценностями, регулирующими и мотивирующими поведение людей. При этом верховная власть во многом свободна от формальных юридических ограничений и может самоограничиваться лишь собственным нравственным сознанием высшего служения, идеологическими требованиями, закрепленными в догматах религии и нравственным сознанием общества.

В практическом же историческом контексте византийская государственность и социально-культурная жизнь оставались многоликими и далеко не всегда соответствовали идеалу симфонии. Так, некоторые императоры, «забывая» свои христианские функции, часто переходили границы своей земной власти. Тем не менее громадная средиземноморская империя, несмотря на тяжелейшие внутренние и внешние политические потрясения, оказалась жизнеспособной, в том числе и в плане культуры власти. Попытки же истолкования политико-правовых теорий, созданных в византийское Средневековье, в последующей истории оказались очень разнообразны: от политического индифферентизма до полного огосударствления церкви в христианском государстве. При всем этом сама идея симфонии Царства и Священства никогда не подвергалась сомнению в истории, по крайней мере, истории Православной церкви. Ведь суть ее «составляет обоюдное сотрудничество (Церкви и государства), взаимная поддержка и взаимная ответственность, без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой ... Государство... ищет у Церкви духовной поддержки..., а Церковь получает от государства помощь в создании условий, благоприятных для проповеди и для духовного окормления своих чад, являющихся одновременно гражданами государства» [7]. Так звучат важные идейные положения о понимании отношения государства и церкви со ссылкой на византийскую теорию симфонии

властей в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000 год).

В истории России вплоть до 1917 года отношения между церковной и государственной властью исторически складывались как более гармоничные. Впрочем, и здесь были сюжеты очевидного нарушения симфонии, например, в правление Иоанна Грозного в сторону цезарепапизма, в правление Алексея Михайловича – в попытке усиления влияния церковной власти в лице патриарха Никона. В Синодальную эпоху симфонический идеал нарушался вследствие влияния протестантской доктрины территориализма и государственной церковности. После крушения Российской империи Поместный Собор 1917–1918 годов предпринял попытку возродить православную идею симфонии. Требование советского правительства об отделении церкви от государства было признано канонически неправомерным, неестественным, поскольку нарушало внутренний закон церкви. Однако последующая история атеизма и крушения известных государственных форм оставили эту попытку самоопределения церкви в лице Собора нереализованной.

Следует признать, что выражение христианского мировоззрения в византийской теории симфонии не получило современного политико-институционального признания и воплощения в реальных государственно-правовых нормах, в том числе и в современной России, гармонично соответствующих заложенной в ней идее. Но, может быть, христианско-правовой идеал и не должен иметь перспективы полного земного воплощения? Во всяком случае реальная история взаимоотношений государств, начиная от эпохи Юстиниана Великого, – это процесс сочетания легитимных политических практик с элементами насилия и принуждения, вызванными историческими противоречиями и личными недостатками. Государство не способно построить Царство Божие на земле, и весь вопрос остается за тем, способна ли верховная власть принципиально не отходить от идеальных христианских императивов в той сложной политической конъюнктуре, которая сформировалась в современном мире.

При том, что в Российской Федерации религиозные объединения отделены от государ-

ства, которое является согласно Конституции РФ светским, это не означает, что государство в лице высшей власти и законодательства являет позицию индифферентизма, а церковь не способна выполнять свое призвание в обществе. Государство осуществляет определенную религиозную политику, отраженную в законодательстве и в правоприменительной практике, как в плане регламентации деятельности религиозных организаций, так и в плане поддержки религиозно-духовной культуры и образования, активно взаимодействует с церковью в социальной сфере. Со своей стороны, церковь оставляет за собой право «напоминать» власти и обществу о нравственных ценностях, исторически свойственных России, принимает участие в формировании мировоззренческих позиций, правосознания в российском обществе.

Плодотворные формы сотрудничества между государством и церковью осуществимы в социальной сфере, а это – помощь людям, загнанным в социальные «пустоты» (инвалиды, сироты, одинокие престарелые и пр.), пострадавшим от различного рода социальных потрясений и природных и техногенных катастроф. Для плодотворного социального служения Русской православной церкви в Российском государстве в настоящее время имеются не только существенные теологические посыпки (исходя из природы церкви как сообщества, определяемого ценностями сострадания и жертвенности и ее духовно-исторического опыта), но и юридические основания, которые можно обнаружить в ряде основных законов и отдельных правовых соглашениях о сотрудничестве между церковью как социальным институтом и государственными институтами (в том числе, правоохранительным). Государство, не отказываясь от исполнения социальных функций, как бы делегирует возможность социального служения (например, благотворительности и психологической помощи) церкви, которая в определенном смысле обладает большей социальной пластичностью, поскольку способна в короткое время создавать добровольные социальные общности (братства, сестричества милосердия, благотворительные организации и другие) для помощи людям в разных жизненных ситуациях, в особенности

помощи духовно-психологической. Данная форма взаимодействия показала свою эффективность, в частности, в 2014–2015 годах в преодолении серьезных гуманитарных последствий вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины.

В плане перспективного взаимодействия между государственными институтами и церковью важное идеологическое значение имеют намеченные стратегии развития Российского государства и Русской православной церкви, современная социальная концепция которой строится на признании как своего автономного права в церковной жизнедеятельности, так и необходимости действий по законам Российского государства. При этом в практическом плане взаимодействия важным является нахождение корректного баланса между государственными институтами светской власти и церковными структурами. Общие стратегические ориентиры взаимодействия государства и Русской православной церкви заключены в неоднократно подчеркиваемой Президентом РФ В. В. Путиным в официальных выступлениях опоре в государственной политике на традиционные институты общества и консервативные духовные ценности. Отставание же таких ценностей предполагает уважение генетически заложенных в них универсальных религиозных и моральных компонентов, к которым можно отнести идеи нравственной правды, жертвенного служения и милосердия (социальной участности), противостоящие либеральной идеологии индивидуального самоутверждения и «разумного эгоизма». Все это свидетельствует об открытости российского государства к выполнению своей социально-нравственной миссии, что отвечает нравственной необходимости «социального» государства, которое в этом качестве определялось еще в конце XIX века известным русским философом В. С. Соловьевым в сравнении с церковью как «собираательно-организованном благочестии» в качестве «собираательно-организованной жалости» [8] по отношению к своим согражданам. Утверждение подобных ценностей и установок отвечает заложенной в византийской теории симфонии идее органичного творческого сосуществования религии, государственности и социально-культурной жизни.

Литература

1. Киреев М. Н. Аксиология и воспитательный потенциал отечественной правовой культуры: компаративный анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Белгород, 2019.
2. Иринеи Лионский. Против ересей. URL: http://www.golden-ship.ru/load/bogoslovie/protiv_erezej_kniga_4/40-1-00-883.
3. Асмус В. Отношения церкви и государства по законам императора Юстиниана I. URL: <http://www.pstbionline.orthodoxy.ru/node/456>.
4. Васильев А. А. История Византийской империи. СПб., 2000.
5. Максимович К. А. Право и Церковь // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. VIII.
6. Тихомиров Л. Н. Монархическая государственность. СПб., 1992.
7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/iii/>.
8. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/opravdanie-dobra-nravstvennaja-filosofija/>.

Bibliography

1. Kireev M. N. Axiology and educational potential of domestic legal culture: comparative analysis: abstract of the dis. ... Doctor of Philosophy. Belgorod, 2019.
2. Irinej Lionskij. Against the heresy. URL: http://www.golden-ship.ru/load/bogoslovie/protiv_erezej_kniga_4/40-1-00-883.
3. Asmus V. Church-state relations according to the laws of Emperor Justinian I. URL: <http://www.pstbionline.orthodoxy.ru/node/456>.
4. Vasiliev A. A. History of the Byzantine Empire. St. Petersburg, 2000.
5. Maksimovich K. A. Law and Church // Orthodox encyclopedia. Moscow, 2004. Vol. VIII.
6. Tikhomirov L. N. Monarchical statehood. St. Petersburg, 1992.
7. The foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/iii/>.
8. Soloviev V. S. Justification of good. Moral philosophy. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/opravdanie-dobra-nravstvennaja-filosofija/>.

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.
2. Объем научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.
3. Материалы представляются в редакцию:
  - на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.
  - на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.
4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.
5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.
6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).
7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор.
8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на официальном сайте ФГКОУ ВО РЮИ МВД России).
9. Внешняя рецензия предоставляется в редакцию автором научной статьи, не имеющим ученой степени. Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.
10. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.
11. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.
12. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очередности.
13. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.
14. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.
15. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.
16. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
17. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**